

ВЕСНІК

*Беларускага дзяржаўнага
універсітэта імя У. І. Леніна*

СЕРЫЯ IV

ФІЛАЛОГІЯ

ЖУРНАЛІСТЫКА

ПЕДАГОГІКА

ПСІХАЛОГІЯ

1
—
1981

ЗМЕСТ

<i>Булахаў М. Г.</i> Першы акадэмік-беларусавед	3
---	---

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

<i>Коржицкая Н. И. М. С.</i> Ольминский о Льве Толстом	8
<i>Автухович Т. Е.</i> Ранние стихотворения Феофана Прокоповича	11
<i>Любич С. Н.</i> В тревоге за судьбу мира (Роман Р. Мерля «Разумное животное»)	14

МОВАЗНАЎСТВА

<i>Бурак Л. I.</i> Стылістычная дыферэнцыяцыя некаторых канструкцый сучаснай беларускай літаратурнай мовы	17
<i>Копач А. I.</i> Аказіяналізмы ў сучаснай беларускай паэзіі	21
<i>Антропаў М. П.</i> Аб прынцыпах намінацыі ў беларускай народнай арнітаніміцы	24
<i>Клюсов Г. Н.</i> О личных значениях существительных	27
<i>Леценко В. Л.</i> Варианты словосочетаний и критерии их выделения	31
<i>Ахмед Мохамед эль-Агими.</i> Семантические группы существительных общего рода	35

ЖУРНАЛІСТЫКА

<i>Юрганова Т. А.</i> О некоторых особенностях газетной композиции	37
<i>Дубовик В. И.</i> Античные образы в произведениях В. И. Ленина	39
<i>Пономарева А. В.</i> Пропаганда решений III съезда РСДРП в листовках большевиков Белоруссии 1905 года	43

ПЕДАГОГІКА, ПСІХАЛОГІЯ

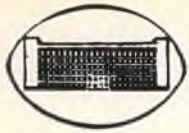
<i>Мяцельскі М. С.</i> Народнае настаўніцтва Беларусі ў перыяд рэвалюцыі 1905—1907 гадоў	46
<i>Галеб аль-Тамими.</i> Место терминологии в обучении арабов русскому языку	49
<i>Саватеева Л. А.</i> Куратор академической группы как воспитатель студенческой молодежи	51
<i>Дичковская Л. Н., Овчаренко В. И.</i> К вопросу о психоаналитической концепции структуры личности	53

Рэцэнзіі

<i>Германович И. К. М. Г. Булахов. Евфимий Федорович Карский. Жизнь, научная и общественная деятельность . . . . .</i>	57
<i>Яцкевич Л. Г. Е. И. Янович. Наречие в истории русского языка. Генезис и функционирование основных морфологических типов производных наречий . . . . .</i>	58
<i>Павленко И. А. В. И. Кодухов. Введение в языкознание . . . . .</i>	60

НАШЫ ЮБІЛЯРЫ

Рыгор Васільевіч Булацкі (Да 60-годдзя з дня нараджэння)	62
Васіль Андрэевіч Пыжкоў (Да 60-годдзя з дня нараджэння)	63
Алег Антонавіч Лойка (Да 50-годдзя з дня нараджэння)	64

ВЕСНІК

*Беларускага дзяржаўнага
універсітэта імя У. І. Леніна*

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца з 1969 года
адзін раз у чатыры месяцы

СЕРЫЯ IV

ФІЛАЛОГІЯ

ЖУРНАЛІСТЫКА

ПЕДАГОГІКА

ПСІХАЛОГІЯ

№ 1
КРАСАВІК

Галоўная рэдакцыйная калегія часопіса:

М. Д. ЦІВО (*галоўны рэдактар*),
П. М. БАРАНОЎСКІ (*адказны сакратар*), В. С. ГРЫГОР'ЕЎ,
Г. П. ДАВІДЗЮК, У. Р. ІВАШЫН, В. Р. РУДЗЬ (*нам галоўнага рэдактара*), А. М. САРЖЭЎСКІ, А. Я. СУПРУН,
І. Р. ЦІШЧАНКА

Рэдакцыйная калегія серыі:

А. Я. СУПРУН (*адказны рэдактар*)
Р. В. БУЛАЦКІ, Р. І. ВАДЗЭКА, А. А. ВОЛК, І. К. ГЕР-
МАНОВІЧ (*адказны сакратар*), В. В. КАЗЛОВА, І. П. КАХ-
НО, Ф. І. КУЛЯШОЎ, М. Р. ЛАРЧАНКА, М. У. ПІСКУНОЎ,
В. П. РАГОЙША, Б. В. СТРАЛЬЦОЎ, П. І. ТКАЧОЎ,
М. Я. ЦІКОЦКІ, Л. М. ШАКУН (*нам. адказнага рэдактара*),
І. В. ШАБЛОЎСКАЯ, П. П. ШУБА

ВЕСТНИК БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. В. И. ЛЕНИНА

Серия IV, № 1, 1981

Издательство Белорусского государственного
университета им. В. И. Ленина
220048, Минск, пр. Машерова, 11. Дом книги.

Адрес редакции: 220080, Минск, ул. Бобруйская, 7, тел. 20-65-42.

На русском и белорусском языках

Рэдактар *А. А. Сычоў*
Малодшы рэдактар *Г. М. Добыш*
Мастацкі рэдактар *Л. Г. Мядзведзева*
Тэхнічны рэдактар і карэктар *Г. І. Хмарун*

Здадзена ў набор 28.01.81. Падпісана да друку 08.04.81. АТ 20501. Фар-
мат 70×108^{1/16}. Друк высокі. Ум.-друк. арк. 5,6. Ул. выд. арк. 6,87.
Тыраж 1015 экз. Заказ 54.

Адрас рэдакцыі: 220080, Мінск, вул. Бабруйская, 7, тэл. 20-65-42. Вы-
давецтва Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя У. І. Леніна.
220048, Мінск, пр. Машэрава, 11. Дом кнігі.

Ордэна Працоўнага Чырвонага Сцяга друкарня выдавецтва ЦК КП
Беларусі, 220041, Мінск, Ленінскі пр., 79.

М. Г. БУЛАХАЎ

ПЕРШЫ АКАДЭМІК-БЕЛАРУСАВЕД

Споўнілася 120 гадоў з дня нараджэння Яўхіма Фёдаравіча Карскага — выдатнага сына беларускага народа, заснавальніка беларускай філалогіі, правадзейнага члена (акадэміка) Расійскай акадэміі навук (Акадэміі навук СССР), старшыні Мінскай камісіі па стварэнню ў рэспубліцы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Я. Ф. Карскі нарадзіўся 1 студзеня (па н. ст.) 1861 года ў вёсцы Лаша Гродзенскага павета (цяпер Гродзенскага раёна БССР) у сям'і настаўніка. Скончыўшы Ятранскае народнае вучылішча Навагрудскага павета і сярэдняю навучальную ўстанову ў Мінску, ён атрымаў вышэйшую адукацыю ў Нежынскім гісторыка-філалагічным інстытуце, затым працаваў настаўнікам рускай мовы ў 2-й Віленскай гімназіі (1885—1893), выкладчыкам рускай і стараславянскай моў у Варшаўскім універсітэце (1893—1894), прафесарам гэтай жа ўстановы (1894—1915). На працягу двух тэрмінаў Я. Ф. Карскі быў выбарным рэктарам Варшаўскага ўніверсітэта (1905—1910). У сувязі з выбраннем 8 кастрычніка 1916 года правадзейным членам Расійскай акадэміі навук ён пераязджае ў Петраград і працуе там да самай смерці.

За вялікія навуковыя заслугі Я. Ф. Карскі ў розныя гады быў выбраны членам Археаграфічнай камісіі Маскоўскага археалагічнага таварыства (1896), членам-карэспандэнтам Таварыства аматараў старажытнай пісьменнасці (1898), ганаровым членам Гісторыка-філалагічнага таварыства пры Наварасійскім універсітэце (1914), членам Таварыства аматараў расійскай славеснасці (1925), Таварыства пісьменнасці і мастацтва ў Ленінградзе (1927), Праўлення і Прэзідыума АН СССР, Навукова-даследчага інстытута пры Ленінградскім універсітэце, Камісіі «Навука і навуковыя работнікі», правадзейным членам Чэшскай акадэміі навук (1929). Пасля пераезду ў Петраград Я. Ф. Карскі з'яўляўся прафесарам Петраградскага (затым Ленінградскага) ўніверсітэта, дырэктарам Музея этнаграфіі і антрапалогіі АН СССР, старшынёй Слоўнікавай камісіі, а таксама Камісіі па рускай мове. Многія гады Я. Ф. Карскі рэдагаваў навуковыя часопісы: «Русский филологический вестник» (1905—1917), «Известия ОРЯС АН СССР», «Известия по РЯС АН СССР», «Известия Комиссии по русскому языку». Ён быў таксама членам Рэдакцыйна-выдавецкага савета пры Акадэміі навук.

Філалагічныя працы Я. Ф. Карскага вызначаліся арыгінальнасцю і глыбінёй даследавання навуковых праблем. Яны былі адзначаны Рускім геаграфічным таварыствам залатым медалём (1894), Акадэміяй навук — залатым медалём імя Бацюшкава (1898), Малой Ламаносаўскай прэміяй (1901), прэміяй імя Бацюшкава (1910), прэміяй імя Ахматава (1913).

Навуковая дзейнасць Я. Ф. Карскага была шматграннай і плённай, яна ахоплівала розныя галіны славяназнаўства — русістыку, беларусістыку, украіністыку, паланістыку і наогул усё, што датычалася гісторыі і сучаснага стану славянскай філалогіі. Нельга не пагадзіцца з прафесарам П. С. Кузняцовым, які пісаў, што Яўхім Фёдаравіч «быў адным з апошніх прадстаўнікоў пакалення вучоных таго часу, калі ў кола інтарэсаў філалага пападалі вельмі разнастайныя, хоць і ўзаемна звязаныя галіны навуковага даследавання. Ён быў адначасова палеографам і гісторыкам мовы, дыялектолагам і этнографам, даследчыкам вуснай народнай творчасці і старажытнай пісьмовай літаратуры, знаўцам новай літарату-

ры, мовы і стылю майстраў паэтычнага слова. Плённая навукова-даследчая праца на ўсіх этапах яго жыцця спалучалася ў Яўхіма Фёдаравіча з педагогічнай і грамадскай дзейнасцю»¹.

Бяспрэчна, у гісторыю айчынной навукі Я. Ф. Карскі ўвайшоў перш за ўсё як заснавальнік беларускай філалогіі. Паказальна, што да канца XIX — пачатку XX стагоддзя нікому з папярэднікаў Я. Ф. Карскага не ўдалося стварыць цэльнай навуковай канцэпцыі ўтварэння беларускай мовы і яе гістарычнага развіцця ад XIV да XX стагоддзя ўключна. У той перыяд ні ў Расіі, ні за рубяжом ніхто не змог напісаць навуковую граматыку, фанетыку і лексікалогію сучаснай беларускай мовы, даследаваць старабеларускія пісьмовыя помнікі для пабудовы гісторыі беларускай мовы ва ўсім аб'ёме яе гукавых, граматычных і слоўнікавых асаблівасцей. Гэтыя надзвычай складаныя задачы бліскуча рашыў Я. Ф. Карскі, які прымяніў разнастайныя прыёмы даследавання і крытычна ацаніў усе факты, накопленыя яго папярэднікамі. Для асветлення шляхоў фарміравання беларускай мовы трэба было глыбока вывучыць велізарную пісьмовую спадчыну XIII—XVII, а таксама фальклор і літаратурныя творы на беларускай мове перыяду XVIII—XIX стагоддзяў. Я. Ф. Карскі з гэтай мэтай даследуе не толькі апублікаваныя ў XIX стагоддзі старабеларускія помнікі, але і рукапісныя крыніцы, якія захоўваліся ў нашай краіне і за рубяжом. У Працах Папярэдняга камітэта па арганізацыі IX Археалагічнага з'езда ў Вільні ў 1893 годзе вучоны публікуе агляд «Да пытання аб распацоўцы старой заходнерускай гаворкі», у якім падводзіць вынікі лінгвістычнага і палеаграфічнага вывучэння важнейшых старабеларускіх помнікаў і намячае далейшыя задачы ў гэтай галіне. У тым жа годзе выходзяць у свет яго даследаванні «Да гісторыі гукаў і форм беларускай мовы», «Два помнікі старой заходнерускай гаворкі: 1. Лютэранскі катэхізіс 1562 года; 2. Каталіцкі катэхізіс 1585 года». У 1894 годзе Я. Ф. Карскі публікуе працу «Аб мове так званых Літоўскіх летапісаў», а ў другой палове 90-х гадоў з'яўляецца яшчэ шэраг каштоўнейшых даследаванняў вучонага па гісторыі беларускай мовы: «Заходнерускія пераклады псалтыра ў XV—XVII стагоддзях» (1896), «Што такое старажытнае заходнерускае гаворка» (1897), «Заходнерускі зборнік XV ст., які належыць ім. Публічнай бібліятэцы, Q.1. № 391. Палеаграфічныя асаблівасці, састаў і мова рукапісу» (1897), «Заходнерускае сказанне аб Сівіле-прарочыцы па рукапісу XVI ст. Тэкст сказання, яго састаў і мова» (1898), «Асаблівасці пісьма і мовы рукапіснага зборніка XV стагоддзя, які называецца летапісам Аўраамкі» (1899), «Два старажытнейшыя рускія дакументы галоўнага архіва Царства Польскага ў Варшаве» (1899).

Частка пералічаных прац з'явілася ў выніку навуковых заняткаў Я. Ф. Карскага летам 1895 і 1898 гадоў у бібліятэках і архівах Пецярбурга, Масквы, Троіца-Сергіевай лаўры і Вільні.

Да мовы старабеларускіх пісьмовых помнікаў вучоны працягваў вялікую цікавасць і ў наступныя гады, вынікам чаго былі яго працы «Заходнерускі ярлык хана Залатой Арды Тахтамышы к польскаму каралю Ягайле 1392—1393 г.» (1916), «Старажытная памятка ў жывой народнай беларускай мове. (Інтэрмедыя 1651 г.)» (1919), «Доктар Францыск Скарына. З нагоды 400-годдзя яго друкаваных выданняў (1517—1917)» (1918), «Беларуская мова арабскім пісьмом» (1922), «Да гісторыі беларускай мовы ў XVII стагоддзі» (1930) і інш.

Я. Ф. Карскі заўсёды лічыў, што праўдзівую гісторыю мовы нельга пабудаваць толькі на фактах старой пісьменнасці. Не менш важнай крыніцай, якая служыць для правільнага разумення гістарычных шляхоў развіцця мовы, з'яўляецца сучасная жывая народная мова ва ўсёй разнастайнасці яе тэрытарыяльных і сацыяльных гаворак. Вось чаму ўжо з самага пачатку навуковай дзейнасці Я. Ф. Карскі ўдзяляў выключную ўвагу праблемам беларускай народнай мовы XVIII—XX стагоддзяў. Паказальна, што сваю першую працу «Агляд гукаў і форм беларускай мовы» (1886) ён піша, шырока выкарыстоўваючы матэрыялы фальклорных, дыялекталагічных і энтаграфічных запісаў XIX стагоддзя (С. П. Мікуцкага, І. І. Насовіча, П. А. Гільтэбранта, М. А. Дзмітрыева, П. В. Шэйна, В. Дыбоўскага і інш.), а таксама ўласных публікацый твораў вуснай народнай творчасці вёскі Беразовец Навагрудскага павета. У сувязі з гэтым Я. Ф. Карскі падрабязна аналізуе фальклорныя і энтаграфічныя зборнікі Е. Р. Раманава (1904), Е. Кліха (1905), К. Машынскага (1928).

Імкнучыся пашырыць дыялекталагічныя нагляданні, Я. Ф. Карскі прымае на сябе абавязкі па рэдагаванню «Матэрыялаў для вывучэння бела-

рускіх гаворак» (вып. 1—6), якія друкаваліся ў «Известиях» і «Сборнике» АДДзялення рускай мовы і славеснасці Акадэміі навук з 1897 па 1914 год, здзяйсняе навуковыя паездкі па Беларусі і непасрэдна знаёміцца з жывой мовай як у цэнтры, так і на перыферыі беларускіх гаворак, каб вызначыць межы іх распаўсюджання. Асабліва карыснай была яго паездка летам 1903 года па тэрыторыі пагранічных (беларуска-латышскіх, беларуска-рускіх, беларуска-украінскіх і беларуска-польскіх) гаворак.

Пачынаючы з сярэдзіны 90-х гадоў Я. Ф. Карскі публікуе многа артыкулаў і паведамленняў аб гукавых і граматычных асаблівасцях, а таксама аб лексіцы беларускіх гаворак: «Заметка па рускай дыялекталогіі. Беларускае оў на месцы ал-ав» (1895); «Некаторыя рэдкія асаблівасці беларускай гаворкі ў Сакольскім павеце Гродзенскай губерні» (1896), «Заметка адносна дыфтонгаў у народнай гаворцы с. Браслаўцы і в. Падлессе Слуцкага павета Мінскай губерні» (1898); «Заметкі па беларускіх гаворках» (1901); «Да пытання аб граніцы беларускіх гаворак. Гук у замест ы ў некаторых беларускіх гаворках» (1905) і інш. Як буйнейшаму спецыялісту па гісторыі і дыялекталогіі беларускай мовы Я. Ф. Карскаму было даручана складанне першай праграмы вывучэння беларускай народнай мовы. У дарэвалюцыйны перыяд яна была двойчы выдадзена (1897 і 1916) пад назвай «Праграма для збірання асаблівасцей народных гаворак. III. Праграма для збірання асаблівасцей беларускай гаворкі».

Дзякуючы навуковай сістэматызацыі раней сабраных матэрыялаў і новых даных, якія былі атрыманы самім Я. Ф. Карскім пры абследаванні беларускіх гаворак, стала магчымым складанне першай дыялекталогічнай карты беларускай мовы, скончанай вучоным ужо ў 1902—1903 гадах разам з этнаграфічнай картай беларускага народа. На гэтай карце Я. Ф. Карскі паказаў два асноўныя дыялектныя масівы (паўночна-ўсходні і паўднёва-заходні) і гаворкі пераходныя або змешаныя на мяжы з рускімі і украінскімі гаворкамі.

Заняткаў па беларускай дыялекталогіі Я. Ф. Карскі не спыняў і ў апошні перыяд навуковай дзейнасці, калі ён апублікаваў працы «Заметкі па беларускай гаворцы» (1916); «Беларуская мова. Нарыс народнай мовы з гістарычным асятленнем» (1918); «Беларускі народ і яго мова» (1920); «Аб некаторых асаблівасцях беларускай мовы» (1927); «Чэрвенская гаворка. З беларускай дыялекталогіі» (1930).

Трэба яшчэ адзначыць раздзел «Беларуская гаворка» у кнізе Я. Ф. Карскага «Руская дыялекталогія...» (1924) і яго рэцэнзію на кнігу П. А. Бузука «Спраба лінгвістычнай геаграфіі Беларусі» (1928).

Калі да таго, што было зроблена Я. Ф. Карскім па вывучэнню беларускіх гаворак і твораў вуснай народнай творчасці, дабавіць яго працы аб мове беларускіх літаратурных твораў XIX—пачатку XX стагоддзя (у прыватнасці «Энеіду навыварат», твораў А. Ельскага, Л. Кандратовіча, А. Р. Пшчолкі, В. Каратынскага, Ф. Тапчэўскага, В. Дуніна-Марцынкевіча, М. Багдановіча і інш.), то стане ясна, што вучоны поўнаасцю даследаваў лад беларускай мовы новага перыяду яе гісторыі і, такім чынам, стаў заснавальнікам як беларускай дыялекталогіі, так і навукі аб сучаснай беларускай літаратурнай мове.

Але галоўнай навуковай заслугой Я. Ф. Карскага з'яўляецца тое, што ён упершыню ў айчынай філалогіі стварыў фундаментальную працу «Беларусы», у трох тамах якой дэталёва разгледжаны праблемы фарміравання і гістарычнага развіцця беларускай мовы ад XIV да 20-х гадоў XX стагоддзя, а таксама пытанні гісторыі і сучаснага стану беларускай народнай творчасці і мастацкай літаратуры. Усё, што вучоны на працягу многіх гадоў збіраў, вывучаючы багатую старабеларускую пісьменнасць, народную мову і мову мастацкай літаратуры новага часу, у «Беларусах» атрымала форму закончанай канцэпцыі ўзнікнення і развіцця беларускай мовы, атрымаўшай у спадчыну старажытнарускую моўную аснову. З выключнай дакладнасцю Я. Ф. Карскі вызначыў храналогію з'яўлення спецыфічных рыс беларускай мовы, іх геаграфічнае распаўсюджанне ў XIV—XVII стагоддзях і пазней, адносіны новага ладу беларускай мовы да роднасных рускай, украінскай і польскай моў; ён упершыню высветліў таксама месца літоўскіх, латышскіх, нямецкіх, фінскіх і цюркскіх лексічных элементаў ў слоўнікавым саставе беларускай мовы.

Паслядоўна прымяняючы параўнальна-гістарычны метады, вучоны пераканаўча даказаў, што беларуская мова, якая фарміравалася на базе заходнерускіх гаворак старажытнай эпохі, да XVI стагоддзя склалася ў сва-

іх галоўных фанетычных, граматычных і лексічных рысах, атрымала замацаванне ў багатай пісьменнасці, а ў наступныя стагоддзі працягвала развівацца, набываючы новыя структурныя асаблівасці. Такім чынам, гістарычная канцэпцыя ўтварэння беларускай мовы і поўнае апісанне яе сучаснага ладу, прадстаўлення ў манаграфіі «Беларусы», палажылі канец супярэчлівым поглядам вучоных XIX—пачатку XX стагоддзя, лічыўшых беларускую мову то групай гаворак, то проста гаворкай якой-небудзь іншай славянскай мовы. Вынікі вывучэння Я. Ф. Карскім стара-беларускай і новай беларускай мовы мелі велізарнае навукова-культурнае значэнне не толькі для беларускага народа. З моманту апублікавання прац Я. Ф. Карскага ў сусветным славяназнаўстве ўзніклі новыя аспекты філалагічнага даследавання славянскіх народаў, якія прадугледжваюць высвятленне гістарычных сувязей беларускай мовы і беларускай літаратуры з іншымі славянскімі мовамі і літаратурамі, а таксама фарміравання новай беларускай мовы ва ўзаемадзеянні з рускай, украінскай і польскай мовамі.

Руская мова была для Я. Ф. Карскага не толькі прадметам выкладання ў гімназіі і вышэйшых навучальных установах, не толькі сродкам зносін ў быту і грамадскай дзейнасці, але і аб'ектам усебаковага навуковага вывучэння. На працягу ўсяго свайго творчага жыцця ён займаўся даследаваннем мовы старажытнарускіх пісьмовых помнікаў, літаратурных твораў XVIII—XIX стагоддзяў, сучасных вялікарuskіх гаворак, рыхтаваў да друку і рэдагаваў выданні старажытных тэкстаў, вывучаў творчую спадчыну вядомых рускіх мовазнаўцаў, многія гады ўзначальваў буйнейшыя філалагічныя друкаваныя органы на рускай мове, удзельнічаў у арганізацыі і правядзенні розных навуковых мерапрыемстваў, накіраваных на вывучэнне праблем русістыкі.

У наш час, калі навука аб рускай мове дасягнула яшчэ больш выдатных поспехаў, шматлікія працы Я. Ф. Карскага па рускай мове не страцілі сваёй каштоўнасці, яны і цяпер складаюць вельмі важную частку лінгвістычнай спадчыны ў галіне гукавога ладу, граматычнай сістэмы, словаўтварэння, лексікі, стылістыкі не толькі старажытнаруускай, але і сучаснай рускай літаратурнай і народнай мовы. Адзначым некаторыя найбольш вядомыя працы вучонага па рускай мове: «Аб суфіксах у рускіх словах тыпу тэленок, Васенька, рученька, беленькіі» (1889); «Рускія прыслоўі домаі, долой» (1895); «Асаблівасці пісьма і мовы Мсціславава евангелля» (1895); «Гісторыя рускай мовы...» (1913); «З сінтаксічных нагляданняў над мовай Лаўрэнцьеўскага спісу летапісу» (1928); «Руская праўда па старажытнейшаму спісу. Уводзіны, тэкст, здымкі, тлумачэнні, указальнік аўтараў і слоўнікавага саставу» (1910); «Аб уплыве паэтычнай дзейнасці А. С. Пушкіна на развіццё рускай літаратурнай мовы» (1899); «Значэнне М. В. Гоголя ў гісторыі рускай літаратурнай мовы» (1909); «Значэнне М. В. Ламаносава ў развіцці рускай літаратурнай мовы» (1912); «Руская дыялекталогія» (1924); «Нарыс навуковай распрацоўкі рускай мовы ў межах СССР» (1926).

Я. Ф. Карскі заўсёды з захапленнем адзываўся аб багаці і выяўленчых сродках рускай мовы. Вось адзін з такіх водзываў вучонага: «У цяперашні час руская літаратурная мова да таго моцная, што з поспехам служыць... навуцы, зносінам людзей паміж сабой, будучы здольнай для перадачы не толькі самых узнёслых ідэй, але і найпяшчотнейшых пачуццяў і найтанчэйшых зрухаў сэрца»².

Нельга не ўспомніць шэрагу даследаванняў, артыкулаў і рэцэнзій Я. Ф. Карскага па ўкраінскаму мовазнаўству, сярод якіх глыбінёй пастаноўкі і вырашэння пэўных праблем вылучаюцца «Маларускі Луцыдарый па рукапісу XVII ст. Тэкст, састаў помніка і мова» (1905); «Гістарычны слоўнік украінскай мовы» (1930); «З рускай дыялекталогіі. 1. Да пытання аб ацвярдзенні (неўмякчальнасці) гукаў е і и ў маларускай гаворцы» (1904); «Праграма для збірання асаблівасцей маларускай гаворкі» (1897). Навуковую цікавасць маюць таксама водзывы на працы ўкраінскіх даследчыкаў мовы У. Гнацюка, М. С. Возняка, Я. К. Цімчанкі, А. Я. Крымскага, І. С. Свянціцкага і інш. Пытанні ўкраінскіх вучоных распрацоўваў як самі па сабе, так і ў сувязі з вырашэннем праблемы гістарычных узаемаадносін трох усходнеславянскіх моў. Пры падрыхтоўцы ж манаграфіі «Беларусы» Я. Ф. Карскага асабліва цікавіла пытанне аб сумежных беларуска-ўкраінскіх (або ўкраінска-беларускіх) гаворках. Менавіта з гэтай мэтай ён рабіў навуковыя паездкі па беларускаму і ўкраінскаму Палесся, пачынаючы з тэрыторыі ўсходняй часткі Гомель-

шчыны (а таксама суседніх населеных пунктаў на Чарнігаўшчыне) і за- канчваючы брэсцкімі і гродзенскімі гаворкамі. Вынікі гэтых паездак вучоны выкарыстаў таксама пры складанні этнаграфічнай і дыялекталагічнай карт Беларусі, апублікаваных у пачатку нашага стагоддзя.

Агульнапрызнанымі з'яўляюцца заслугі Я. Ф. Карскага ў галіне славянскага мовазнаўства і славянскай палеаграфіі. Ён стварыў рад арыгінальных прац па стараславянскай (царкоўнаславянскай), старабалгарскай, старопольскай мовах, стаўшых важным укладам у сусветнае славяназнаўства канца XIX—першай трэці XX стагоддзя. Сярод гэтых прац трэба ў першую чаргу назваць такія, як «Граматыка царкоўнаславянскай мовы параўнальна з рускай» (1888); «Надпіс Самуіла 993 г.» (1899); «Лісткі Ундольскага...» (1904); «Да гісторыі тэрміна «глаголіца» (1917); «Нарысы па сінтаксісу старажытнай царкоўнаславянскай і рускай моў» (1913); «З лекцыі па славянарускай палеаграфіі» (1897); «Нарыс славянскай кірылаўскай палеаграфіі» (1899—1901, 1913, 1915); «Узоры славянскага кірылаўскага пісьма з X па XVIII ст.» (1901, 1902, 1913); «Славянская кірылаўская палеаграфія» (1928, перавыдадзена ў 1979).

Вучоны апублікаваў мноства рэцэнзій і водзываў, а таксама бібліяграфічных зместак на славістычныя працы айчынных і замежных філолагаў, дзе ёсць нямала яго каштоўных выказванняў аб мове і пісьменнасці паўднёвых і заходніх славянскіх народаў. Амаль усё, што было прысвечана вывучэнню славянскіх моў, атрымала ў рэцэнзіях, аглядах, анатацыях Я. Ф. Карскага аб'ектыўную навуковую ацэнку з пункту гледжання тэарэтычнага і практычнага славяназнаўства. У гэтых адносінах вялікае значэнне маюць водзывы Я. Ф. Карскага аб працах В. А. Багародзіцкага, О. Брока, Р. Ф. Бранта, І. А. Бадуэна дэ Куртэнэ, В. Вондрака, В. І. Грыгаровіча, М. К. Грунскага, І. Добраўскага, М. С. Дрынава, О. Гуйера, Г. А. Ільінскага, В. М. Істрына, М. М. Карынскага, С. М. Кульбакіна, Э. Калужняцкага, А. Лескіна, В. М. Ляпунова, П. А. Лаўрова, І. Лундэля, Ф. Лорэнца, А. Мазона, С. Младзенава, Л. Мілеціча, К. Машынскага, С. І. Маслава, А. В. Міхайлава, М. Мурко, А. Мейе, У. М. Перэтца, Г. Паліўкі, А. Г. Прабражэнскага, В. К. Паржэзінскага, А. Л. Пагодзіна, С. Л. Пташыцкага, С. М. Север'янава, П. К. Сімоні, А. М. Сялішчава, А. І. Сабалеўскага, М. Р. Фасмера, Ф. Ф. Фаргунатава, І. І. Сразнеўскага, В. М. Шчэпкіна, В. Шэрцля, А. А. Шахматава, Г. К. Ульянава, Ц. Д. Фларынскага, Л. У. Шчэрбы, А. І. Яцымірскага, І. В. Ягіча і многіх іншых славістаў.

Агульнаславістычныя праблемы лінгвістыкі асвятляліся Я. Ф. Карскім таксама ў сувязі з вызначэннем шляхоў фарміравання беларускай мовы ў яе ўзаемаадносінах з іншымі славянскімі мовамі, пры вывучэнні перакладаў на беларускую мову стараславянскіх, чэшскіх, польскіх і іншых тэкстаў, у прыватнасці перакладаў біблейскіх кніг, псалтыра, рэлігійна-палемічных і апавядальных твораў.

Навуковую каштоўнасць маюць нагляданні і вывады Я. Ф. Карскага аб славянска-балтыйскіх моўных адносінах ў эпоху сярэднявекі. Так, ён даволі падрабязна разглядае пытанні беларуска-літоўскага лексічнага ўзаемадзеяння, указваючы ўжо ў першым томе «Беларусаў» (глава IV) на рад літуанізмаў у старабеларускіх помніках і сучасных беларускіх гаворках. Пазней ён публікуе артыкул «Культурныя заваёвы рускай мовы ў старадаўнасці на заходняй ускраіне яе зоны» (1925), дзе названая праблема асвятляецца яшчэ больш грунтоўна.

У той ці іншай ступені вучоны распрацаваў пытанні лексічнага ўзаемадзеяння рускай і беларускай моў з мовамі іранскімі, цюркскімі, фіна-угорскімі, германскімі, кельцкімі і іншымі (гл. V главу першага тома «Беларусаў»). Цікавая па зместу праца Я. Ф. Карскага «Беларуская мова арабскім пісьмом» (1922), у якой закранаюцца пытанні шырокага навуковага значэння. Не выпадкова гэтая праблема ў наш час зноў стала прадметам спецыяльнага вывучэння (параўн., напрыклад, кнігу А. К. Антановіча «Беларускія тэксты, пісаныя арабскім пісьмом», Вільнюс, 1968).

Са сказанага відаць, што Я. Ф. Карскі—вучоны рознабаковых лінгвістычных інтарэсаў. У яго працах сканцэнтраваны велізарны фактычны матэрыял з многіх славянскіх і неславянскіх моў, на якім і грунтуецца яго агульная мовазнаўчая канцэпцыя.

¹ Известия Академии наук СССР: Отделение литературы и языка.— М., 1961, т. XX, вып. 1, с. 94.

² Карский Е. Ф. Труды по белорусскому и другим славянским языкам.— М., 1962, с. 137.

И. И. КОРЖИЦКАЯ

М. С. ОЛЬМИНСКИЙ О ЛЬВЕ ТОЛСТОМ

Наследие Л. Н. Толстого представляет собой одно из наиболее сложных явлений русской и мировой культуры. Бессмертные художественные произведения Толстого еще при его жизни завоевали мировую известность и, одновременно, вызвали идейную борьбу, с каждым годом принимавшую все более ожесточенный характер. Она достигла особенно высокого накала в последние годы жизни писателя и после его смерти. Не прекращается она и сегодня. «...Если проблема всемирного авторитета Толстого вызывала и продолжает вызывать и теперь острые идеологические споры, — пишет советский литературовед К. Н. Ломунов, — то не по вопросу о том — существует ли такой авторитет (это ни у кого не вызывает сомнения), а по вопросу о его истоках и основах, о том, кому он служит, кто и в каких целях использует его сегодня, кому ныне принадлежит наследие Толстого и каково его значение в нашем современном мире»¹. Фальшью и лицемерием о Толстом была переполнена казенная и либеральная пресса после смерти писателя. Те, кто недавно все свои силы употребляли на его травлю, постарались «примазаться» к имени Толстого, чтобы нажить себе на этом «политический капитал». Тогда и выступил со своей оценкой взглядов и творчества Л. Н. Толстого Владимир Ильич Ленин, который выразил отношение революционной партии рабочего класса к великому писателю и той идейной борьбе, которая кипела вокруг него. В. И. Ленин с убедительностью показал, что представляет собою наследие Толстого, в чем состоит его ценность, кому оно принадлежит в действительности. Он смог «проникнуть в сущность учения и творчества Толстого, объяснить Толстого **всего целиком**, найти фактор, определивший и слабые и сильные стороны его взглядов, то есть создать концепцию, основанную не на сводках тех или иных суждений Толстого, а на всем сложном многообразии его идей»².

С новой силой споры о Льве Толстом разгорелись во второй половине 20-х годов, в канун 100-летия со дня рождения писателя. Проблема отношения к его наследию стала одной из острейших литературных проблем этого десятилетия. Наряду с серьезной разработкой толстовской темы с марксистских позиций делались попытки ниспровергнуть Толстого, дискредитировать его наследие в глазах советской общественности. Надо сказать, что в 20-е годы статьи В. И. Ленина о Толстом еще не вошли в широкий литературоведческий обиход; их знали, на них ссылались лишь некоторые критики-марксисты. Огромную роль в защите наследия Толстого от наскоков левацкой критики сыграли в этот период статьи А. В. Луначарского, в которых он пропагандировал ленинский подход к оценке мировоззрения и творчества гениального писателя.

В 1928 году появились статьи о Л. Толстом крупного деятеля большевистской партии М. С. Ольминского (Александрова). До революции М. С. Ольминский входил в состав редакций большевистских газет «Вперед» и «Пролетарий», был одним из основных и постоянных авторов газеты «Звезда», одним из редакторов «Правды». В 1920 году он был назначен председателем Истпарта (Комиссия для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории Российской

Коммунистической партии), а затем — редактором ежемесячного истпартовского журнала «Пролетарская революция». Как известный литературовед-щедринист М. С. Ольминский был назначен главным редактором Полного собрания сочинений М. Е. Салтыкова-Щедрина (1933—1941). Он активно участвовал в обсуждении проблем развития советской литературы. Есть у него и статьи о проблемах отношения к творчеству русских классиков Н. А. Некрасова, А. В. Кольцова, Л. Н. Толстого. Решительно выступая против реакционной буржуазной идеологии и культуры, Ольминский, однако, не смог объективно подойти к оценке творчества Л. Н. Толстого.

В статье «Наше отношение к Л. Н. Толстому», появившейся в четвертом номере журнала «Огонек» за 1928 год, он яростно «развенчивает» графа Л. Н. Толстого — «крупного помещика», «крепостника, который печатался в журнале «Русский вестник», журнале «крепостничском», или, «говоря по-нынешнему, — пишет М. С. Ольминский, — белогвардейском»³. По мнению Ольминского, произведения Л. Н. Толстого особенно «опасны и вредны» потому, что талантливы. Автор статьи выражается еще более определенно, говоря о том, что Толстой «вбивал осиноый кол на гроб революции»⁴. При этом он, в противоположность В. И. Ленину, совершенно игнорировал всю сложность отношения Л. Н. Толстого к революции.

Статья была напечатана с примечанием, в котором говорилось, что редакция «Огонька» не согласна с политической оценкой, данной Толстому Ольминским. Для обоснования своего мнения редакция ссылалась на статью В. И. Ленина «Л. Н. Толстой». В ответном выступлении «По поводу примечания «Огонька» Ольминский пишет о реакционности не только публицистических, но и художественных произведений Л. Н. Толстого: «Толстой на деле в своих художественных произведениях служил реакции»⁵. И если редакция «Огонька» берет под свою защиту роман «Анна Каренина», то это только потому, что «Толстой более или менее ловко («художественно») затушевывает свою реакционность». Только «вполне сознательный коммунист может вскрыть эту глубокую реакционность»⁶. При этом Ольминский ссылается на слова В. И. Ленина о том, что «учение Толстого безусловно утопично и, по своему содержанию, реакционно в самом точном и в самом глубоком значении этого слова»⁷.

Б. Эйхенбаум, разъясняя, как следует понимать слова «утопично» и «реакционно», пишет, что слово «утопично» употреблено Лениным не в простом или обыденном смысле (как говорят про чьи-нибудь мечты или фантазии — «это утопия!»), а в его точном, научном значении, т. е. речь идет об **утопическом социализме**, о том, что учение Толстого представляет собой разновидность этого движения общественной мысли.

Почему же в таком случае рядом со словом «утопично» стоит слово «реакционно»? Может ли быть реакционным учение утописта-социалиста, каким, по словам Ленина, был Толстой? А ведь именно эти слова Ленина дали основание Ольминскому, как и некоторым другим литературоведам, говорить о том, что Ленин причислил Л. Н. Толстого к самым подлинным реакционерам. По этому поводу Б. Эйхенбаум ссылается на работу В. И. Ленина «К характеристике экономического романтизма» (1897), где речь идет об «утопичности» и «реакционности» теорий Сисмонди и Прудона. К слову «реакционный» В. И. Ленин сделал следующее примечание: «Этот термин употребляется в **историко-философском** смысле, характеризую только **ошибку** теоретиков, берущих в **пережитых** порядках образцы своих построений. Он вовсе не относится ни к личным качествам этих теоретиков, ни к их программам. Всякий знает, что реакционерами в обыденном значении слова ни Сисмонди, ни Прудон не были»⁸.

Таким образом, указывает Б. Эйхенбаум, выражение «реакционно в самом точном и в самом глубоком значении этого слова», т. е. в филологическом, словарном значении обозначает следующее: «латинская приставка «ре» означает — «опять, обратно, назад»; «реакция» — в этом смысле — «ход или движение назад», но вовсе не в качестве **непременного противодействия** движению вперед. В самом глубоком — т. е. в том философско-историческом смысле, в каком, например, учение Руссо и его последователей оказывается «реакционным». Ленин считал это «азбучной истиной»⁹. В. И. Ленин, таким образом, никогда не причислял Толстого к политическим реакционерам. Приходится только сожалеть, что Ольминский не понял этого «точного и глубокого» значения.

Упрекая Льва Толстого в реакционности, Ольминский ссылается на

то, что в начале своей статьи «Л. Н. Толстой и его эпоха» Владимир Ильич Ленин, цитируя место из «Анны Карениной», «справедливо рассматривает мысли персонажа романа как мысли самого Толстого». Эта ссылка свидетельствует о том, что Ольминский совершенно не понял цитируемого отрывка. Ведь В. И. Ленин, приведя слова Константина Левина «у нас теперь, когда все это перевернулось и только укладывается», оценивает их так: «...трудно себе представить более меткую характеристику периода 1861—1905 годов»¹⁰. В данном случае можно считать огромной заслугой Толстого то, что он сумел так метко охарактеризовать историческую обстановку в России того времени «устаами К. Левина», а вовсе не укорять его за это, как делает М. С. Ольминский.

Заканчивая свою статью «По поводу примечания «Огонька», Ольминский еще раз подчеркивает вредность «нового издания полного собрания сочинений Толстого, столь усердно ныне рекламируемого»¹¹. Речь здесь идет о Полном собрании сочинений Л. Н. Толстого в 90 томах. Первый том его вышел в 1928 году, когда отмечалось 100-летие со дня рождения великого писателя. В связи с этой знаменательной датой издание стало именоваться юбилейным. В своей книге «Ленин читает Толстого» К. Н. Ломунов приводит слова В. Д. Бонч-Бруевича о том, что «Владимир Ильич...сам лично выработывал программу издания Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого... Не раз мне приходилось слышать от Владимира Ильича о том, что нам необходимо тщательно пересмотреть все сочинения Л. Н. Толстого и, помимо полного академического издания, выпустить множество его рассказов, статей, отрывков отдельными брошюрами и книжечками и распространить их в сотнях тысяч экземпляров повсюду, как среди крестьян, так и среди рабочих»¹². Итак, Полное (юбилейное) собрание сочинений Л. Н. Толстого в 90 томах издавалось по прямому указанию В. И. Ленина. Интерес к книгам Толстого в нашей стране и за рубежом рос с удивительной быстротой, а Ольминский говорит о вредности этих произведений.

4 февраля 1928 года в «Правде» была напечатана статья «Ленин или Лев Толстой», в которой Ольминский высказывает тяжелые обвинения в адрес редакционной комиссии по изданию Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого. Автор статьи с возмущением говорит о «безудержной рекламе» сочинений Толстого. Он высказывает здесь и совершенно правильную мысль о необходимости широкой публикации ленинских статей о Толстом. Приходится только удивляться, что самим Ольминским ленинские статьи были так плохо поняты, не говоря уже о том, что он совершенно не смог разобраться в противоречивости и сложности такого феномена, каким являлся Л. Н. Толстой.

Известно, что в это время в стране была очень сложная политическая обстановка: в деревне начиналась коренная перестройка мелкобуржуазного уклада, наблюдались оживление и рост сектантства, которое не прочь было использовать Толстого в своей борьбе против обновления деревенской жизни; толстовщина в ее новом историческом облике представляла собой реальную опасность. Но даже чрезвычайной сложностью политической обстановки не может быть оправдана резкость тона и суждений М. С. Ольминского. Ведь именно образованный коммунист должен был понять и разъяснить массам то разграничение, которое проводил В. И. Ленин между Толстым и «толстовщиной». Сама постановка Ольминским вопроса «Ленин или Толстой» была серьезной ошибкой. Лениным четко сформулировано партийное отношение к творчеству писателя в его статье «Л. Н. Толстой».

Относиться к Толстому по-ленински — значит понимать величайшую ценность того, что в наследии писателя принадлежит будущему. Важнейшие положения ленинских статей Ольминский не понял. И в произведениях Толстого, и в ленинской характеристике творчества писателя он видит почему-то только отрицательные стороны, именно они становятся для него «превалирующими» и «доминирующими». При этом М. С. Ольминский совершенно закрывает глаза на те положительные стороны в учении и творчестве Л. Н. Толстого, которые великолепно раскрываются Лениным в его статьях.

Да, отстаивая реализм и борясь за качественное его обновление, марксистская критика выполняла ответственнейшую историческую миссию. В свете передовой эстетической мысли наших дней со всей очевидностью предстают как достижения, так и просчеты первых марксистских литераторов. Конечно, «в силу обстоятельств своего времени марксистской кри-

тике пришлось уделять большое внимание вопросам социальной обусловленности искусства, доказывать его зависимость от классовой борьбы»¹³, но мы не должны закрывать глаза на то, что порою это было сопряжено, по выражению О. В. Семеновского, с «издержками вульгарно-социологического характера».

М. С. Ольминский, который был обеспокоен тем, что в литературе наметились симптомы не критического, примиренческого отношения к толстовскому учению, в своей резкости сам стал «жертвой вульгаризаторства и схематизма».

Точка зрения М. С. Ольминского на творчество Л. Н. Толстого не могла быть принята нашим литературоведением. Огромная работа по собиранию, изучению, пропаганде наследия Толстого в нашей стране ведется по той программе, в составлении которой личное участие принимал В. И. Ленин.

¹ Литературное наследство: Толстой и зарубежный мир.— М., 1965, т. 75, кн. 1, с. 108.

² Мейлах Б. Ленин и проблемы русской литературы конца XIX — начала XX вв. — Л., 1956, с. 313.

³ Огонек, 1928, № 4, с. 14.

⁴ Там же.

⁵ Правда, 1928, 31 января.

⁶ Там же.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 103.

⁸ Там же, т. 2, с. 211.

⁹ Эйхенбаум Б. О прозе.— Л., 1969, с. 74.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 100.

¹¹ Правда, 1928, 31 января.

¹² Ломунов К. Ленин читает Толстого.— М., 1971, с. 15.

¹³ Семеновский О. В. Марксистская критика и вопросы реализма в русской литературе предоктябрьского периода.— Киев, 1970, с. 43.

Т. Е. АВТУХОВИЧ

РАННИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА

Стихотворения Феофана Прокоповича являются наименее изученной частью его творческого наследия. В данной статье мы остановимся на специфике ранних стихотворений, написанных в киевский период его деятельности.

Эстетические взгляды Прокоповича сформировались во время его учебы в Риме. Знакомство с творениями античных мастеров, а также с современной поэзией, которая в Италии XVII века развивалась в русле маринизма, оказало на него большое влияние. Рядом со сложной метафорической поэзией маринистов особенно выигрышной, очевидно, казалась Феофану Прокоповичу изящная простота античных писателей. В своей «Поэтике» он выдвигает требование единства содержания и формы, причем главным достоинством языка поэзии считает ясность.

Однако означает ли теоретическое осознание необходимости иной поэзии и иного стиля действительное преодоление барочных традиций на практике? Очевидно, нет. Барочная культура, с которой соприкасался Феофан Прокопович и в годы учебы в Киево-Могилянской академии, и за границей, не могла не повлиять на способ его художественного мышления, и это проявилось уже в латинских стихотворениях, приводимых в качестве примеров в «Поэтике». Когда в «Похвале Борисфену» Прокопович использует оригинальные перифразы для описания великой реки («Борисфен катит свои волны, полные то меда, то молока»¹), когда он обращается для этого и к мифологии («Фетида далеко растеклась, она любит казаться морской гладью и быть соперницей Понта» — с. 377), мы узнаем в этом традиции барочной поэзии, которая отказывалась от привычных слов, от общеизвестных названий явлений. Когда автор включает во вдохновенное описание прозаические детали, переходя от поэтического восторга к обычному ораторскому воодушевлению («Что же сказать о том, что ты собираешь к своим берегам столь много товаров, множество бревен и камней и крепко связывающую известь, удобный строительный материал для храмов и больших зданий» — с. 378), мы соотносим это с нерегламентированностью литературного материала в барочной поэзии, для которой бе-

зобразное было равноправно с прекрасным, для которой любой предмет и явление окружающего мира могли стать объектом поэтического описания.

Когда, предвзяв другое свое стихотворение «Comparatio vitae pompasticae cum civile», Феофан пишет, что оно создано «по вымышленному поводу, как обычно у школьных риториков», он тоже не выходит за пределы воззрений своей эпохи, рассматривавшей риторичку как поэтику.

Но здесь следует отметить и подчеркнуть следующее. Действительно, в ранних стихотворениях Феофана Прокоповича ощутима связь с барочной традицией. Но уже в ранних поэтических опытах обнаруживается стремление автора писать ясно, четко, не прибегая к замысловатым метафорам, — в этом выразилась его реакция против излишней декоративности, усложненности барочной поэзии.

Негативное отношение Прокоповича к декоративности барокко не означает, что он не владел этим стилем. Любопытный материал в этом отношении дает сопоставление двух вариантов — русского и польского — его знаменитого «Епиникиона» (1709), написанного в честь победы русских войск под Полтавой. Неадекватность переводов прослеживается по одному признаку: в польском поэт смело использует аллегорические и мифологические образы, но устраняет их в русском варианте.

Возьмем начало поэмы на польском языке:

Jeżeli kiedy, to teraz, tysiąc nam języków,
I ust, i Stentorowych trzeba żądać krzyków:
Bo ani złota twoja lutnia, Apolinie,
Ni twoja, co mleczna niby rzeka, płynie
Wymowa, Tulijuszu, dość czynić nie może
Fortunie naszej. Przy nas zwycięstwo, o Boże! ²

(именно сейчас тысячи нам языков и уст, и Стентора нужно желать криков: ибо ни твоя золотая лютня, Аполлон, ни твое, что словно молочная река течет, красноречие, Туллий, не может соответствовать фортуне нашей. С нами победа, о боже!) ³

Емкие мифологические образы и античные реминисценции обогащают дополнительные ассоциациями высказанную мысль. Радость победы действительно не может быть выражена ни нежной песней бога любви Аполлона, ни мерным красноречием Цицерона, ее выразит лишь могучий голос героя гомеровской «Илиады» Стентора, который «пятьдесят голосов мог один покрывать своим криком». Этот всплеск радости эффектно обозначен у Прокоповича коротким восклицанием, словно вырвавшимся из тысяч уст сразу: «С нами победа, о боже!»

Русский вариант оказывается лишь слабым эхом этого энергичного начала:

Аще когда найпаче ныне нам желати
Достойт многих устен, ибо ниже златый
Орган рифмотворческий воспети довлеет
Нашей ныне радости, ниже что успеет
Ветийских устен слово (с. 209).

Русское «Победихом!», оторванное от начальной строфы обращением благодарностью к богу, подарившему победу, теряет свое эмоциональное наполнение, столь ярко определяющее звучание польского варианта. В русском варианте «Епиникиона» фигурируют, правда, и «Супостат» (Карл XII), и «зменник» (гетман Мазепа), и «лютая ехидна» (униатская церковь), и аллегорические Лев (Швеция), и Марс, и сам бог всемогущий. Однако это не поэтические аллегории, а скорее иносказания, употребляемые из политических соображений; с другой стороны, аллегорические Марс и Лев в это время становятся принадлежностью даже официального словоупотребления и поэтому в какой-то мере теряют свою специфически образную сущность. Упоминание о водах Стикса, о Троянской войне, сравнение бесславного поражения шведов с гибелью юноши Фазтона — вот что осталось от мифологических мотивов, использованных в польском варианте. В русском тексте «Епиникиона» Прокопович пытается осуществить теоретический принцип своей «Поэтики»: христианскому поэту не подобает пользоваться языческой мифологией.

Поэтому если в польском тексте фигурирует одна из трех никогда

не отдыхающих фурий Алекто, то в русском вместо нее сердце неприятеля разжигает «бес яростный». Выразительному образу «...na małą chwilę zamieszkałszy fortuna chętnie się i mile na twoje łono skłoniła (на миг задержавшись, фортуна охотно и ласково на твое лоно склонилась)» соответствует очищенное русское: «И не долго бяше сумнительна победа». Метафорическое польское «wiatronogi» (страх) Прокопович заменяет выражением «скороногий страх».

Примеры можно было бы умножить, но и приведенных достаточно, чтобы сделать некоторые выводы. Прокопович, прекрасно знавший польский язык и поэзию, пишет свой польский вариант по законам тогдашней барочной поэзии: использует мифологические и аллегорические мотивы, сам создает поэтические образы. В русском варианте он ограничивает себя как поэта. И дело, очевидно, не в том, что русская поэтическая речь была слабо разработана (предшественники Феофана, «силлабики первого поколения», охотно пользовались барочными метафорами и аллегориями), сколько в том, что автор ищет источник выразительности не во внешнем декоре; а во внутренних возможностях самой речи. Иногда ему это удается. Весьма эффективным получилось в русском варианте описание боя:

Блисну огнем все поле; многия восгоре
Излетеша молния; не таков во море
Шум слышится, егда ветер на ветер ударяет,
Ниже тако гром з темных облаков рыкает,
Яко гримят армати, и гласом и страхом,
И уже день помрачи дым, смешен со прахом.
Страшно блистание, страшний и великий
Град падает железный... (с. 212)

Лишенное смелых метафор оно покоряет энергичной лексикой, быстрой сменой изображений. В польском же варианте описание боя растворилось в многословных сравнениях. Русское «ветр на ветер ударяет» скоплением согласных неожиданно удачно производит почти осязаемое ощущение борения столкнувшихся масс. Этого эффекта нет в польском «wiatr południowy z północnym uderzy (ветер южный с северным ударится)».

Таким образом, по типу образности русский «Епиникион» Прокоповича противостоит барочному стилю. И в то же время этот первый в русской литературе опыт героической поэзии — типичное явление барочной культуры. Риторизм барокко проявился в текстуальных совпадениях поэмы Прокоповича с его проповедью «Панегирикос или Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе»⁴. Влияние проповеди определило и характерный сплав в «Епиникионе» эпического и лирического начала: в лирическом жанре (панегирик — торжественная песнь) Феофан использует приемы, характерные для эпических произведений: риторические вопросы и пожелания, обращения к богу. Даже композиция поэмы в целом тождественна построению проповеди. Жанровая неоднородность «Епиникиона» — и следствие, и проявление риторической первоосновы барочной поэзии.

Барочное мироощущение в стихотворении проявилось в совмещении реального и мистического планов. Сам бог, в публицистике отодвинутый на задний план, в стихотворении — активный участник событий: в своей речи он порицает шведов, воодушевляет русских, в критический момент боя посылает Петру спасительный щит.

Можно, очевидно, считать, что мотив божественного покровительства является традиционным для литературы всех стран и народов⁵. Однако в барочном искусстве божественная помощь выступает не только как явление мировоззренческого порядка (как следствие провиденциализма в понимании истории), но и как эффектный литературный прием возвеличения. Вот почему, например, щит, посланный богом Петру, воспринимается и как условная метафора, и в то же время, в сочетании со «стрелами», которые он обезвредил, щит словно материализуется, становится реальной вещью. Символ в барочном искусстве овеществляется, становится частью грандиозной и живописной картины битвы. Такое описание боя придавало земному событию космическую масштабность; военное сражение оказывалось проявлением борьбы надмировых сил добра и зла. Таким образом, мир «Епиникиона» — это мир «очищенного» барокко, с которым стихотворение связывают такие черты, как риторизм, совмещение мисти-

ческого и реального планов, игра контрастами (антитетическое изображение сторон) и, наконец, смешанность жанра.

Поиск новых средств выразительности продолжается и в других стихотворениях этого периода. Например, широко распространенное в рукописных песенниках стихотворение Прокоповича «За Могилою Рябою» интересно коротким размером (восьмисложник), необычной для силлабики тройной рифмой. Стихотворение, отмечает Г. Н. Моисеева, имеет «отчетливо выраженную ритмизацию маршевого характера»⁶. Тоже посвящено военному событию — неудачному сражению русских войск с турками возле местечка Рябая Могила — стихотворение более выдержано в жанровом отношении, нежели «Епиникион». В панегирике изображение заменено пересказом, здесь же поэт стремится детально описать сражение. Эмоциональное воздействие основано на умелом использовании зрительных и слуховых образов.

Всю ночь стуки, всю ночь крики,
всю ночь огонь превеликий:
во всю ночь там Марс шел дикий (с. 215).

В стихотворении автор конкретизирует место и время действия. Это обстоятельство необходимо отметить в сравнении с «Епиникионом», где битва описана в барочном стиле: как такое столкновение высших сил, для которого конкретизация излишня. Прозаичному повествованию о Прутском бое соответствует и роль, отводимая в стихотворении божеству, — она сводится к причинному объяснению, поэтому бог перестает быть действующим лицом событий:

Не судил бог христианства
освободить от поганства,
еще не дал збить поганства (с. 215).

В «Епиникионе», при всей очищенности его от аллегорических и мифологических атрибутов, представлено типичное барочное мировосприятие, в то время как стихотворение «За Могилою Рябою» изображает историческое событие в реалистических формах.

Феофан Прокопович в это время стремится и к жанровой определенности своих произведений. Сплав лиризма и эпичности, характерный для «Епиникиона», в дальнейшем не повторяется: «За Могилою Рябою» — это повествование, лишенное открытых эмоциональных отступлений, написанный тогда же «Запорожец кающийся» — чистая элегия.

Таким образом, начиная свою поэтическую деятельность в традициях барокко, Прокопович тем не менее избегает излишней метафоричности и ищет новые средства выразительности в структуре строфы, в разнообразии слогового размера строки, в конкретности изображения и логичности мысли. Отход от правил барочного стихотворства, наметившийся уже в ранних произведениях поэта, в полной мере проявится в стихах, написанных им после почти двадцатилетнего перерыва, в Петербурге.

¹ Мы используем прозаический перевод с латинского Г. А. Стратановского, помещенный в кн.— Прокопович Феофан. Сочинения. / Под ред. И. П. Еремина. М.—Л., 1961, с. 378. Другие стихотворения Прокоповича цитируются по этому изданию, страницы указаны в скобках после цитаты.

² Польский текст цитируется по кн.: Ł u ż p y R. Pisarze kręgu Akademii Kijwsko-Mohylanskiej a literatura polska.— Kraków, 1966, s. 157.

³ Перевод мой — Т. А.

⁴ См.: Щеглова С. Вірші про Мазепу, складені після його «зради». — Записки українського наукового товариства у Києві, 1926, т. XXI, с. 95.

⁵ См.: К а с а т к и н а Е. А. Торжественная ода XVIII века и древнерусская устно-поэтическая литературная традиция. — Уч. зап. Томского гос. пед. ин-та. Томск, 1946, т. III, с. 121—122.

⁶ Моисеева Г. Н. Проблемы становления новой русской литературы. — В кн.: Современная советская историко-литературная наука. Л., 1975, с. 144.

С. Н. ЛЮБИЧ

В ТРЕВОГЕ ЗА СУДЬБУ МИРА (Роман Р. Мерля «Разумное животное»)

Роман известного французского прогрессивного писателя Робера Мерля «Разумное животное» (1967) посвящен проблемам борьбы против милитаризма, расизма, шовинизма. Место и время действия романа — Аме-

рика 70-х годов — выбраны не случайно, ибо авантюристическая политика правящих кругов Соединенных Штатов Америки, как подчеркивает писатель в предисловии к роману, «вызывает тревогу за будущее планеты».

Прогрессивная французская и советская критика высоко оценила идейные и художественные достоинства этого романа, о котором Андре Стиль сказал: «Мы найдем в нем драматическую реальность нашего мира, все те политические и прочие проблемы, от которых каждое утро, когда мы раскрываем газеты, мучительно сжимается и бьется наше сердце»¹.

В то же время буржуазные критики предпочли «не заметить» остросоциальное содержание романа «Разумное животное». Одни из них увидели в этом насыщенном острополитическими проблемами произведении лишь развлекательное чтение о дельфинах, другие пошли путем фальсификации его идейной сущности. Так, в статье «Саркастическая эпопея» критик Альберес, рассуждая о социальной и философской проблематике романа, не удержался от примитивной провокации, утверждая, что «дельфины являются оружием, направленным США против России, которая, кстати сказать, пытается расставить свои сети»². Подобный вывод, безусловно, должен быть опонирован тем, кто заинтересован в распространении слухов о «советской угрозе». В действительности же в книге Мерля зло высмеиваются те, кто в каждом происшествии готов усмотреть русскую и коммунистическую угрозу.

В Советском Союзе насыщенный гражданским пафосом и оптимизмом роман Мерля «Разумное животное» встретил горячее одобрение. Отрывки из романа были напечатаны в «Литературной газете» и в еженедельнике «За рубежом» через несколько месяцев после его выхода во Францию. В 1969 году роман был опубликован издательством «Молодая гвардия» в переводе Н. Разговорова и Л. Токарева, а в 1977 году вышел на французском языке в издательстве «Дніпро» с предисловием В. Пащенко.

Роман «Разумное животное» имеет посвящение: «Полю Бюдкеру и Рене-Ги Бюнелью». Это имена двух видных французских ученых, изучавших жизнь, повадки, возможности дельфинов. Мерль с интересом следил за их опытами. И неожиданно из раздумий над результатами этих опытов у него возник оригинальный интересный сюжет произведения, которому автор придавал политический характер. При всей кажущейся условности и фантастичности сюжета (дельфины научились говорить по-английски) автор опирается на действительные факты. Сейчас ни для кого не является тайной, что Пентагон и ЦРУ проводят опыты с дельфинами, пытаясь использовать их как живые подводные лодки, управляемые акустическими и радиолокационными приборами. Мерль помещает дельфинов в «реалистически описанный контекст «холодной войны»³.

Действие романа начинается в марте 1970 года на побережье Флориды. Идет война во Вьетнаме. Американцы изучают дельфинов. Государство и частные организации субсидируют научно-исследовательские работы, с тем чтобы использовать их результаты в своих целях. В центре внимания автора — одна из лабораторий, где под руководством профессора Севиллы ученые обучают дельфинов Фа и Би (Ивана и Бесси) английскому языку.

Своеобразной экспозицией романа является первая глава, в центре которой — доклад профессора Севиллы о первых итогах опытов с дельфинами. В этой главе невольно обращает на себя внимание вопрос одной из дам, присутствовавшей на докладе Севиллы, о возможности использования дельфинов в военных целях. Страстно влюбленный в науку и далекий от политики ученый воспринимает этот вопрос как простую шутку. Он считает, что «...дельфины не имеют ничего общего с водородной бомбой», и убежден, что его исследования никак не связаны с политикой. Но в этом и состоит заблуждение профессора Севиллы, проистекающее из его политической недалекости, ибо его научными исследованиями пытаются воспользоваться секретные службы США. «В романе показаны действия американских секретных служб, которые не осмеливаются назвать своего имени», — сообщил Мерль в письме автору этой статьи.

Мерль, хорошо знающий сегодняшнюю Америку, стремится показать читателю, куда может завести политика милитаризма и политических авантур, которые связаны с антисоветизмом и антикоммунизмом. Примером воинствующего антикоммунизма служит заявление некоего Т. В. Мейсона, оптового торговца склянными товарами, бывшего кандидата в сенаторы от одного из южных штатов. «Почему, — спросил он, — нашего дельфина зовут Иваном? Профессор Севилла — коммунист? Если да, то как

можно объяснить, что государственные ведомства доверяют коммунисту обучение наших дельфинов?»

В романе «Разумное животное» разоблачается и расизм. Одна лишь реплика политика Пирсона раскрывает сущность расовой политики Америки, правящие круги которой готовы затормозить научный прогресс, вернуть целые народы едва ли не к первобытному состоянию, чтобы удержать свои позиции. «Мы были уже достаточно безумны, — заявил Пирсон, — когда решили учить грамоте наших негров, и теперь у нас с ними неприятностей хватает. Зачем же нам еще сажать на шею дельфинов?»

Одна из важных проблем романа — взаимоотношения ученого и государства. Герой романа профессор Севилла не сразу поймет, какая связь существует между его работой и милитаристской политикой правительства. Ведь самое главное для него — «бескорыстный поиск истины». Но практическое применение, которое получило его открытие, а также пример его любимого ученика Майкла Джилкрита, отказавшегося воевать во Вьетнаме, заставят ученого пересмотреть свои взгляды. Политика милитаристского государства, действия секретных служб начинают вызывать у него тревогу, а вслед за тем и протест.

Эволюция Севиллы напоминает эволюцию Адама Парсела из романа Мерля «Остров», но это не простое повторение. Эволюция Севиллы отражает характерную тенденцию нашего времени, закономерный процесс перехода людей от пассивности к активному действию, к участию в борьбе на стороне прогрессивных сил. Севилла, как и его ученик Майкл, не верит уже в образ благородной Америки. Они поняли истинную сущность США, которые, прикрывая свои агрессивные планы демагогическими заявлениями о защите мира, создают сегодня новые очаги напряженности и проводят авантюристическую политику на Ближнем Востоке, в Африке, в районе Карибского моря.

Эволюция политических взглядов Севиллы завершается в те дни, когда он узнает, что дельфинов использовали в провокации, которая должна была стать поводом для начала войны. Севилла и его ассистентка Арлетт узнают об этом от дельфинов и вместе с ними отправляются на Кубу, чтобы рассказать людям о готовящейся войне и не допустить катастрофы.

Человечности героев романа противопоставлена бесчеловечность, бездуховность мистера Адамса — одного из представителей разведки «группы А», душа которого «взята в скобки», совесть «вручена начальству». Для него, как и для Рудольфа Ланга из романа Мерля «Смерть — мое ремесло», главным является приказ. Если ему прикажут, он, как и Ланг, будет убивать людей. На примере «деятельности» Адамса Мерль разоблачает ЦРУ и подобные ему ведомства, использующие доносы, подслушивания, полицейский контроль, убийства.

Роман «Разумное животное» написан в художественно-публицистической манере. В нем дана широкая панорама политической обстановки не только в США, но и во всем мире. Своеобразие композиции этого произведения заключается в том, что в нем главы о дельфинах чередуются со стенограммами отчетов, донесений агентов секретных служб. Событийная канва романа охватывает три года, но последние три главы посвящены описанию двух дней. Именно эти два дня оказываются самыми важными в жизни героев, в эти дни завершается их политическая эволюция.

Сюжет романа чрезвычайно динамичен. В нем четко прослеживаются две основные линии: с одной стороны — повествование об ученых и дельфинах, с другой — изображение современного американского общества. Мерль умело использует приемы параллелизма, монтажа, внутренний монолог. Все в романе — образы, сюжет, композиция — направлено на то, чтобы сказать «нет» войне. Написанный в 1967 году роман звучит особенно злободневно в наши дни, когда в США вновь активизируются милитаристские силы.

¹ Stil A. L'homme c'était aussi.— L'Humanité, 1967, 7 déc.

² Alberès R.-M. L'épopée sarcastique.— Nouvelles littéraires, 1967, 9 nov., p. 5.

³ Андреев Л. Г. Современная литература Франции. 60-е годы.— М., 1977, с. 352.

Мовазнаўства

Л. І. БУРАК

СТЫЛІСТЫЧНАЯ ДЫФЕРЭНЦЫЯЦЫЯ НЕКАТОРЫХ КАНСТРУКЦЫЙ СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ ЛІТАРАТУРНАЙ МОВЫ

Развіццё сучаснай беларускай літаратурнай мовы суправаджаецца інтэнсіўнай актывізацыяй сінтаксічных канструкцый, якія прызначаны «не проста перадаць адрасату тую або іншую інфармацыю, а затрымаць яго ўвагу на ёй, максімальна акцэнтаваць яе і тым самым узмацніць яе дзейнасць»¹. Сярод іх вялікае месца займаюць канструкцыі, структурна-граматычная і сэнсавая арганізацыя якіх ажыццяўляецца пры дапамозе далучэння. Як адзін з важнейшых відаў сінтаксічнай сувязі, далучэнне існуе на ўзроўні простага і складанага сказаў, а таксама складанага сінтаксічнага цэлага (інакш — звышсказавага або звышфразавога адзінства) і служыць для прымацавання непрэдыкатыўных, паўпрэдыкатыўных, прэдыкатыўных і камунікатыўных канструкцый. Лексіка-граматычныя сродкі, якімі ажыццяўляецца далучэнне розных па форме і функцыі сінтаксічных канструкцый у тэксце, не толькі выражаюць і вар'іруюць разнастайныя віды сэнсаво-сінтаксічных адносін, але і ўскладняюць гэтыя адносіны своеасаблівымі мадальна-ацэначнымі і эмацыянальна-экспрэсіўнымі адценнямі.

Разнастайная структура і багатыя семантычныя і эмацыянальна-экспрэсіўныя магчымасці далучальных канструкцый забяспечылі ім шырокую ўжывальнасць ва ўсіх стылях сучаснай беларускай літаратурнай мовы. Безумоўна, у кожным стылі розныя далучальныя канструкцыі рэалізуюцца па-рознаму. Але ва ўсіх выпадках яны спрашчаюць арганізацыю тэкста, павышаюць дынамічнасць паведамлення, перадаюць своеасаблівую ўзрушанасць пры выкладанні думак, садзейнічаюць іх агляднасці і лепшаму разуменню — словам, з поспехам спрыяюць інтэнсіўнаму росту «масавай адрасаванасці мовы»², характэрнаму для нашай эпохі.

Даследчыкі не без падставы лічаць, што далучальныя канструкцыі ўпершыню зарадзіліся і набылі пэўнае семантычнае і структурна-граматычнае афармленне ў вуснай мове. Не выпадкова такія канструкцыі складаюць адну з адметных рыс сучаснай вуснай мовы, у якой разнастайная інтанацыя, міміка і жэсты інфарматара садзейнічаюць узнікненню дадатковых думак, што развіваюць змест асноўнага выказвання і ажыццяўляюць рэзкі пераход з аднаго плана паведамлення ў другі. Пабудаваныя ў выглядзе асобных рэплік дыялога далучальныя канструкцыі часцей за ўсё маюць кароткую форму, бо ў іх выкарыстоўваюцца толькі тыя словаформы, якія змяшчаюць істотную інфармацыю, напрыклад: «Мы ўжо абедалі». — «Дома». Або: «Мікола вярнуўся». — «Адзін». Ці: «Гэта наш сябар». — «І добры чалавек». Няпоўная структура далучальных канструкцый у межах дыялагічнага адзінства дыктуецца ўмовай непасрэднай гутаркі з суб'яднікам, заканамернасцямі маўленчага працэсу і, нарэшце, законамі чалавечага ўспрымання. Розныя падхва-

ты і імпліцыйныя паўторы служаць тут асобымі сродкамі сінтаксічнай сувязі рэплік, пры якіх структура наступнай рэплікі з'яўляецца далейшым разгортваннем, дапаўненнем ці завяршэннем структуры папярэдняй рэплікі. Асаблівае значэнне набывае актуальнае члянэнне, паколькі ў далучаных рэпліках тэма часта апускаецца і мае месца адна рэма. Неабходна падкрэсліць, што «структурныя разрывы з інтанацыйнымі перабоімі»³ магчымыя не толькі на стыку рэплік некалькіх суб'седнікаў, але і ў мове аднаго суб'седніка. Далучальныя канструкцыі ў гэтым выпадку ўяўляюць сабой частку выказвання або афармляюцца як самастойнае выказванне. Важнейшым сродкам сувязі такіх канструкцый і паказчыкам зрушанага члянэння моўнага патоку з'яўляецца інтанацыя. Параўн.: *Я іду, па вуліцы і Заўтра паедзем. На машыне. У горад.* Акрамя інтанацыі, далучальныя канструкцыі могуць прымацоўвацца злучнікавымі сродкамі сувязі, якія маюць выключна размоўны характар. Да іх адносяцца: *абы, дый, дык, ды і то, а то і, ну ды, а й, вось і, аж, ажно.* Напрыклад: *Мне здаецца, што павінна быць там добра. Абы блізка лес. Сонейка пячэ, а дзед з бабаю сядзяць у кажухах, дый то ім холадна. Куды ж ты паедзеш, мой мілы дружок, а й без мяне, маладо? Ідзе сабе ён, ідзе, ажно спатыкае яго дванаццаць ваўкоў.* У радзе выпадкаў далучальныя канструкцыі ўжываюцца ў форме нячленнага выказвання: *Я не паехаў, ну дык што. Трэба нешта рабіць. Бо як жа! Злучнікі часта паўтараюцца: У полі — капамі, а ў гумне стагамі, а ў клеці засекамі, а на таку варахамі, а на стале пірагамі.* Іншы раз злучнікі або злучальныя словы ставяцца не ў пачатку, а ў канцы далучальнай канструкцыі: *Падай стакан. Поўны які. Глядзі там. Слухайся каб. Будзем пераходзіць раку ўброд. Вузей дзе.* Гэта абумоўлена імкненнем хутчэй паведаміць і акцэнтаваць тое галоўнае, дзеля чаго і будзеца падобная структура⁴.

Напярэдня гутарковая мова — важнейшая крыніца далучальных канструкцый у сучаснай літаратурнай мове. У выніку ўзаемнай сувязі, якая сістэмна існуе паміж вуснай і пісьмовай формамі літаратурнай мовы, далучальныя канструкцыі актыўна пранікаюць у розныя тэксты кніжнай мовы, узбагачаючы іх своеасаблівымі сінтаксічнымі пабудовамі. Гэтыя пабудовы адносна свабодныя, яны арганізуюцца пры дапамозе адпаведных прыёмаў разрыву выказвання, яго члянэння ці, наадварот, яго папаўнення шляхам дабаўлення адсутных звянаў, што садзейнічае перадачы неабходнага (прытым максімальнага) аб'ёму разнастайнай інфармацыі. Актыўнае пранікненне далучальных канструкцый у кніжную мову тлумачыцца не толькі непасрэдным запазычваннем іх мадэлей, але і ўзнікненнем у яе межах пад уздзеяннем гутарковай мовы новых мадэлей. Пры гэтым далучальныя канструкцыі «могуць утвараць структурныя мадэлі з вельмі багатай сінанімічнай і лексіка-сэмантычнай варыятыўнасцю, якая не ўласціва звычайна іх зыходнай жывой вуснагутарковай базе, дзе магчымасці лексічнага напаўнення структурнай мадэлі менш разнастайныя, чым у пісьмова-кніжным аналагу гэтай базы»⁵. Дзякуючы выключнай здольнасці далучальных канструкцый дакладна перадаваць на пісьме «натуральны ход думкі»⁶ імі часта карыстаюцца ў навуковай, афіцыйна-дзелавой і публіцыстычнай мове, але асабліва пашыраны яны ў мове мастацкай літаратуры, паколькі яна бліжэй за ўсё знаходзіцца да гутарковай мовы.

Для навуковай мовы характэрна абагульненая адцягненасць, доказнасць пастуляваных палажэнняў і падкрэсленая лагічнасць іх перадачы. Навуковыя тэксты насычаны фактычным матэрыялам, дакладнай і поўнай інфармацыяй. Сінтаксічныя пабудовы поўнаструктурныя, пры іх арганізацыі звычайна не застаецца ні аднаго неназванага члена. Прычым кожнае наступнае выказванне развівае папярэдняе выказванне, як бы вынікае з яго, утвараючы своеасаблівыя ланцужковыя сувязі. Вядома, што ланцужковыя сувязі найбольш актыўна рэалізуюцца паміж самастойнымі выказваннямі ў межах складанага сінтаксічнага цэлага і носяць далучальны характар. Ланцужковае далучэнне часцей за ўсё

ажыццяўляецца пры дапамозе ўказальных займеннікаў, якія ўжываюцца самастойна або ў спалучэнні з паўторанай формай назоўніка: *У апошнія гады прыкметна ўзрасла цікавасць савецкіх даследчыкаў літаратуры да праблемы стылю. Гэта сведчыць і аб узрослым мастацкім узроўні твораў савецкай літаратуры, і аб агульным пасталенні сацыяльнай, філасофскай, літаратуразнаўчай думкі ў нашай краіне* («Польмя»). Пры дапаўняльным разгортванні другая прэдыкатывная частка бяззлучнікавага складанага сказа пашырае і ўдакладняе змест аднаго з членаў першай прэдыкатывнай часткі. Гэты член заўсёды паўтараецца ў другой прэдыкатывнай частцы, дзе ён лагічна выдзяляецца і звычайна пачынае сабой яе структуру («Граматыка беларускай мовы»). Для прымацавання далучальных канструкцый часта выкарыстоўваюцца кніжныя злучнікі і злучальныя словы *наадварот, прычым, прытым, значыць, напрыклад, адным словам, а іменна, у выніку чаго*, мадальныя словы такім чынам, *акрамя таго, па-першае, па-другое*, з аднаго боку, з другога боку і г. д. Напрыклад: *Хуткае ахаладжэнне металу павелічае колькасць аўстэніту. Наадварот, павольнае ахаладжэнне змяншае яго колькасць* («Весці АН БССР»). Аб'яднанне ў адной парадыхме аднакаранёвых дзеясловаў з розным значэннем стану і з розным наборам граматычных форм з'яўляецца неапраўданым. Акрамя таго, ні катэгорыя стану, ні катэгорыя трывання не валодаюць той рэгулярнасцю і паслядоўнасцю ўтварэння формаў, якія ўласцівы пераменным граматычным катэгорыям дзеяслова («Беларуская лінгвістыка»). Спецыфічныя для навуковай мовы і так званыя далучальныя «канструкцыі сувязі»: яны «амаль не суадносяцца з лексічным бокам сказа (чым адрозніваюцца ад лексіка-граматычных сродкаў), але з'яўляюцца часткай яго сінтаксічнай структуры»⁷. Гэтыя канструкцыі складаюцца са слоў і словазлучэнняў, якія збыткова з пункту гледжання інфармацыйнага зместу навуковага паведамлення, але неабходныя для перадачы яго ў звязнай мове. Такія сродкі ўтварыліся ў выніку функцыянальнага «апрошчання» моўных адзінак, калі намінацыйная (першасная) функцыя аказалася да такой ступені аслабленай, што актуалізаванай засталася толькі сінтаксічная (другасная) функцыя, якая заключаецца ў лагічна паслядоўным падключэнні аднаго выказвання да другога. У якасці прыкладаў можна назваць канструкцыі: *Выкладзеныя факты дазваляюць сцвярджаць...; Са сказанага відаць...; Прыведзеныя прыклады паказваюць...; Неабходна дадаць, што... і інш.*

Афіцыйна-дзелавую мову характарызуе яснасць, дакладнасць, канкрэтнасць і аб'ектыўнасць яе перадачы. У тэкстах афіцыйна-дзелавой мовы звычайна прадпісваецца, сцвярджаецца, рэгіструецца або канстатуецца штосьці, а не глумачыцца і даказваецца, як, напрыклад, у тэкстах навуковай мовы. З гэтым, безумоўна, звязана частата выкарыстання далучальных канструкцый, якія ў афіцыйна-дзелавых тэкстах не так пашыраны, як у навуковых тэкстах. У большасці выпадкаў гэтыя канструкцыі ў якасці самастойных выказванняў (пераважна разгорнутых) уключаюцца ў састаў складанага сінтаксічнага цэлага, прымацоўваючыся да папярэдняга выказвання шляхам паўтарэння асобных элементаў яго структуры: *Сацыялістычная дэмакратыя выражае і абараняе інтарэсы народа, служыць справе камунізма. Яна пашыраецца на ўсё грамадскае жыццё — эканамічнае, палітычнае і духоўнае, стварае ўмовы для ўсебаковага росквіту асобы* («Звязда»). У межах аднаго выказвання тыповым для афіцыйна-дзелавой мовы з'яўляецца далучэнне злучнікавым спалучэннем *а таксама* асобнай словаформы або словазлучэння ў закрытым радзе аднатыпных адзінак: *Догляд лесу, а таксама абарона яго ад шкоднікаў павінны ажыццяўляцца спосабамі і метадамі, якія не наносзяць шкоды чалавеку і навакольнаму асяроддзю* («Звязда»).

Публіцыстычная мова адрозніваецца выключнай інфарматыўнасцю і экспрэсіўнасцю зместу. Яе тэксты арганізуюцца так, каб у сціслай форме перадаць максімум інфармацыі. Гэтаму лепш за ўсё адпавядаюць далучальныя канструкцыі, якія складаюцца з асобных словафор-

маў ці словазлучэнняў і функцыяніруюць у якасці самастойных выказванняў у межах складанага сінтаксічнага цэлага. Такія граматычна несамастойныя выказванні, адарваныя ад базавай структуры і самастойныя інтанацыйна, набываюць асобную выразнасць, становяцца эмацыянальна насычанымі і яркімі. Напрыклад: *Заказ выкананы. Але толькі ўчора* («Звязда»). *Артыст сыграў каля сотні роляў. У тэатры. На эстрадзе. У кіно* (ЛіМ). Імкненнем да большай экспрэсіўнасці выказвання абумоўлена ўключэнне ў яго структуру спецыяльных сродкаў *тым больш, пераважна, выключна, часцей за ўсё, у першую чаргу*, якія выступаюць у ролі семантычнага канкрэтызатара злучнікаў або прымаюць на сябе іх функцыю: *На прадпрыемстве нехапае рабочых, а тым больш кваліфікаваных* («Звязда»). *Камсамольцы ўнеслі шмат прапанов, часцей за ўсё вельмі слушных* («Вячэрні Мінск»). Перарывістая падача паведамлення, выдзяленне важных момантаў з мэтай іх хуткага і лепшага ўспрыняцця павышае дынамічнасць выказвання, узмацняе дзейнасць змешчанай у ім інфармацыі. Не выпадкова многія даследчыкі сцвярджаюць, што адрывістае далучэнне (або парцэляцыя) надзвычай актыўна выкарыстоўваецца ў публіцыстычнай мове, дзе яно «пранізвае ўвесь тэкст»⁸.

Асобнае месца належыць мове мастацкай літаратуры, якая выконвае не толькі камунікатыўную, але і эстэтычную функцыю. Гэта мова вызначаецца эмацыянальна-экспрэсіўным характарам, глыбокай метафарычнасцю і багатымі магчымасцямі сінанімікі, канкрэтнасцю і вобразнасцю канструкцый розных узроўняў, семантычнай ёмкасцю, разнастайнасцю і мнагазначнасцю выяўленча-стылістычных сродкаў. У тэкстах мастацкай літаратуры ўжываюцца розныя далучальныя канструкцыі, у тым ліку і такія, якія спецыфічны для навуковых, публіцыстычных і іншых тэкстаў. Але ў гэтым выпадку ім уласціва меншая частата ўжывання, да таго ж яны «выступаюць у змененай функцыі — у эстэтычнай» і «утвараюць інакшую сістэмнасць»⁹. Асабліва тыповыя для мастацкіх тэкстаў далучальныя канструкцыі, якія складаюцца з асобных словаформаў або словазлучэнняў і функцыяніруюць у якасці аднародных ці адасобленых кампанентаў выказвання: *Дзед збіраў мёд і гэтым харчавайся* (Я. Колас). *На дварэ ідзе дождж, але не надта вялікі* (С. Баранавых). *Каля ракі было сыра, асабліва ў асеннія дні* (П. Галавач). Шырока распаўсюджаны далучальныя канструкцыі, якія маюць форму прэдыкатыўных частак складанага сказа або асобных сказаў ці іх аналагаў складанага сінтаксічнага цэлага і прымаюцца злучнікамі ў спалучэнні са звычайнымі семантычнымі канкрэтызатарамі і часціцамі ў функцыі злучнікаў: *Свяціў месяц, а гэта быў добры знак* (Я. Колас). *Шум машын замёр удалечыні. Адно лапатаў па голых кустах дождж* (А. Асіпенка). *Усё пахавалася ад гарачыні. Нават птушкі і тыя некуды зніклі* (З. Бядуля).

Такім чынам, далучальныя канструкцыі ў розных тыпах мовы адрозніваюцца радамі спецыфічных асаблівасцей. Безумоўна, гэтыя асаблівасці, уключаючыся ў сістэму іншых адметных асаблівасцей, у пэўнай меры садзейнічаюць стылістычнай дыферэнцыяцыі сучаснай беларускай літаратурнай мовы. Між тым «уласцівае спецыфічнае граматычнае адрозненне ад іншых літаратурнай мовы, дазваляе ёй стаць вышэйшым членам на іерархічнай лесвіцы яе разнавіднасцей»¹⁰. У выніку актыўнага ўзаемадзеяння стыляў і міжстылёвых збліжэнняў сучасная літаратурная мова пастаянна ўзбагачаецца, шліфуецца яе лексіка-грамматычныя сродкі, спрашчаюцца сінтаксічныя структуры, удасканалюцца прыёмы і спосабы іх арганізацыі, пашыраюцца сферы выкарыстання і г. д. Усё гэта сведчыць аб няспынным развіцці літаратурнай мовы і спрыяе выкананню яе асноўнай функцыі — паспяхова абслугоўваць зносіны людзей у сучасным грамадстве.

¹ Русский язык и советское общество (морфология и синтаксис современного русского литературного языка). — М., 1968, с. 238.

² Золотова Г. А., Иванчикова Е. А. Русский синтаксис в наши дни.— Рус. яз. в нац. шк., № 5, 1967, с. 38.

³ Кожина М. Н. Стилистика русского языка.— М., 1977, с. 214.

⁴ Параун: Шафиро М. Е. Присоединение как явление речевого синтаксиса.— Саратов, 1965, с. 18.

⁵ Лаптева О. А. К вопросу о месте современной устно-разговорной речи в кругу явлений литературного языка.— Рус. яз. за рубежом, № 1, 1968, с. 4.

⁶ Адмони В. Г. Исторический синтаксис немецкого языка.— М., 1963, с. 240.

⁷ Котюрова М. П. О понятии связности и средствах ее выражения в русской научной речи.— В сб.: Язык и стиль научной литературы. М., 1977, с. 151.

⁸ Сиротинина О. Б. Некоторые жанрово-стилистические изменения советской публицистики.— В сб.: Развитие функциональных стилей современного русского языка. М., 1968, с. 114.

⁹ Кожина М. Н. Стилистика русского языка.— М., 1977, с. 196.

¹⁰ Лаптева О. А. Русский разговорный синтаксис.— М., 1976, с. 75.

А. І. КОПАЦЬ

АКАЗІЯНАЛІЗМЫ ў СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ ПАЭЗІІ

Не ўсякае слова, узнікшае ў маўленні, набывае статус агульнаўжывальнасці, становіцца «кананічным». У моўнай дзейнасці ствараюцца лексічныя адзінкі, якія так і застаюцца прыналежнасцю толькі пэўнага кантэкста, індывідуальным сродкам творчасці таго ці іншага аўтара. Такія індывідуальныя, своеасаблівыя, «некананічныя» ўтварэнні прынята называць аказіянальнымі словамі (аказіяналізмамі). Аказіяналізмы — гэта словы, якія не адпавядаюць агульнапрынятым моўным нормам, характарызуюцца індывідуальным густам тварца і абумоўлены спецыфічным кантэкстам ужывання¹.

Аказіяналізмы часцей за ўсё сустракаюцца ў паэтычнай мове, якая слухна лічыцца «вышэйшым і найбольш складаным спосабам арганізаванай маўлення»². Паэтычная мова імкнецца да максімальнага выкарыстання выяўленчых магчымасцей слова, да навізны выказвання, да свежага, нечаканага моўнага вобраза. Стварэнне аказіяналізмаў, інакш аўтарскіх неалагізмаў, індывідуальна-аўтарскіх слоў, — характэрная з'ява для творчасці як вопытных, так і маладых, пачынаючых паэтаў. Вывучэнне асаблівасцей ужывання аказіяналізмаў у сучаснай беларускай паэзіі дае магчымасць выявіць некаторыя істотныя заканамернасці выкарыстання і абнаўлення моўна-выяўленчых сродкаў.

Незвычайнасць аказіяналізмаў наводзіць на думку, што іх утварэнне — стыхійны працэс. Аднак наогул аказіянальнае словаўтварэнне, як і ўтварэнне любых іншых слоў, адбываецца па аналогіі. «Аналогія пры гэтым дзейнічае і як фактар рэгулярнасці (паколькі аказіяналізм утвараецца па ўзору звычайнага слова) і як фактар парушэння рэгулярнасці (паколькі аказіяналізм, утвораны па ўзору звычайнага слова, нечым не падобны да яго, адрозніваецца ад яго)»³. Напрыклад, аказіяналізм *гуліверынкi* (Не пабаюся сказаць, што мае творы — ліліпуцінкi па форме, а па зместу яны — *гуліверынкi* (В. Шаўчэнка) мае аналаг *ліліпуцінкi*; аказіяналізм *абыдзёнка* (Ці шчасце ж гэта, калі з дня ў дзень адно і тое ж... Гэта ж *абыдзёнка* (В. Казько) утворан па ўзору слова *завядзёнка*; аказіяналізм *васьмераваць* (А мы яе (яліну) — чацвертавалі. Услед затым — *васьмеравалі* (Г. Юрчанка) — па ўзору слова *чацвертаваць*; аказіяналізм *пераселле* (Старых хвалюе *пераселле*, яшчэ нязвычайнае жытло... (Г. Кляўко) — па ўзору слова *нава-селле*; аказіяналізм *пламенне* (І ўспыхне лёгкае пламенне (К. Жука) — па ўзору слова *каменне*).

Спосабы ўтварэння аказіянальных слоў тыя ж, што ўласцівы кананічнаму словаўтварэнню, таму што «свабода аказіянальнага словаўтварэння абмежавана сістэмнымі словаўтваральнымі адносінамі, якія гістарычна склаліся ў мове, а таксама структурай кананічных слоў, якая трымае ў пэўных рамках адвольнасць словатворчых імправізацый асобных індывідаў»⁴. Аказіяналізмы, ужытыя ў творах беларускіх паэтаў,

паводле асаблівасцей утварэння падзяляюцца на дзве асноўныя структурныя (словаўтваральныя) разнавіднасці: афіксальныя і кампазіцыйныя, што яшчэ раз падкрэслівае аналагічнасць іх утварэння кананічным словам, таму што марфалагічны спосаб найбольш прадуктыўны ў сучаснай беларускай мове.

Для ўтварэння аказіянальных слоў паэты ўжываюць разнастайныя афіксы. Пры дапамозе афіксацыі ўтвараюцца аказіяналізмы, якія належаць да розных часцін мовы: назоўнікі (гэта мы бачылі на пададзеных вышэй прыкладах), прыметнікі (...Як цяжка збірацца ў шлях, Глухі, *бессустрэчны* (В. Зуёнак); Аўчарак водзяць на праменад *Бульдожыстыя* злачынцы (Р. Барадулін); Як хораша вясной дыхнуў Нясвіж, Адкуль вазіў ты сок бяроз *прывежных* (М. Лужанін); прыслоўі (*паперыста, аловіста, задуміста, парнасіста*: Спрабую *філасофіста* Выходзіць *выкрунтасіста* (Г. Юрчанка); *Баладна* Патрэскаў ядловец! (Р. Барадулін); Спеўны ўраджай салаўіны Выспеў на кожным кусце Хай *каранёва* й *галінна* Гэтае дзіва расце! (К. Камейша).

Асабліва шырока ўжываецца афіксацыя пры ўтварэнні аказіянальных дзеясловаў: Сасне — *сасніца* у бары, *Альшыніца* — альшыне, Зары *зарыцца* ў гары, *Ажыніца* — ажыне (С. Крываль); Падраўся фартух, Льюцца слёзы ўдавы — *Азёрыца* заплаў глыбока (Р. Барадулін); Навошта сам спяшаешся адно Сваю ж *замемуарыць* перапіску? (Савось Авось); Не здалёк прыйшла ты, песня, Стуль, дзе бор *зверасей* (К. Камейша); Узвышшамі гарбаціцца Смаргоншчына, Гуцульшчынай *карпаціцца* Саміх Карпат не горшая (В. Стрыжак); *Індычыць* ранак волле Праз сорок галасоў (Г. Юрчанка); Магу вясноваю парой яшчэ і... *ўспаэміцца* (С. Крываль). Утвараюцца не толькі спрагальныя, але і неспрагальныя формы — дзеепрыметнікі: (Натхненне, — як пара грыбная... Калі адчуеш незвычайнасць Сваёй *загрыбленай душы* (Ю. Свірка); Тут войны даўно ўтравелі Пад *збуслянелы* клёкат (У. Мазго); Я думала, што не з рукі Ісці з табою поруч, — Ды разліліся жаўрукі Над *звеснавелым* борам (Я. Янішчыц); А дзень супыніцца на ганку... Паміж *стуманеных* сцяжын (У. Мазго); дзеепрыслоўі: Лес, *трыумфуючы* па-свойму, Прыходу юных рады быў (М. Калачынскі); Ды, дасягненні Электронна *лічбьячы*, Сучаснік, помні: А ні дыб, ні плах; Кружацца, кружацца чайкі, *Цыганьчы*: Паваражы! Р. Барадулін).

Вядома, што кожная лексіка-семантычная група мовы валодае пэўным запасам афіксаў, які ўласцівы іменна ёй, а не іншай. Як адзначаецца ў спецыяльнай літаратуры, «выбіральнасць суфікса, як і ўсякай іншай словаўтваральнай марфемы, залежыць ад таго, што ўтвараецца і таму ў кожнай з гэтых лексіка-семантычных груп і падгруп выкарыстоўваецца свая суфіксацыя, выяўляецца розная ступень прадуктыўнасці таго ці іншага суфікса»⁵. Пры аказіянальным жа словаўтварэнні выбіральнасць суфіксаў, уласцівых пэўным лексіка-семантычным групам, пашыраецца на іншыя лексіка-семантычныя групы, у выніку чаго і ўзнікаюць індывідуальныя, «некананічныя» ўтварэнні. Так, у сучаснай літаратурнай мове існуюць пэўныя абмежаванні ўтварэння назваў асоб мужчынскага роду, і гэтыя абмежаванні якраз і парушаюцца для стварэння аказіяналізмаў — карэлятыўных назоўнікаў жаночага роду шляхам выкарыстання суфіксаў *-к(а)*, *-(н)іц(а)*, *-ш(а)*, *-ачк(а)*, *-ін(я)* і інш. Напрыклад: Мчаць у натоўп загнатыя, — З *лунаткаю* Лунацік! (Р. Барадулін); Кожны дзень прачынаешся з прагаю цуду. А яго ўсё няма — як *будзённіца* ціш! (Я. Сіпакоў); Забыўся аксакал на кульбу І *аксакальша* на гады; Вясёлая *хіпіня* Танцуе басанож (Р. Барадулін).

Для стварэння эфекта віталізацыі, адушаўлення прадмета выкарыстоўваецца суфікс адушаўлёных назоўнікаў з памяншальным значэннем — *анят(ы)*, — *янят(ы)*, не ўласцівы неадушаўлёным назоўнікам. Такія аказіянальныя словы набываюць значэнне памяншальнасці, «недаросласці»: — Гыля, гыля, *вершаняты!* Я ж пачую і заплачу: «Вершанё

маё, дзіцятка! І нашто цябе радзіў я...» (Н. Гілевіч); Восень не абмінае лісцянят (Е. Лось).

Пры дапамозе прэфіксаў аказіянальныхыя словы ў сучаснай беларускай паэзіі ўтвараюцца значна радзей. Даволі шырока выкарыстоўваецца прыстаўка *анты-*, якая абазначае супрацьлегласць, супрацьдэю, замену, варожасць чаму-небудзь. Напрыклад: Зязюлі хацелася надта Наседзець самой *антыяйкі*, Каб вывесці *антыпернатых* Для *антыбайкі* (Савось Авось); Толькі хуткасць. І «чорныя зоры» Гараць *Антысонцамі* Мёртвыя — Не патухаюць (В. Зуёнак). Акрамя прыстаўкі *анты-*, у аказіянальным словаўтварэнні ўжываюцца прыстаўкі *над-*, *за-*, *пры-*, *раз-* і інш.: З надвечара, з *надрастані* дарог Дазволь мне працягнуць твой маналог (М. Лужанін); У цемры ноч забытала Дарогу праз лясы, Мядовыя, налітыя *Залеццем* верасы (М. Калачынскі); За звон руча ручаецца *прыручка*. Рачулка дазваляе быць ільдом (Р. Барадулін); Што не ўседзіш у хаце, Іх (жаб) паслухаць выйдзіш На начное *раззор'е*, На рачное разводдзе (М. Танк). Усё ж, як можна бачыць з прыведзеных прыкладаў, гэтыя прыстаўкі ўжываюцца для ўтварэння аказіяналізмаў часцей не самі па сабе, а разам з суфіксамі.

Складанне слоў і асноў (словаскладанне і асноваскладанне) — гэта творчая камбінацыя існуючых кампанентаў, якая ў мове пісьменніка абумоўлена пэўнымі стылістычнымі мэтамі. У свой час М. М. Шанскі адзначаў, што «...словаўтварэнне аперыруе па сутнасці толькі новымі відамі камбінавання таго, што паасобку ўжо існавала раней»⁶. Словаскладанне і асноваскладанне — даволі прадуктыўны сродак утварэння аказіянальных назоўнікаў і прыметнікаў. У якасці першай часткі складаных слоў выступаюць назоўнікі, прыметнікі, займеннікі, у якасці другой — асновы назоўніка або дзеяслова. Складаныя аказіяналізмы — характэрная з'ява для сучаснай беларускай паэзіі. Сустрэкаюцца яны ў творах паэтаў розных пакаленняў. Большасць такіх аказіяналізмаў ужываецца ў абвінаваўчым, сатырычным кантэксце, некаторыя — у лірычным, для выражэння пяшчотных або жартаўлівых адносін аўтара да свайго героя.

Даволі значная колькасць аказіяналізмаў, утвораных шляхам асноваскладання, мае суфіксы ў апорнай аснове: Самадзяржаўцы — *самазаржаўцы* Зялёныя ўсе (Р. Барадулін); — *Словапісцам* прывітанне! — выгуквае Андрэй (В. Рэчыц); Адцёхкаў салавей, Расчулены водарам *Сонцатрайя* спелага (А. Грачанікаў); І калі гэтак, то я Вам параю: чым прымаць у *Беладомайскай* зале Якога-небудзь падонка... Прыехалі б да маёй сям'і ў госці... (К. Кірэенка). Пры ўтварэнні складаных аказіяналізмаў выкарыстоўваецца і нулявая суфіксацыя: Засядаць — актывіст, Вопытны *крэслацёр*, Ён на сцэне — Статыст, На трыбуне — Акцёр (Савось Авось); А за сцяной чыхіхсыці крокаў непрачытаны *ночаніс* (К. Камейша); А партрэтаў — з халоднымі каркамі — Колькі іх стары *снегалеп* Натварыў для аздобы паркавай (В. Зуёнак); Край лясны *зялёнабровы*, Гаманлівы край! (У. Марук); *Азёрнавокі* Зарасай Пяркунсава вотчына (Р. Барадулін); *Стовуснай* хвалі плёскаць пад гарой Прыемней адпачынку на атаве (Г. Юрчанка).

Аказіянальныя словы, утвораныя шляхам словаскладання, могуць ужывацца як раздзельна- або цэласнааформленыя (адзінааформленыя). Прыкладам першых з'яўляюцца такія аказіяналізмы, як *барадачыдымы*, *вечар-жакей*, *настыра-салавей*, *том-падушка*, *характары-слупкі*, *юбіляр-рыф*: А з каміноў *барадачыдымы* Выскокваюць, нібы з бутэлек джыны (П. Макаль); Лягнуў *вечар-жакей* па нагах Бедных маклераў і міністраў (В. Коўтун); Стаіць яна... яблынькай, якую так старанна абсвятляюць *настыры-салаўі* (М. Федзюковіч); Нясе пад пахай кожны кніжку: хто — выбранага *том-падушку*, хто зборнік вершаў, хто — раман... (Ю. Кульба, С. Жолуд); Ёсць *характары-слупкі*: Што не так — і на дыбкі (В. Дашкевіч); Уяўляецца мне: Сяду за стол

юбілярам-рыфам (В. Зуёнак) (параўн.: *барадачоў-дымоў, вечара-жакея, настыры-салаўя, тома-падушкі, характара-слупка, юбіляра-рыфа*). Як вядома, такія ўтварэнні не ўсімі даследчыкамі адносяцца да складаных слоў (па прычыне адсутнасці ў іх адзінай граматычнай аформленасці) і разглядаюцца ў якасці словазлучэнняў, у якіх адно слова служыць прыдаткам да другога.

Цэласнааформленымі з'яўляюцца аказіяналізмы *палын-маркота, эстэт-аскет, газетна-марачны, дыванова-абжыты, звычайна-новы, натхнёна-баравы*: І дажджы, і слота, і вятры прадвесныя, Каб з *палын-маркоты* Не аціхла песня (Я. Янішчыц); Мілую ў медацветах Купалінку дзяўчо І на *эстэт-аскетаў* Гляджу цераз плячо (М. Рудкоўскі); У брамку стук. Напэўна, паштальён З яго *газетна-марачнай* турботай (Г. Юрчанка); Лёд прыпылены Тэлеэкрана *Дыванова-абжыты* ландшафт (Р. Барадулін); Вяртаюся ў той *звычайна-новы* дом, у ледзь абжыты (Н. Мацяш); І ў ва мне яны (гады) — як журавы,... як гэты вось *натхнёна-баравы*, вялікі дзень яшчэ адной вясны (С. Панізнік) (параўн.: *палын-маркоты, эстэт-аскета, газетна-марачнага, дыванова-абжытага, звычайна-новага, натхнёна-баравога* і г. д.). Да такіх слоў можна аднесці ўтварэнні з нескланяемай першай часткай тыпу *белакіпенны, сіватабунны*: Даруй за слёзы, мілая сяброўка, на свеце *белакіпенным* тваім (Е. Лось); Ты ў збянтэжана юных, я — у разважных сваіх. Маю, *сіватабунных*, з гакам аж На дваіх! (Р. Барадулін). Яны ўзнікаюць шляхам аб'яднання кампанентаў словазлучэння з захаваннем іх марфемнага складу (параўн.: *белакіпенны* і *белы кіпень, сіватабунны* і *сівы табун*). Стварэнне аказіяналізмаў вызначае мастацкі густ паэта, яго майстэрства і дыктуецца ідэйна-мастацкімі задачамі твора.

¹ Гл.: Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов.—М., 1969, с. 284.

² Григорьев В. П. Поэт и норма.—Русская речь, 1967, № 1, с. 12.

³ Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование.—М., 1973, с. 230.

⁴ Лыков А. Г. Современная русская лексикология (русское окказиональное слово).—М., 1976, с. 59.

⁵ Шакун Л. М. Словаўтварэнне.—Мінск, 1978, с. 111.

⁶ Шанский Н. М. Основы словообразовательного анализа.—М., 1953, с. 9.

М. П. АНТРОПАЎ

АБ ПРЫНЦЫПАХ НАМІНАЦЫІ У БЕЛАРУСКАІ НАРОДНАІ АРНІТАНІМЦЫ

Аснову арніталагічнай лексікі беларускай мовы складаюць назвы агульнаславянскага характару: *ястраб, гогаль, карагольчык, ляляк, чачотка, каня, гусь, вутка, стрынатка, сокал, чыж* і г. д. Наменклатуру прымет, па якіх дадзены гэтыя назвы, прапанаваў у свой час Л. А. Булахоўскі: назвы птушак гукапераймальнага паходжання; назвы, у аснове якіх ляжаць вытворныя ад слоў са значэннем гучанняў; вытворныя ад прыметнікаў — па афарбоўцы апярэння і, радзей, па іншых прыметах; вытворныя ад дзеясловаў; вытворныя тыпу складанняў і інш.¹

Існуе меркаванне, што славянам у дагістарычныя часы былі вядомы не ўсе птушкі². Зразумела, і назваў невядомых птушак не было. Да гэтага яшчэ патрэбна дадаць, што назіральнасць старажытнага чалавека была, як вядома, не менш яркай, чым у наступныя эпохі, але, відаць, больш выбіральнай, з прычыны чаго спіс прымет, матывіровак назваў абмежаваны. Ужо ў назвах птушак усходнеславянскага пласта (*пугач, бугай, шылахвостка, кігікалка, дрымлюга* і інш.) колькасць прымет павялічваецца, але значна ўзрастае яна ва ўласна беларускіх, пераважна дзялектных арніталагічных найменнях. Мэтаю гэтай працы і з'яўляецца выяўленне прымет, якія ляжаць у аснове даволі рэдкіх беларускіх назваў птушак.

Матэрыялам для даследавання паслужылі арнітанімы, выбраныя з

дыялектных слоўнікаў І. К. Бялькевіча, Т. Ф. Сцяшковіч, Л. Ф. Шата-лавай, М. В. Шатэрніка, Ф. М. Янкоўскага, «Матэрыялаў для слоўніка народна-дыялектнай мовы» пад рэд. Ф. М. Янкоўскага (Мінск, 1960), «Матэрыялаў для слоўніка мінска-маладзечанскіх гаворак» пад рэд. М. А. Жыдовіч, слоўнікавых падборак «З народнага слоўніка» і «Народнае слова» (Мінск, 1975, 1976), прац М. В. Ніканчука і Ф. Д. Клімчука («Полесские названия птиц» і «Специфическая лексика Дрогичинского Полесья»), апублікаваных у зборніку «Лексика Полесья» (М., 1968), некаторых іншых крыніц.

Гукапераймальныя назвы (або назвы, звязаныя з гукаперайманнем). Анаматапеічныя ўтварэнні найбольш шматлікія ў назвах птушак (і не толькі беларускіх), таму што голас, крык, спеў аказваюцца ледзь не самымі важнымі характарызуючымі іх элементамі. 1. Крык драфы *ду-ду-ду* знайшоў адлюстраванне ў назвах *дудак* (Бражэлыцы Вора-наўск.) і *дудук* (Чэхі Астравецк.). 2. Вядомае «вуханне» пугача адлю-стравалася ў дыялектным *хухач*, зафіксаваным у Глускім р-не. 3. У в. Ольпень Столінскага р-на адзначана *ібут* 'бугай вялікі, бугай малы'. Відаць, і гэта назва гукапераймальнага характару: крык бугая перадаюць як *трумб, у-трумб, ы-ых-прумбб*.

Аднак значна часцей, чым прыведзеныя, сустракаюцца найменні, як быццам звязаныя з гукаперайманнем (ва ўсякім разе, падобныя па гучанню да вуснай перадачы крыка птушкі), але ў той жа час выклі-каючыя сумненні ў першапачатковасці гукапераймання па свайму афармленню. Напэўна, гэта звязана, па-першае, з зацяманнем перша-пачатковага гукапераймання (можа быць, у выніку кантамінацыі з ін-шай назвай, не абавязкова анаматапеічнай) і, па-другое, магчымым падвядзеннем адносна новай назвы крыка птушкі пад першапачатковую яе назву. Параўн.: 1. Палеск. *вўтва, вўтлавка* 'удод' (Сварынь Драгі-чынск.); крык удода перадаюць звычайна так: *вук-вук, уп-уп-уп* або *вут-ут-ут! вут-вут-вут!* 2. Магчыма, што такім жа чынам звязаны з гука-перайманнем назвы для чакана лугавога *вычык* і *эчык* (паўн.-зах. частка Мсціслаўскага раёна), голас яго мясцовыя жыхары перадаюць як *ві-чык, ві-чык-чык!* і *е-чык, е-чык-чык!*

Вытворныя ўтварэнні ад слоў са значэннем гучанняў. Напрыклад, *пасвісцёлка* 'пералётка' (Ольпень Столінск.) перадае характэрны «па-свістваючы» спеў пералётка (асабліва, відаць, самак).

Назвы па афарбоўцы апярэння ўсяго тулава або яго частак (часцей за ўсё — грудкі, асабліва яркіх плямаў на шыі і інш.). 1. Лімонна-жоўтая афарбоўка тулава самоў івалгі адлюстравалася ў назве для ўсяго віда *жаўтушка* (Старына Чэрвенск.). Наадварот, шаравата-зялё-ная афарбоўка тулава самак паслужыла базай для цэлага шэрага сла-вянскіх назваў, якія ўзыходзяць да прасл. *zylna*. 2. Перавага сіняга ко-леру ў апярэнні выявілася ў назвах некалькіх птушак: *сіньдзік* 'сініца вялікая' (Глускі р-н); *сінюга, сынюга, сінюха* 'сіваграк' (Палессе; Ха-ромск, Ольпень Столінск.); *сынявка* 'зімародак' (Балажэвічы Ма-зырск.).

Назвы, перанесеныя з прадмета на птушку. 1. Аднастайна-шэрая здалёк афарбоўка, невялікія памеры, падабенства да маленькага шара, вузельчыка праявіліся ў мясцовай назве мухалоўкі (ці вераб'я) *вузель-чык* (Вялікая Вуса Уздзенск.). 2. Можна быць, сюды адносіцца і *боровік* 'бусел чорны' (Харомск Столінск.). Спіна, галава і шыя гэтага зараз ужо вельмі рэдкага бусла чорныя з зеленаватым і медна-чырвоным адлі-вам, рулявыя бураватага колеру, а бруха і падхвосце — белыя. Падоб-нае спалучэнне колераў выяўляецца і ў белага грыба — баравіка.

Назвы па знешняму выглядзе птушкі (аснова для назвы — якая-не-будзь асаблівасць яго). 1. Групу можа праілюстраваць палеск. *бос'як* 'кулон вялікі, вярцэннік вялікі і інш.' (Замошша Лельчыцк.): у гэтых птушак ногі доўгія, з абодвух бакоў сярэдняга пальца прыкметны раз-вітыя перапонкі, птушка як бы «не абута». 2. Назва шэрай чаплі (магчы-ма, і рыжай чаплі) *валяваха, валіваха, волеваха* (Стужкі Светлагорск.,

Краснапольскі р-н) — ад вялікага валля птушкі (параўн. *волеватый, волистый* 'з вялікім валлём (гаворыцца аб птушках); той, у каго ёсць звычайна валлэ', *воле* 'валлэ ў птушкі' (Насовіч), укр. *волеваха* 'род чаплі' і г. д.). 3. У Харомску Столінскага р-на адзначана *довгоносок* 'гаршнеп, бакас'. Назва адлюстроўвае «выдатную» асаблівасць гэтых птушак — доўгую дзюбу.

Назвы птушак па месцы існавання. 1. Гнездавы біятоп берагавых ластавак пераважна абрывістыя, крутыя і высокія берагі рэк, азёр, рыбавадных сажалак, водасховішчаў і каналаў. Адсюль шэраг назваў берагавой ластаўкі, якія падкрэсліваюць яе сувязь з берагам: *беражанка, бэрэгулька, берагулька* (Балажэвічы Мазырск., Малыя Вераб'евічы Навагрудск., Бершты Шчучынск., Беражна Карэліцк.). Падобныя ўтварэнні вядомы і іншым славянскім мовам: рускай, украінскай, славацкай, сербскахарвацкай. 2. У назвах берагавой ластаўкі *землянка* і сітаўкі жоўтай *землянка* (Баравое Лельчыцк.) знайшло адлюстраванне імкненне птушак наладжваць гняздо ў глебе. Назва чубатага жаваранка *землянік* (Замошша Лельчыцк.) таксама звязана з тым, што ён будзе гняздо на зямлі, і акрамя таго, у назве, відаць, улічана, што гэта ў асноўным наземная птушка, рэдка ўзлятаючая на будынкі, слупы і г. д.

Назвы птушак, звязаныя з іх характэрнымі звычкамі, паводзінамі. Гэта група назваў самая прадстаўнічая пасля гукапераймальных. Тут добра праявілася цікавасць чалавека да жыцця птушак, яго ўменне «паглядзець». 1. М. В. Шатэрнікам зафіксавана ў Забалоцці Смілавіцкага р-на назва птушкі валавокі *абманчык*. Арнітолагі адзначаюць, што сярод гнёзд валавокі з нясеннем так званых «рабочых» трапляюцца зусім пустыя. Птушка, безумоўна, нічога не ашуквае: пустыя гнёзды з'яўляюцца месцам адпачынку і ўкрыцця для самоў, а таксама выкарыстоўваюцца незанятымі самкамі. 2. Пеначку-вяснічку на Палессі называюць *будаўнічок* — яна вельмі старанна будзе сваё гняздо. 3. Жывасць голуба праявілася ў назве *вэртун* (Балажэвічы Мазырск., Рубель Столінск.). 4. Суадносяцца з дзеясловам *гібаць* 'гнуць туды і сюды' найменні вялікага бугая *гібач, гібейло* (Кароб'е Столінск., Жыткавіцкі р-н). Калі бугай крычыць, ён 5—6 разоў рэзка нагінае галаву.

Яшчэ некалькі назваў гэтай групы: *дрэмуха* 'ляляк звычайны' (Ольпень Столінск.), *зімуха* 'сініца чорная' (Беражное, Рубель Столінск.), *лэжань* 'ляляк звычайны' (Любонічы Кіраўск.), *нэцяг* 'вераценнік вялікі' (Пінскі р-н). Прымыкае сюды ж дыял. *начніца* 'ляляк звычайны'. Птушка вядзе начны спосаб жыцця, удзень яе можна сустрэць толькі выпадкова. Не зусім зразумела падобная назва для пішчухі *ночныця*, адзначаная ў Кароб'і Столінскага р-на, таму што пішчуха дзённая птушка.

Назвы па характару харчавання. 1. У гэту групу патрэбна аднесці назвы перапёлачніка і сарыча касматаногога *мышатнік, мышалов, мішойёд* (Краснапольскі р-н, Харомск, Ольпень Столінск.). Блізкія па форме арнітанімы вядомы таксама іншым усходне- і заходнеславянскім мовам. 2. Назвы *рыбак, рыбалой, рыболів* (Галавачы Гродзенск., Сварынь Драгічынск., Лукава Маларыцк., Баравое Лельчыцк.) зімародак атрымаў за сваё ўменне спрытна лавіць рыбу.

Назвы, звязаныя з выкарыстаннем птушкамі рознага будаўнічага матэрыялу для гнязда. 1. Перасмешка зялёная і берасцянка выкарыстоўваюць пры будаўніцтве гнязда бяросту. Гэта прымета адлюстравалася ў назвах для іх *берасцянка* 'берасцянка', *берасцянік, бэрэсцянка* (Замошша Лельчыцк., Харомск Столінск., Балажэвічы Мазырск; тое ж — Давідкі Оўруцск.) 'перасмешка зялёная'. 2. Некаторыя птушкі латак гнязда высцілаюць валасамі, адсюль наступныя іх найменні: *валасянка* 'мухалоўка шэрая і валасянікі', *валасяначка* 'аўсянка звычайная', *валасенчык* 'сітаўка жоўтая' (Лунінецкі р-н), *валасяніца* 'мухалоўка шэрая', *воласянка* 'сітаўка жоўтая' (Кароб'е Столінск.).

Назвы — пазнейшыя паднаўленні старых назваў птушак. 1. Сюды аднясём назвы драча *хрусьцель, хрусцьцэй, хрусцьцель, хрысьцель* (б. Мінск. губ., Магілёўск. губ., Віцебск. п.), якія з'яўляюцца пазнейшымі паднаў-

леннямі прасл. *korsteljb*. Л. А. Булахоўскі, прааналізаваўшы падобны польскі і чэшскі матэрыял, назваў такія паднаўленні «оживлением утраченной связи со звучанием»³. 2. Паднаўленнямі (ці скажэннямі?) бел. *сілязэнь, сілязэнька* 'самец вадаплаваючых птушак' з'яўляюцца назвы *сэлюх* (Сварынь Драгічынск.) і *сэляг* (Сымонавічы Драгічынск.). 3. Магчыма, што падобным жа паднаўленнем шыракораспаўсюджанага *каны* 'кнігаўка' выступае *кнёўка* (Чэхі Астравецк.; можа быць, тут была і пераходная ступень — гіпатэтычнае *канеўка*).

Рэлікты эўфемістычных назваў. 1. Эўфемістычнай назвай жураўля, убачанага ў першы раз у годзе, з'яўляецца *высёлык* (Сымонавічы Драгічынск.). Падобныя назвы зафіксаваны ў некаторых іншых палескіх населеных пунктах, але ўжо як звычайныя: *васілёц, веселёц, вэсэлык* 'журавель звычайны, журавель шэры' (Сварынь Драгічынск., Замошша, Баравое Лельчыцк., Ольпень Столінск.). 2. Можа быць, такой назвай з'яўляецца (або з'яўлялася) *бóгаўка* 'сітаўка белая, сітаўка жоўтая', адзначаная ў Манякова Міёрскага р-ну.

Акрамя вылучаных прымет, па якіх мы размеркавалі частку беларускіх назваў птушак, відаць, ёсць і іншыя. Аднак сабраныя намі матэрыялы не дазваляе пакуль што з дастатковай перакананасцю вылучыць яшчэ якія-небудзь групы ў даследуемай лексічнай мікрасістэме.

¹ Булаховский Л. А. Славянские наименования птиц.— Мовознавство, 1948, т. 6, с. 66.

² Сетаров Д. С. Тюркизмы в русских названиях птиц.— Советская тюркология, 1970, № 2, с. 86.

³ Булаховский Л. А. Указ. работа, с. 44.

Г. Н. КЛЮСОВ

О ЛИЧНЫХ ЗНАЧЕНИЯХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Категория лица занимает в синтаксической структуре предложения центральное место наряду с категориями времени и модальности (без ограничения последней только формами трех наклонений глагола). Триединство этих категорий, по общему признанию, определяет сущность такого понятия, как предикативность — первоосновы существования предложений в их различных модификациях¹.

О синтаксической роли категории лица хорошо сказано у А. М. Пешковского: «Лицо есть необходимая категория языковой (да и не только языковой) мысли, присущая ей по самой ее сущности: ведь без лица говорящего не может быть и речи, лицо говорящее необходимо предполагает лицо слушающее, а оба эти лица необходимо предполагают внешний мир, их объемлющий, являющийся для них третьим лицом. Три лица — это три основные точки языкового сознания, как три времени — три основные точки внутреннего восприятия. И как не может быть «четвертого», «пятого» и т. д. лица, так не может и совсем не быть лица в мысли. Даже и с неязыковой точки зрения по крайней мере два лица необходимы: «я» и «не я». «Безличность» в собственном смысле слова есть то же, что «внеличность», т. е. понятие метафизическое (как вневременность и внепространственность)»².

Свое лексическое выражение категория лица находит в единично-личных местоимениях, образующих замкнутую систему с эгоцентрической точкой отсчета: *я* — лицо говорящее (первое), *ты* — лицо адресата речи (второе), *он, она, оно* — лицо предмета речи, а не участника ее (третье); параллельно располагаются и множественно-личные местоимения *мы, вы, они*. Указанные личные значения этих местоимений являются категориальными, т. е. общеязыковыми, прямыми, независимыми от контекста (автосемантическими).

Наряду с этим в речевом употреблении наблюдаются определенные сдвиги в семантике личных местоимений, приводящие к характерным

преобразованиям их исходных категориальных значений. Таковы известные примеры замены фамильярного или грубого *ты* вежливым и официальным *вы*; употребление *ты* в общеличном значении (*упрямому хоть ты кол на голове теши*); авторское и лекторское *мы* в единично-личном значении; то же *мы* со второлличным значением в стандартной формуле докторского обращения к пациенту (*как мы себя чувствуем?*) или в случаях намеренного пренебрежения к личному достоинству собеседника, напр.: *Я у тебя никогда ничего не брала*. — *«Так ли? А когда мы еще не были известной артисткой, то на чей счет мы жили?»* (А. Чехов, *Maгi d'elle*). Сюда же относятся еще два приема экспрессивной транспозиции местоимений *ты* и *я*. В первом случае с целью нарочитого «отстранения» от собеседника его обозначают посредством третьеличного местоимения (*Я ему одно, а он другое. Пойми же ты наконец!*) Во втором случае речь или мысль о самом себе выражается как о третьем лице, напр.: *«Это удивительно, как я умна и как... она мила», — продолжала она, говоря про себя в третьем лице и воображая, что это говорит про нее какой-то очень умный, самый умный и самый хороший мужчина...* (Л. Толстой. *Война и мир*). И так как у Ромашова была немножко смешная, наивная привычка, часто свойственная очень молодым людям, думать о самом себе в третьем лице, словами шаблонных романов, то и теперь он произнес внутренне: *«Его добрые, выразительные глаза подернулись облаком грусти...»* (А. Куприн. *Поединок*). Наконец, переадресовка перволичного *я* на третьеличное *он* характерна для несобственно прямой речи, напр.: *Егоров на деньги Жура взял в клубном буфете винегрет, селедку и полфунта хлеба. Все съел, показалось мало. Подумал, не взять ли еще бутерброд с сыром и чаю с сахаром? Что он, не отдаст эти деньги Журу? Конечно, отдаст* (П. Ниллин. *Испытательный срок*).

Личные значения такого рода являются нерегулярными, функциональными, обусловленными контекстом или речевой ситуацией (синсемантическими). В основе их лежит метафорическая замена одной грамматической формы другою, т. е. метаптосис (ср. *утка здесь не водится* вместо *утки здесь не водятся*; *пошли!* вместо *пойдемте*).

Для существительных регулярным личным значением является значение третьего лица: всякое существительное как предмет речи или мысли соотносится с местоимением *он, она, оно, они*. А. М. Пешковский ссылаясь здесь на такое показательное обстоятельство: при личном глаголе-сказуемом в первом и втором лице единственно возможными подлежащими оказываются лишь местоимения *я, мы* и *ты, вы*, тогда как с третьеличным глаголом-сказуемым сочетаются не только местоимения *он, она, оно, они*, но и тысячи существительных различной семантики³.

Третьеличный характер субстантивных подлежащих обычно отмечается от случая к случаю — например, при необходимости указать все формы согласования сказуемого с подлежащим в предложениях типа *Наступает зима; Дни идут; Да здравствует разум!* и т. д. Но традиционная грамматика не находит здесь оснований для включения категории лица в перечень грамматических категорий существительного. Отчасти в этом сказывается привычный морфологизм при грамматической характеристике частей речи с их категориями (аналогичное положение наблюдается, например, в описаниях категории наклонения, так что многие исследователи признают необходимым различать наклонения морфологические и синтаксические). Отчасти действует соответствующая логическая аргументация: значение третьего лица у существительных не противопоставлено каким-либо другим личным значениям тех же существительных, а потому не является полновесным признаком данной категории, и, следовательно, признаком этим можно просто пренебречь. Кроме того, вполне возможно, что третьеличное значение существительного является не самостоятельным, а лишь рефлексным: предмет речи — это не-я и не-ты, и только в этом противопоставлении существительное сближается с местоимением третьего лица. Очевидно, единственным убедительным доводом в пользу наличия категории лица у существительных

с точки зрения формально-грамматической было бы такое положение, если бы существительные проявляли способность как-то сочетаться с личными формами глагола, следуя за ними в своих формах или значениях (вроде *мальчик читает, мальчик читаю, мальчик читаешь*), чего, как известно, в действительности нет.

Но вопрос предстает в ином свете, если исходить из ситуативно-речевого понимания структуры предложения, взятого в плане актуального содержания высказывания и актуальных значений лица в его компонентах. Необходимость такого подхода признается в современном синтаксисе: «...Категория лица и связанные с ней единицы языка и формы, почти несущественные и иногда вовсе исключаемые при формально-логическом понимании коммуникации, при ситуативном понимании коммуникации становятся необходимыми и важными»⁴.

В ситуативно-речевых условиях существительные обладают способностью приобретать значения первого и второго грамматического лица (а в совокупности с исходным третьеличным значением могут, следовательно, персонализироваться по всем трем лицам).

Перволичная персонализация существительных имеет семантико-синтаксический характер; формальные согласовательные связи существительного с глаголом в таких случаях остаются третьеличными, изменяется только функциональное значение самого существительного посредством метатопосиса, как и в аналогичных примерах с личными местоимениями. Такая персонализация проявляется в следующих пяти случаях.

1. В детской речи, например: *Вова хочет* (вместо *Я хочу*), *Маша упала* (вместо *Я упала*). Постоянная изменчивость релятивных речевых координат *я — ты — он* некоторое время оказывается непосильной для языкового сознания ребенка, и он предпочитает пользоваться конкретным именем, стабильным в речевой ситуации. Взрослым при общении с ребенком приходится переключаться на эту одномерную систему личных координат: *Мама любит Машу* (вместо *Я люблю тебя*); *Вова будет спать* (вместо *Ты спи*).

2. В речи представителей народов Восточной Азии, у которых национальные традиции не позволяют употреблять личные местоимения *я* и *ты*, а требуют замены их определенными существительными, отражающими социальную иерархию говорящих⁵. Естественно, что при необходимости изъясняться по-русски нормы родного языка заставляют говорящего обратиться к нейтральному, на его взгляд, самоназванию личным именем, например (в речи эвенка):

— *Бери олень, вьюк, бери все. Илья близко Ямбуй один шаг не ходил* — кричал он.

— *Почему же ты не хочешь идти?* — спросил я как можно спокойнее (Г. Федосеев. Злой дух Ямбуя).

Теми же мотивами речевого этикета вызываются известные замены личных местоимений соответствующими притяжательными, например: *На вопрос, не знает ли он гольда Дерсу Узала, охотник отвечал: «Это моя». «Ничего, капитан,— сказал мне опять Дерсу.— Твоя можно спи»* (В. Арсеньев. Дерсу Узала).

3. В официальном самоназвании собственным именем (нередко с добавлением должности или звания). Это различные случаи представления при знакомстве, установления телефонного контакта, рапорта о явке и т. д., когда требуется лаконичная и четкая форма общения, напр.: *Начальник штаба... протянул Синцову руку: «Будем знакомы: полковник Пикин»* (К. Симонов. Солдатами не рождаются). *«Ивлев слушает».* — *«Здравия желаю, товарищ батальонный комиссар,— сказал Митя.— Беспокоит Туровцев с двести второй»* (А. Крон. Дом и корабль). *Разбудил его звонок. «Говорит Алиса Польди. Я жду тебя у загса». И назвала адрес* (В. Ливанов. Мой любимый клоун).

4. В разговорном самоназвании собственным именем. Этот речевой прием в основе своей обязан стремлению говорящего к самоутверждению

и упрочению престижа (говорящий как бы объективирует то, что о нем сказали бы со стороны — ср. пример с заменой местоимения я на она у Наташи Ростовой), но чаще всего выражает преувеличенное самомнение, заносчивость, амбицию, напр.: *Если бы лес был мой, то, честное слово Гронтовского, я не противился бы вашему приятному удовольствию. Но кто виноват, что Гронтовский зависим?* (А. Чехов. Пустой случай). *«Не говорите так! — закричал перепугавшийся Паниковский. — Я всех вас переживу. Вы не знаете Паниковского. Паниковский вас всех еще продаст и купит»* (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев).

5. В несобственно прямой речи, характерной особенностью которой является как раз смещение личных форм и значений, напр.: *Меня отвели в участок; из участка — ко мне в комнату, сделали обыск, забрали много литературы и препроводили Грина в тюрьму* (А. Грин. Автобиографическая повесть). Такой пример легко представить как вкрапление в авторскую речь цитатного оборота из полицейской реляции: *Меня арестовали, сделали обыск и «препровели Грина в тюрьму»*. Все указанные случаи входят в общую формулу «о себе в третьем лице». Перволичное значение существительных раскрывается здесь при соответствующих трансформациях подобных предложений, когда любое релятивное личное значение определяется по отношению к системе опорных личных координат я — ты — он.

Второличное значение существительных представлено в обращении (вокативе, звательном падеже). Будучи наименованием адресата речи, обращение второлично по своему назначению и эквивалентно местоимениям ты, вы, что было отмечено еще А. А. Потемной⁶. Значение второго лица в обращении является регулярным, обобщенно-грамматическим, а не спорадическим отражением функциональных сдвигов в ситуативной структуре предложения, как в случаях перволичной персонализации существительных. Оппозиция значений третьего лица в существительных-подлежащих и второго лица в существительных-обращениях свидетельствует о наличии категории лица у существительных (или иначе: делает оба указанные значения категориальными). По своему характеру эта оппозиция подобна известным оппозициям именительного и винительного падежей неодушевленных существительных (*прошел год — прожить год, синее озеро — переплыть озеро, шумная площадь — пересечь площадь*) или оппозициям двувидовых глаголов типа *ранить, суммировать*.

Отсюда следует, что под единой оболочкой прямого падежа существительных скрываются два падежа — третьеличный именительный и второлично-звательный. Л. В. Щерба был убежден в существовании звательного падежа в современном русском языке, но ссылаясь при этом только на интонационное отличие его от именительного⁷. Легко видеть, что звательная интонация вокатива — это внешнее выражение обращенности к адресату речи, т. е. инвариантного грамматического значения второго лица.

Второличный характер обращения (звательного падежа) особенно ярко выступает в предложениях со второличным глаголом-сказуемым. Таковы императивные предложения типа *Маша, сядь; Слушайте, дети*. Но существует и особая разновидность обращения, в которой значение второго лица преднамеренно ослабляется, делается функциональным, обусловленным только речевой ситуацией, а формально адресат речи представлен как третье лицо. Это свойственно так называемым косвенным обращениям, когда, например, вместо *Что скажете вы, Иван Иванович?* говорят (обычно адресуясь к одному из нескольких присутствующих): *Что скажет Иван Иванович?* В свою очередь адресат в ответной реплике может переключиться на заданную транспозицию личных значений и назвать себя также в третьем лице, например: *«Как на такую диспозицию смотрит комиссар?» — спросил Рязанцев. «Комиссар согласен с командиром»* (В. Синева. Свой остров).

Своеобразное отражение второличности обращений наблюдается в

контаминированных конструкциях, когда считается неучтывим употребить *ты* в сочетании со второлличным глаголом. Тогда на место *ты* ставится существительное, с которым сказуемое (глагол изъявительного наклонения) согласуется по второму лицу. В польском языке это просторечный прием вежливого обращения, например: *Pan myślisz, że to jest źle?* (буквально: *Пан думаешь, что это плохо?*); у нас такая конструкция возможна в детской речи, напр.: *А тетя пойдешь с нами?*

Специфически выражаются личные значения существительных в долженствовательных предложениях типа *Они отдыхают, а Иван работай; Он бесчинствует, а люди терпи*. Такие предложения вселичны: *Иван работай* может быть сказано в речевой ситуации и самим Иваном о себе (персонализация по первому лицу), и об Иване-собеседнике (персонализация по второму лицу), и об Иване как предмете речи (персонализация по третьему лицу). Необходимая конкретизация лица в подобных случаях выражается только личными местоимениями: *я работай, ты работай, мы работай* и т. д. Если в долженствовательном предложении существительное-подлежащее употреблено во второлличном значении, то возникает пересечение с императивными предложениями, в составе которых находятся второлличные существительные-обращения (*Иван, работай!*). Отличительным признаком последних становится подчеркнутая звательная интонация. Но в ряде случаев примеры типа *Знай сверчок свой шесток* остаются амбивалентными по синтаксическому значению.

Таковы общие контуры категориальных и функциональных личных значений существительных в современном русском языке. Структурно-семантический анализ предложений останется неполным без учета отмеченных особенностей выражения категории лица, одинаково относящихся к области грамматики и стилистики.

¹ См.: Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике.— М., 1975, с. 264. Существует и другое понимание предикации — как утверждения вневременной связи признака с предметом, когда категории лица и времени относятся к так называемой локации. (См.: Степанов Ю. С. Основы общего языкознания.— М., 1975, с. 134).

² Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении.— М., 1956, с. 343.

³ Там же, с. 186.

⁴ Кодухов В. И. О двух основных аспектах предложения.— В кн.: Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков.— Л., 1975, с. 35.

⁵ См.: Майтинская К. Е. Местоимения в языках разных систем.— М., 1969, с. 160—161.

⁶ См.: Потенция А. А. Из записок по русской грамматике.— М., 1958, т. I—II, с. 101.

⁷ См.: Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку.— М., 1957, с. 67; Лекции Л. В. Щербы по русскому синтаксису.— Вопросы языкознания, 1970, № 6, с. 88—89.

В. Л. ЛЕЩЕНКО

ВАРИАНТЫ СЛОВСОЧЕТАНИЙ И КРИТЕРИИ ИХ ВЫДЕЛЕНИЯ

Понятие варианта первоначально использовалось только в фонологии, в настоящее же время оно прочно вошло в практику лингвистического исследования и на других уровнях языка, в том числе и на синтаксическом. Но если в фонологии или морфологии мы имеем довольно точное определение варианта фонемы или слова, то в отношении синтаксиса, в частности, вариантов словосочетания, вопрос до сих пор теоретически мало разработан и вызывает ряд спорных и противоречивых мнений и суждений. Поэтому возникает необходимость дать более четкую дефиницию вариантов словосочетания и определить критерии их выделения, что является целью данной статьи.

I. **Формальная модификация.** Общепринятая дефиниция синтаксических вариантов как семантически эквивалентных вариаций в пределах одной синтаксической модели (словосочетания, предложения) не явля-

ется достаточной, так как указанный признак характерен и для явления синонимии в синтаксисе. Поэтому под вариантностью мы подразумеваем прежде всего возможность параллельного формального выражения одного и того же грамматического (синтаксического) значения, связанного с одной и той же синтаксической единицей (в данном случае нас интересует словосочетание). Такое понимание вариантности предполагает существование словосочетания по крайней мере в двух различных формальных модификациях, не связанных с изменением его основного грамматического значения, например: *две долгих недели — две долгие недели; нужный мне — нужный для меня; требовать денег — требовать деньги; ждать поезда — ждать поезд.*

Связь означаемого и означающего выражается через соотношение двух или более разных форм с одинаковым или близким содержанием. В природе вариантности главную роль играют различия формальной стороны. Поэтому сущность вариантных словосочетаний составляет вариантность формы выражения общего грамматического (синтаксического) значения. Эта особенность интересующих нас единиц вытекает из самого определения слова «вариант». Так, толковые словари определяют его как видоизменение, разновидность чего-либо¹. Поэтому формальная модификация словосочетания, т. е. различное оформление его структуры, является характерным для вариантов словосочетания.

Модификация формы у вариантов обычно выражается в несовпадении грамматической формы зависимого компонента при материальном (лексическом) совпадении смыслового центра словосочетания или при его принадлежности к определенному лексико-семантическому разряду слов. Формальное различие вариантов словосочетаний заключается в следующих моментах.

1. В несовпадении только грамматической формы зависимого компонента, например: *ждать поезд, самолет, автобус — ждать поезда, самолета, автобуса; искать укрытие, выход, дорогу — искать укрытия, выходы, дороги; четыре новых картины — четыре новые картины.*

2. В несовпадении грамматической формы зависимого компонента и служебного слова, например: *мокрый по колени — мокрый до колен; провалиться по пояс — провалиться до пояса; ходить за водой — ходить по воду; говорить о книге — говорить про книгу.*

3. В наличии или отсутствии служебного слова, например: *ехать поездом, автобусом — ехать в поезде, в автобусе; приходиться второй раз — приходиться во второй раз; нажать кнопку — нажать на кнопку.*

4. В несовпадении служебного слова, например: *сидеть на кухне — сидеть в кухне; стоять возле стола — стоять у стола — стоять около стола — стоять подле стола.*

Таким образом, понятие вариантов словосочетаний можно ограничить структурно-соотносительными словосочетаниями, у которых наблюдается лексическое или семантическое совпадение смыслового центра и несовпадение грамматической формы зависимого компонента.

II. Тождество грамматической модели. В вариантных словосочетаниях главный компонент вступает в одни и те же синтаксические связи с одним и тем же зависимым словом, т. е. данные единицы характеризуются однородностью структуры, одномодельностью конструкции с точки зрения выражения подчинительной связи. Поэтому, говоря о вариантных словосочетаниях, мы имеем в виду прежде всего вариантность однородной подчинительной связи, т. е. управление или согласование в пределах словосочетания может быть вариативным. При вариативном управлении² глагол управляет двумя или более разными формами с одним общим значением, например: *ждать кого-что — ждать кого-чего (ждать самолет — ждать самолета); дергать что — дергать за что (дергать за рукоятку — дергать рукоятку).* В зависимости от количества управляемых форм словосочетания могут быть бивариантными (*ждать поезд — ждать поезда, нужный обществу — нужный для общества*) и поливариантными (*контроль выполнения работы — контроль за выполнением ра-*

боты — контроль над выполнением работы, сказать все — сказать обо всем — сказать про все). При вариативном согласовании определение может употребляться в двух формах, например: *четыре интересные книги* — *четыре интересных книги*.

Таким образом, можно говорить о тождестве грамматической модели вариантов, но о различных реализациях ее в структурных схемах, т. е. с точки зрения оформления подчинительной связи варианты представляют собой разные внутренние образования одной модели, например: *идти по полю* (глагол + сущ. в твор. п.) — *идти по полю* (глагол + по + сущ. в дат. п.); *говорить о книге* (глагол + сущ. в предл. п.) — *говорить про книгу* (глагол + про + сущ. в вин. п.).

В данных парах вариантов модели словосочетаний тождественны по своей сути (глагол управляет существительным), но реализация подчинительной связи осуществляется различным способом, наблюдаются внутримодельные изменения, происходит трансформация ее составных элементов (в первом примере управление беспредложное и предложное, включение предлога изменяет форму зависимого компонента, не влияя на общее значение конструкции; во втором примере вариантное управление отличается несовпадением формы зависимого существительного и служебного слова).

В вариантных словосочетаниях зависимый компонент находится в одной и той же синтаксической позиции, в одинаковом синтаксическом окружении и выполняет одну и ту же грамматическую функцию. Например, в сочетаниях *принесите воды* — *принесите воду*, *мокрый по колени* — *мокрый до колен* разные формы слов попадают в одинаковую синтаксическую позицию и, имея эквивалентный характер основного синтаксического значения, выполняют одну и ту же функцию (в первом примере — обозначение прямого объекта; во втором — указание на предел распространенности действия). В вариантах происходит отождествление значения отношений между словами, т. е. тождество значения означающего, а не означаемого, равенство в функциях форм связи слов. Такое функциональное тождество приводит к стиранию грамматических различий, к их позиционной нейтрализации, т. е. к внешнему тождеству грамматического значения³. Поэтому о вариантах словосочетаний можно говорить как о единицах с функционально тождественным значением, отличающихся некоторыми формальными признаками.

III. Общность грамматического значения. Соотносительность синтаксических отношений (шире — грамматического значения) у сопоставляемых словосочетаний, наличие смысловой общности является одним из условий вариантности. К вариантным словосочетаниям мы отнесем, например, сочетания *дать по пяти рублей* — *дать по пять рублей* (указание на дистрибутивное значение), *ждать поезда* — *ждать поезд* (значение прямого объекта). Но мы не можем назвать вариантами словосочетания *управление чем* — *управление чего*, так как в этих конструкциях наблюдается различие в характере синтаксических отношений: в первом примере — процессуальное значение (*управление заводом, трестом*), во втором — субстантивное значение (*управление завода, треста*).

Варианты могут не различаться ни в значении, ни в стилистической окраске и употребляться в нейтральной речи на равных правах. Однако в других случаях один вариант может отличаться от другого оттенком семантического характера, в третьих — стилистической окраской. Поэтому абсолютного равенства в грамматическом значении у вариантов словосочетаний нет. В силу этого необходимо говорить об общем характере отношений между компонентами словосочетаний, об основном (денотативном) грамматическом значении данной единицы синтаксиса. Такое тождество синтаксических отношений «устанавливается лишь в границах тех контекстов, в которых возможна взаимозамена вариантов»⁴. Отсутствие абсолютного равенства в значении выражается в наличии оттенков, которые не затрагивают и не изменяют системного лингвистического значения данной структуры. На этом основании мы не можем согласить-

ся с мнением Д. С. Станишевой, которая, считая варианты семантически тождественными единицами, предлагает говорить о явлении «синтаксической синонимии» при «наличии известных, даже минимальных семантических, стилистических различий двух конструкций»⁵. Но именно наличие определенных оттенков, присутствие большего или меньшего различия в соотносительных конструкциях служит некоторым оправданием хотя и временного существования вариантов в пределах нормы. В связи с этим мы принимаем введенные Е. И. Шендельс термины «существенный и несущественный признак». Изменение существенных признаков ведет к разрушению словосочетания, к созданию новой модели с новым, иным значением. Например, словосочетание *памятник Пушкину* содержит указание адресата, а конструкция *памятник Аникушина* — указание исполнителя. Грамматическое содержание данных единиц синтаксиса различно, поэтому нельзя говорить о них как о вариантах.

Изменение несущественных признаков ведет лишь к внутримодельному преобразованию словосочетания, к возникновению его варианта. Например, *школа взрослых — школа для взрослых* (сочетание с родительным беспредложным имеет общее собственно-определяющее значение, в предложном сочетании то же значение конкретизировано с помощью предлога, который вносит оттенок предназначенности), *наблюдать за больным — наблюдать больного* (второе сочетание является принадлежностью профессиональной речи).

Таким образом, критериями определения вариантов словосочетаний служат: а) тождество грамматического значения, т. е. общей семантики словосочетания, порожденной характером грамматической связи между составляющими его компонентами; б) функциональная тождественность видоизменений словосочетаний; в) эквивалентность грамматической модели (однородность подчинительной связи между компонентами); г) материальное (лексическое) совпадение главного компонента; д) регулярное несовпадение грамматической формы зависимого компонента. Изложенное понимание вариантов словосочетаний опирается на материальные и семантические признаки. Определение данных единиц может быть дано при условии одновременного учета их формальной и содержательной сторон.

В а р и а н т ы с л о в о с о ч е т а н и я — это внутримодельные изменения одного и того же словосочетания, у которых наблюдается лексическое или семантическое совпадение смыслового центра и несовпадение грамматической формы зависимого компонента и которые сохраняют тождественный характер синтаксических отношений и эквивалентную грамматическую модель.

Это рабочее определение позволяет охватить основную массу языковых фактов, объединяемых в варианты ряды словосочетаний, которые находятся в отношениях функционально-семантической соотносительности⁶.

¹ См.: Словарь современного русского литературного языка.—М.-Л., 1951, т. II, с. 52.

² Управление мы понимаем как тип подчинительной связи, при котором управляемыми признаются любые падежные формы в зависимой позиции.

³ См.: Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П. Грамматические варианты. Опыт частотного словаря.—М., 1971, с. 22.

⁴ Там же, с. 31.

⁵ Станишева Д. С. К вопросу о вариантах синтаксических единиц.—Филологические науки, 1964, № 1, с. 189; она же. О падежных вариантах.—В кн.: Славистичен сборник.—София, 1963, с. 39.

⁶ См.: Шведова Н. Ю. О понятии синтаксического рода.—В кн.: Историко-филологические исследования. М., 1967, с. 209.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ОБЩЕГО РОДА

Имена существительные общего рода, являясь категорией очень экспрессивной, представляют собой большую семантически однородную группу. Это по преимуществу слова с ярко выраженным значением качества, оценочной окраски.

Семантико-родовая категория общего рода включает характеристики лиц и животных, т. е. имен существительных одушевленных. Несмотря на разные способы образования связь этой категории обеспечена не только общим значением одушевленности, но и общим критерием родограмматической оценки — отношением рода к значениям естественного пола. Называя человека с характеристикой оценки, признака, качества, слова общего рода по своему лексическому значению соотносимы с лицами обоего пола и поэтому могут быть как мужского, так и женского рода.

Необходимо подчеркнуть, что одним из самых спорных в лингвистике является вопрос типологизации лексических значений этих слов, так как нет единого мнения о принципах их классификации. Недостаточная изученность семантики существительных общего рода является причиной того, что в разных толковых словарях и в специальных трудах по русской грамматике род некоторых из них, таких, как *рубака, меняла, кутила, выпивала, служака, царубийца, обжигала, плакуша, насекала, кривошейка*, трактуется по-разному. Идет также спор и о словах типа *врач, товарищ*, в которых значение рода зависит не от их морфологического облика, а от того, к мужчине или женщине они относятся.

Существительные общего рода представляют собой особый разряд слов со значением экспрессивно-оценочных характеристик людей, а также животных и птиц по их типичным признакам, чертам характера, поведению, действиям, социальному положению, привычкам, внешнему облику и т. п. Категория общего рода объединяет в себе слова, характеризующие в основном отрицательные черты человека, хотя и есть небольшая часть существительных общего рода, положительно описывающих человека.

Рассмотрим семантические группы слов общего рода среди существительных русского языка. Таких мы выделяем 26.

1. Слова, характеризующие хитрых, нечестных людей: *обдирала, проныра, плутяга, хитряга, хитрюга, надувала, обдувала, пройдоха, прощельяга, пролаза, пройда, прожига, подхалюза, шельма, шантрапа, жулябия, выжига*. 2. Слова, характеризующие глупых, бестолковых людей: *простофиля, дубина, тёпа, растяпа, тупица, балда, идиотина, разиня, разява, филя, глупышка, орясина, пустышка, остолопина, незнайка, нескладеха, зёва*. 3. Слова, характеризующие жадных, скупых людей: *жадюга, хапуга, жила, жаднюга, скареда, сквалыга, скряга, скупердяга*. 4. Слова, характеризующие бесхарактерных, трусливых людей: *трусишка, нюня, плакса, хныкала, хныка, крикса, рёва, плачуга, крикуша, плакуша, мямля*. 5. Слова, характеризующие прожорливых, склонных к обжорству людей: *обжора, прожора, обжирала, объедала*. 6. Слова, называющие пустого, болтливого человека: *болтушка, болтуниска, щелкушка, пустомеля, балаболка, балабошка, шебарша, таранта*. 7. Слова, характеризующие нищих, просящих милостыню: *попрошайка, побирашка, побираха, побируха, побирушка, бродяга, побродяга, бродяжка, канюка*. 8. Слова, характеризующие пьяниц: *выпивоха, выпивала, пьянчужка, пьянчуга, пьяница, пропойца, пропойница, пьянюга, пьянюжка, запивоха*. 9. Слова, характеризующие обманщиков, лицемерных людей: *святоша, ханжа, всезнайка, зазнайка, шишимора, ябеда*. 10. Слова, характеризующие внешность человека (его облик, одежду): *неряха, замухрышка, михрютка, растрёпа, растрёпка, оборвашка, грязнуля, грязнуха, грязнушка, замараха, замарашка, чистюля, босоножка*. 11. Слова,

характеризующие человека по совершенному им преступлению: *убийца, братоубийца, депоубийца, отцеубийца, матереубийца, сестроубийца, самоубийца, сыноубийца, чадоубийца, цареубийца, человекоубийца* — все эти слова производные. Еще есть и слова, которые можно отнести к этой группе — *ворюга, воряга*. 12. Слова, характеризующие человека, стремящегося к утрированно-модному стилю одежды: *стиляга, хиппи*. 13. Слова, характеризующие лиц, принадлежащих к какой-то народности, нации или являющиеся ее названием: *йоруба, мариманси, чукча, удэге, эрзя, саами, суоми, немчура, чухна* (то же, что чухонцы). Большинство слов этой группы нейтральные, не оценочные, только два последних имеют оттенок пренебрежения. 14. Слова, обозначающие род деятельности, занятие человека: *меняла, обжигала, рубака, калика, подметала, пряха, портняга, заывала, насекала, возница, служака, запевала, чинуша, книгоноша, староста, завкадрами, управделами*. Четыре последние слова нейтральные, указывают на должность. Слова *служака, чинуша* с отрицательным оттенком. 15. Слова, характеризующие физические недостатки человека (и животных): *толстошея, тонкошея, коротышка, коротконожка, кривоножка, ковылюга, кривошея, кривошейка, калека, раскоряка, раскорячка, хромуша, уродина, заика, сухоручка, хромоножка, дохлятина, верзила, громадина, здоровяга, худышка, гладёна*. 16. Слова, выражающие сочувствие человека человеку, его симпатию, участливое отношение: *сиротинка, сиротиночка, сиротинушка, сиротка, сироточка, сиротина, сирота, сердяга, горюша, горемыка, бедолага, бедняжка, бедняга, бедняжечка*. 17. Слова, называющие людей по политическим взглядам: *контра, ультра*. 18. Слова, характеризующие ласковое отношение к человеку (чаще к женщине или ребенку): *лада, ладушка, роднушка, роднуля, роднуша, лапушка, лапонька, лапочка, милуша, милушка, милаяга, милочка, милашка, милаша, милашечка, молодчага, молодчина, голуба, дорогуша, симпатяга, соседушка, дурашка, цыпочка, паинька, дуся, дуська, душка, душечка, душенька, гуленка*. 19. Слова, выражающие привычки, выработанные человеком в процессе его жизнедеятельности: *левша, лежебока, курилка, соня, зубрила, зубрилка, лакомка, сластена, сладкоежка, сластоежка*. 20. Слова, характеризующие людей, не любящих работать: *гуляка, гулена, белоручка, недоучка, незнайка, неженка*. 21. Слова, характеризующие маленьких (или ничтожных) людей: *невеличка, шушера, фитюлька, неровня, неровнюшка*. 22. Слова, характеризующие детей (их поступки, внешний вид, черты характера, возраст, рост): *голышка, крохотуля, крошечка, крошка, кроха, малотка, малышка, малявка, малюточка, малолетка, трояшка, тройняшка, пригодишка, двоешка, двойняшка, двояшка, крохотка, шалунишка, капризуля, крикуша, паинька*. 23. Слова, характеризующие людей по отрицательным чертам характера: *лгунишка, сатана, тварюга, заноза, ехидна, ехидна, зверюга, злюка, злючка, задира, задира, завирушка, завирука, забияка, неженка, размазня, гримза, ловчила, надоеда, надоедала, распустёха, вруша, врунишка*. 24. Слова, характеризующие темперамент: *гомоза, непоседа, вертушка, зануда, зудила, зуда, фуфыра, фуфыря, егоза, юла, заводила, торопыга, копуша*. 25. Слова, характеризующие человека по положительным чертам. Разделяем эту группу на следующие: а) людей, любящих трудиться: *тудяга, работяга*; б) людей, много знающих, умных: *умница, многознайка, дока*; в) скромных, добрых людей: *скромница, добряга*; г) людей, имеющих тихий характер: *тихоня*. 26. Слова, обозначающие животных и птиц. Разделяем на следующие подгруппы: а) наименование лошадей и собак по масти: *буланка, савраска, серка, сивка, бурка, воронко, гнедко, карько, белка, каштанка*; б) название коров и птиц по масти и оперению: *бурёна, бурёнка, белянка, пестрянка, пеганка, пеструха*; в) ласковое название кошки: *мурлыка*.

Семантически между всеми этими группами существует тесная связь, так как они характеризуют человека (животное) с той или иной стороны его жизни. Поэтому вполне возможно объединить все эти слова общим заглавием — качества человека (животного).

Т. А. ЮРГАНОВА

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ГАЗЕТНОЙ КОМПОЗИЦИИ

Каждый человек, берущийся за перо, думает: с чего начать? И этот вопрос есть вопрос не о теме, не о содержании, а о форме того, о чем пойдет речь. Это вопрос о композиции. О построении, организации и способе подачи той информации, которой человек хочет с нами поделиться. Трудно спорить с тем, что никакое «богатство живых примеров, злободневных мыслей не даст жизнь газетному материалу, если автор не найдет способа «цементирования» наблюдений, принципа построения публикаций. В публицистике не меньше, чем в иных типах творчества, важно мастерство композиции»¹.

Вопрос о композиции газетных жанров является одним из наименее разработанных. Интерес же к структуре жанра свидетельствует о назревшей потребности осмысления того бурного развития и поиска новых форм и средств воздействия, которые характерны для современного литературного процесса, в том числе и для публицистики. Действенность больших и малых публицистических жанров «в органическом единстве теоретического и образного мышления, в диалектической взаимосвязи и взаимодействии формы и содержания, слова и мысли, мысли и дела, в искусном подборе деталей и фактов, в стройном композиционном построении...»² И здесь возникает вопрос о функциональности газетной композиции — не только как о собственно-формальных различиях в структуре жанров, не только о различии задач, которое в первую очередь определяет различие форм подачи и организации материала, — функциональность газетной композиции — это прежде всего различие «установок на использование тех или иных приемов и средств»³.

Особенность газетной композиции в том, что структура газетных жанров, как и функционирование композиционных узлов, подчинена не только содержательным, мотивированным установкам, но и — это важно! — конструктивным, стилеобразующим установкам газетного языка как языка массовой коммуникации. «Каждый элемент здесь попадает в цепь глобального масштаба, будучи увязан с другим местом и временем, сознательным идейно-тематическим отбором и подбором, пропагандистским и организаторским замыслом, нацеленностью на массовую и недифференцированную аудиторию, оперативностью и процессуальностью, способом передачи»⁴.

Говоря о композиции, многие авторы подчеркивают, что она воплощается «не в отдельных элементах, но в их взаимодействии. Композиция есть сложное, пронизанное многосторонними связями единство компонентов... Все компоненты — как смежные, так и отдаленные друг от друга — находятся во внутренней взаимосвязи и взаимоотражении. И их отношения, и сама их последовательность содержательны...»⁵ Установка на экспрессивность средств и форм выражения присуща газетной композиции, которая не всегда руководствуется мотивировками смыслового, логического порядка, а зачастую диктует, казалось бы, немотивированную, эксцентричную форму подачи материала.

Функциональная природа газетной композиции базируется на семан-

тической основе публицистического стиля, сутью которой является главная функция публицистики — функция воздействия и убеждения.

Анализ любого газетного текста начинается с анализа его структуры, его композиционного построения. Это свидетельствует о необходимости определить хотя бы основные компоненты композиционной структуры жанров газетной полосы. Все элементы композиционной структуры можно разделить по их функции на следующие большие группы:

1. **Группа номинации темы**, в которую входят полоса, шапка, рубрика, надзаголовок, заголовок, «поплавок» (тематика сообщений на полосе). Например: «Физкультура и спорт» (полоса); «Крепи дисциплину труда!», «Верным курсом социализма и мира» (шапка); «Репортаж на первую страницу», «Пятилетка, год завершающий», «Писатель и жизнь» (рубрика); «Ответ получен. Вопрос остался», «Действенность наших выступлений», «К 120-летию со дня рождения А. П. Чехова» (надзаголовок). Эти композиционные элементы (узлы) подтверждают сходство функций еще и тем, что легко заменяют друг друга. Так, шапка, повторяющаяся более чем в одном номере, легко переходит в разряд надзаголовка, полосы, а при дальнейшем повторении — в рубрику (так называемое «комбинированное отклонение», т. е. переходящая из номера в номер серия сообщений на одну тему). Элементы композиции, входящие в группу номинации темы, выполняют в газете функции различного вида связей: предметной (соположение названий статей с заголовком газеты), сопутствующей (резюме статей, помещенных в начале газеты), синтаксической (печатаение статей с разрывом). Элементом с сопутствующей связкой является «поплавок»: «Эффект динамовского метода. О нашем долге сыновнем. Не дошла новинка до конвейера». Главным композиционным узлом этой группы служит заголовок: «Активность депутата», «Весна торопит земледельцев», «Имя на карте», «Дипломы нефтяников».

2. **Группа ввода в тему**, сюда входят подзаголовок, вводка, зачин. Например: «Около тысячи снарядов, оставленных фашистами, вывезено из города Барановичи», «Наши специальные корреспонденты передают», «На письмо школьников о качестве приема в комсомол отвечает первый секретарь обкома ВЛКСМ» (подзаголовок). Он может быть синтаксически самостоятельным или синтаксически связанным: «Заверения в уважении (заголовок) прислали комсомольцы ветерану войны, а он ждал конкретной помощи» (подзаголовок); вводка: «Расскажите, пожалуйста, как впервые появилась первая почтовая марка? Кто стал впервые коллекционировать марки?» (письмо в качестве вводки), «Мировая общественность протестует против попыток правящих кругов США помешать проведению в Москве Олимпийских игр»; зачин: «Кто в детстве не увлекался собиранием монет, марок, спичечных и даже конфетных этикеток...», «Перед вами фотоснимок: поезд Владимира Сухорукова, токаря «Атоммаша», в новую квартиру...»

3. **Группа реализации темы**. Основным композиционным элементом является собственно текст, ядро сообщения, оформление и организация которого зависят от масштаба жанра в целом.

4. **Группа завершения темы**, куда входят композиционные узлы: концовка, газетный эпилог, а также строка, определяющая тип авторизации. Например: «Стоят на постах славы юные часовые — бойцы «Орленка» и «Зарницы». Ведь на них смотрит испытующим взглядом сама история. Продолжается вечный урок — урок доблести, мужества, любви к родине», «Остановить преступные замыслы реакционных кругов США и сказать «да» Московской Олимпиаде — долг каждого здравомыслящего человека» (концовка); «Эти письма поступили одновременно, поэтому и публикуются в одном номере... Ждем письма, предложения, рассказы о том, как развивается эта патриотическая инициатива» (газетный эпилог); без подписи (нулевая авторизация, когда газета берет на себя всю ответственность за информацию); неличная авторизация: «ТАСС», «БЕЛТА», «Спец. корр.»; личная: «В. Песков», «С. Кондрашов», «Т. Тэсс»; групповая: «Студенты 411 группы филологического факультета пединститута Светчаева, Астахова, Фридрих, Кузьмина, Дешева, Котляр».

Композиционные узлы внутри названных групп не являются однородными. В зависимости от их роли в передаче сообщения, они могут быть разделены на внешние и внутренние по отношению к ядру сообщения (тексту) и внутренние, т. е. входящие в ядро сообщения, необходимые для передачи смысла информации. **Внутренние композиционные узлы** являются организующими композиционную структуру жанра. Эти композици-

онные элементы семантически необходимы как организующие, строящие текст сообщения, его семантику. К внутренним композиционным узлам можно отнести такие: заголовок, зачин, текст, концовка. Иными словами, это семантические центры групп, выделенных по их функциональному отношению к теме сообщения. **Внешние композиционные узлы** являются лишь оформляющими, дополнительными элементами жанровой структуры. Они не являются семантически необходимыми, но они необходимы функционально, так как именно они придают газетной композиции эмоциональность, экспрессивность, гибкость. К внешним композиционным узлам можно отнести такие: полоса, «поплавок», рубрика, шапка, надзаголовок, подзаголовок, вводка, газетный эпилог, авторизация. Иными словами, это периферийные по отношению к ядру сообщения элементы композиции. Первые можно определить как функционально-семантические, вторые — как функционально-экспрессивные композиционные элементы газетной композиции. В газетной композиции экспрессивный, оценочный момент при единой функциональной основе с моментом семантическим является особенно важным, обеспечивающим усиленное воздействие. На всех языковых уровнях, а также на уровнях экстралингвистических (газетная графика, газетное оформление, поляризация жанров на полосе, фотопублицистика, рисунок и т. п.) последовательно проявляется взаимодействие функционального и экспрессивного при ведущей роли функционального и дополняющей экспрессивного. Следовательно, основными особенностями газетной композиции являются ее функциональность и экспрессивность. Функциональность газетной композиции определяется как обусловленный функционально набор композиционных элементов («композиционный рисунок»), типичный для жанров данной группы или одного жанра. Экспрессивность актуализирует этот типизированный, стандартный рисунок, внося оформляющими основную композицию элементами новый, оценочный момент, который в целом и придает композиции интенсивность, эмоциональность и образность.

Экспрессивными могут быть как отдельные композиционные элементы, так и композиция в целом. К экспрессивным элементам композиции относится и такое необходимое качество газетного текста, как занимательность. «В. И. Ленин, закладывая основы печати нового типа, не раз высказывался в пользу занимательности... Конечно, остается неотъемлемым главное условие: интересно можно писать только на основе интересной темы, на основе интересного жизненного материала»⁶.

Все газетные жанры хороши, кроме скучного, — можно сказать, перефразируя известную мысль. Поэтому всегда будет актуальной проблема изучения жанров, раскрытия тайн и закономерностей журналистского творчества.

¹ Ученцова В. В. Публицистика и политика. — М., 1973, с. 223.

² Цікоцкі М. Я. У. І. Ленін і пытанні эстэтыкі публіцыстычнага слова. — Мінск, 1968, с. 38.

³ Костомаров В. Г. Русский язык на газетной полосе. — М., 1971, с. 254.

⁴ Там же, с. 258.

⁵ Краткая литературная энциклопедия, т. 3. — М., 1966, с. 694.

⁶ Георгиев Димитр. Режиссура газеты. — М., 1979, с. 186.

В. И. ДУБОВИК

АНТИЧНЫЕ ОБРАЗЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. И. ЛЕНИНА

Античные образы составляют одно из неопределимых достоинств ленинской публицистики. Привлечением аналогий из греко-римской мифологии, из древней истории и литературы они дополняют и углубляют убедительность, а являясь элементами разговорной речи — оживляют изложение, делают его более эмоциональным. Примечательно то, что Ленин не любит ими, не задерживает своего внимания на пышности легенд, не соблазняется патетикой мифов, а подходит к ним с чисто практической меркой, как к средству выражения, пояснения и закрепления своей мысли, почти всегда придавая им злободневно-политический характер.

Это особенно хорошо видно на примерах, связанных с мифическими персонажами. Мифический Нарцисс — красивый юноша, который отвергал женскую любовь, но влюбился в собственное отражение в воде и за-

чах от этой неудовлетворенной любви. У Ленина он — символ самолюбования, самоуверенности, высокомерия. Уподобляются Нарциссу мудрецы-«экономисты», которые с несравненным высокомерием утверждали, будто рабочим кружкам вообще недоступны политические задачи («Что делать?»); теоретики и публицисты социал-демократии, которые, решительно отклоняя партизанскую войну, с гордым самовосхищением повторяли заученные в ранней молодости фразы об анархизме, бланкизме, терроризме («Партизанская война»); Плеханов, за то, что безо всякого основания, с бесподобным самодовольством заявил, будто Штутгартская резолюция о профсоюзах с его поправкой обесценивает резолюцию Лондонскую («Предисловие к брошюре Воинова (А. В. Луначарского) об отношении партии к профессиональным союзам»); один из лидеров немецких профсоюзов Легин, который со снисходительным пренебрежением отнесся к редакторам германских социалистических газет, отметившим, что тот произнес в конгрессе Америки чисто либеральную, буржуазную речь («Чему не следует подражать в немецком рабочем движении»); «левые коммунисты», противники Брестского мира, которые с великолепием влюбленного в самого себя существа изрекали горделивые фразы о войне («О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности»). Так, переведя морально-художественный образ в сферу политики, Ленин воздал должное своим идейным противникам — пустозвонам, трусам, мещанам, обывателям, доктринерам и т. д., сделал критику отрицательных фактов и явлений более яркой и выразительной.

Аналогичные функции выполняют в ленинском тексте образы Юпитера, Кассандры, Януса («Двуликий Янус») и др... Каждый из них используется в связи с какими-либо личностями или событиями действительности и потому служит материалом для обобщений и выводов политического свойства. Почти все эти образы становятся у Ленина источниками новых, оригинальных афоризмов, пословиц, поговорок, крылатых слов.

Особо нужно сказать об использовании Лениным афоризмов древних народов, античных изречений, поговорок и пословиц, а также крылатых выражений более позднего происхождения. В сжатой образной форме они конденсируют в себе глубокие обобщающие мысли народов, накопленные историческим опытом многих поколений, и потому имеют большое художественно-познавательное и воспитательное значение. Среди них преобладают латинские изречения. Берутся они часто из высказываний выдающихся общественных деятелей, из литературных источников, но, применяясь для оценки современной политической жизни и глашатаев реакционных идей, эти афоризмы обретают острый сатирический заряд, пропитываются едкой иронией и сарказмом. Это и реплика римского императора Тита «Я потерял понапрасну день, друзья!», которую он, по свидетельству историка Светония, повторял всякий день, когда не успевал совершить доброго дела. Ею Ленин в фельетоне «Люди с того света» низводит на степень ничтожества значение заседания Учредительного собрания 5 января 1918 года. Это и популярное изречение римского историка Ливия «Ты умеешь побеждать, но не умеешь пользоваться победой!» («Пролетариат борется, буржуазия крадется к власти»). Это и известные стихи римского поэта Горация «Басня говорит про тебя, изменено только имя» («Эсеровские меньшевики»). Это и мудрое высказывание древнеримского оратора и политического деятеля Цицерона «Ошибаться свойственно всякому человеку, но настаивать на ошибке свойственно только глупцу» («О г. Горском и об одной латинской пословице»). Это и яростное восклицание «Пусть свершится правосудие, хотя бы погиб мир!». бывшее девизом императора «Священной Римской империи» Фердинанда II («Пролетарская революция и ренегат Каутский»). Это и некоторые другие изречения, взятые из античной мифологии, литературы и истории, которые стали в наше время пословицами и поговорками.

К подобным афоризмам-изречениям непосредственно примыкают латинские пословицы и поговорки в строгом смысле слова. Это и широко распространенная пословица «я даю с тем, чтобы ты дал». Ленин употребляет ее неоднократно. В статье «Встреча друзей» эта пословица используется для оценки соглашения между вождем земской партии кадетом Головиным и министром внутренних дел Дурново по вопросу о земском съезде, в брошюре «Победа кадетов и задачи рабочей партии» — для критического отзыва о Плеханове, который способствовал тому, что кадеты во время выборов в I Государственную думу получали рабочие голоса. Это и глубокомысленная пословица «когда двое делают одно и

то же, то это уже не есть то же». В заметке «По поводу одной статьи в органе Бунда» эта поговорка используется для меткой характеристики так называемых различий в блокировках бундовцев и меньшевиков с кадетами при выборах во II Государственную думу. Это и знаменитая поговорка «что позволено Юпитеру, то не позволено быку» («Что такое «друзья народа»...?»). Это и упоминаемая древнегреческим ученым Диогеном Лаэртским поговорка «умершего не порицать» («О демонстрации по поводу смерти Муромцева»). Это и популярное восклицание «О, святая простота!, приписываемое Яну Гусу, который произнес его на костре инквизиции, заметив, как одна набожная старушка подложила в этот костер свое полено («Что такое «друзья народа»...?», «Развитие капитализма в России», «Что делать?»).

Ленин использует различные методы внедрения иноязычных афоризмов в свой текст. Чаще всего они употребляются вместе с русским переводом, а иногда — только в русском переводе и лишь изредка — только на языке подлинника. Нередко перевод бывает «вольным», «примерным», как его называет Ленин, — по сходству в существе. При необходимости Ленин практикует и многократный, синонимический перевод афоризма. Например, в статье «Распушенная дума и растерянные либералы» он так растолковывает восклицание героя одной из басен Эзопа — «Здесь Родос, здесь прыгай!» — «...hic Rhodus, hic salta» (латинское изречение, которое значит буквально: «здесь Родос, здесь пляши», то есть здесь главное, здесь суть, здесь доказывай, здесь борись») ¹.

Отдельные иноязычные афоризмы органично входят в ленинский стиль как его неотъемлемые компоненты. В заметке «Среди газет и журналов» он, обыгрывая напутствие, данное легендарной матерью-спартанкой сыну, уходящему на войну, — вернуться «со щитом или на щите» — едко высмеивает решения кадетских съездов. «Что партийные съезды весьма одобрили тактику: «иль со щитом, иль на щите», «смерть со славой, или смерть со срамом», — это верно. Но тактика кадетов не на съездах, а на деле — пахнет чем-то другим? Таким же путем укореняется и выражение (в русском переводе) «отложить до греческих календ», принадлежащее, по свидетельству Светония, римскому императору Августу и означающее провал дела, неосуществимость его, так как календы были только у римлян, а в греческом календаре их вовсе не было. В статье «Пролетариат борется, буржуазия крадется к власти», например, оно связано с громким заявлением либерала Струве о том, что условия для вмешательства армии в политическую борьбу появятся лишь тогда, когда самодержавная монархия столкнется с организованной в народном представительстве нацией. «Эта мирная идиллия, — сравнивает Владимир Ильич, — очень похожа на откладывание революции до греческих календ» ³.

Войдя в состав ленинской фразы, латинские и греческие крылатые слова нередко обретают и новое содержание. Так произошло, к примеру, с латинским изречением «разделяй и властвуй», ставшим девизом империалистов, проводящих циничную политику уступок и репрессий по отношению к угнетенным нациям. Посредством этой политической формулы Ленин в статье «Гонители земства и Аннибалы либерализма» разоблачает вредные теории о мнимом «смирении» самодержавного буржуазного правительства:

«В политике нет места смирению, и только безграничная простота (и святая и лукавая простота) может принимать за смирение исконный полицейский прием: *divide et impera*, разделяй и властвуй, уступи неважное, чтобы сохранить существенное, дай левой рукой и отними правой» ⁴.

Вошло в русскую фразеологию и изречение из трагедии римского философа и писателя Сенеки (младшего) «Медея» «кому преступление выгодно, тот совершил его». В статье «Беседа о «кадетстве» этот афоризм оказался особенно удачным для того, чтобы припереть к стенке ликвидаторов:

«Не в их добрых намерениях (у кого есть таковые) дело, а в объективном значении их политики, т. е. в том, что из нее выходит, *сui* она *prodest*, кому полезна, какую мельницу на деле эта вода вертит» ⁵.

А в статье «Кому выгодно?» это изречение приходится как нельзя кстати для того, чтобы вскрыть истинный облик «патреотов», капиталистов «цивилизованных» государств Европы, которые в шовинистическом

угаре, но под прикрытием громких фраз о родине, патриотизме, защите культуры осуществляли бешеную гонку вооружений, готовили войну:

«Есть такое латинское изречение «*сui prodest*» (кому продэст), — «кому выгодно?». Когда не сразу видно, какие политические или социальные группы, силы, величины отстаивают известные предложения, меры и т. п., следует всегда ставить вопрос: «Кому выгодно?»... В политике не так важно, *кто* отстаивает непосредственно известные взгляды. Важно то, *кому* выгодны эти взгляды, эти предложения, эти меры»⁶, — пишет Ленин и на цифровом и фактическом материале доказывает, кто именно заинтересован в раздувании шовинизма, болтовне о патриотизме, культуре и т. д.

Обычно пословицу, поговорку или крылатое выражение сопровождает разъяснение, привязка к контексту. Например, в статье «Защита нейтралитета», касаясь позиций швейцарских социал-патриотов и социалистов по отношению к первой мировой войне, Ленин характеризует их словами Цицерона «Каждому свое», которые тут же комментирует⁷. Но пояснение может и предшествовать афоризму. Например, в статье «О статистике стачек в России» этими же цicerоновскими словами Ленин заканчивает сопоставление либеральной и марксистской точек зрения на сильные и слабые стороны русских стачек⁸.

Допускает Ленин и прием переосмысления античного афоризма в духе современности, исходя из новых требований и задач, жизненных позиций, но придерживаясь содержания подлинника. Так, в статье «Политический кризис и провал оппортунистической тактики» Ленин старую латинскую пословицу «судьба ведет того, кто хочет идти, и тащит того, кто не хочет», дошедшую до нас от философа Сенеки, переделывает в новую, русскую: «сознательный политик идет впереди событий, несознательного они волокут за собой»⁹ — и адресует ее меньшевикам, выступавшим против участия социал-демократов во Временном революционном правительстве. В статье «К итогам думской сессии», вскрывая псевдodemократическую сущность кадетских речей в Государственной думе, которые используются для обмана народа, а кое у кого из народных низов эта словесная игра в демократизм «пробуждает искреннюю и глубокую демократическую мысль», Ленин дополняет латинскую пословицу «написанное не пропадает» по существу новой: «И сказанное не всегда пропадает, даже если оно только ради фразы и эффекта сказано»¹⁰. Поэтому истинность слов надо верить делами.

Перефразируя отдельные изречения, В. И. Ленин создавал на их основе крылатые выражения огромной художественной и политической силы. Самым ярким из них можно считать перефразировку знаменитых слов Архимеда «дайте мне точку опоры, и я поверну земной шар (сдвину землю)», использованную для заключительного аккорда книги «Что делать?»: «... дайте нам организацию революционеров — и мы перевернем Россию!»¹¹

Итак, как уже говорилось, многие античные афоризмы естественно «вписались» в ленинский стиль в качестве его существенного элемента и здесь, будучи поставлены в определенную синтаксическую связь, засияли самыми неожиданными красками, неповторимой экспрессией. Стилистическое мастерство В. И. Ленина в использовании фразеологических богатств других народов остается для всех пишущих недосыгаемым образцом.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 330.

² Там же, т. 13, с. 285—286.

³ Там же, т. 11, с. 153.

⁴ Там же, т. 5, с. 62.

⁵ Там же, т. 22, с. 65.

⁶ Там же, т. 23, с. 61.

⁷ См.: Там же, т. 30, с. 338.

⁸ См.: Там же, т. 19, с. 402.

⁹ Там же, т. 13, с. 362.

¹⁰ Там же, т. 20, с. 276.

¹¹ Там же, т. 6, с. 127.

ПРОПАГАНДА РЕШЕНИЙ III СЪЕЗДА РСДРП В ЛИСТОВКАХ БОЛЬШЕВИКОВ БЕЛОРУССИИ 1905 ГОДА

Большевики Белоруссии пришли к первой русской революции уже имея некоторый опыт в издании и распространении нелегальной печатной агитационной литературы. Созданные по инициативе В. И. Ленина в начале 1904 года на территории Северо-Западного края два крупных партийных центра — Северо-Западный и Полесский комитеты РСДРП — успешно вели печатную агитацию. Они имели свои подпольные типографии, в которых печатали небольшие брошюры, отдельные номера газет и главным образом листовки. За 1905 год белорусскими большевиками было выпущено свыше 120 наименований листовок общим тиражом более 200 тыс. экземпляров.

В решениях III съезда РСДРП (апрель 1905) нашло отражение ленинское учение о гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции. И в своих листовках большевики Белоруссии в первую очередь отстаивали, популяризировали ленинское учение о гегемонии пролетариата в революции. «Дело освобождения страны — наше рабочее дело, — читаем в листовке «Ко всем рабочим и работницам города Минска». — Рабочий класс, закалившийся в борьбе со своекорыстием и произволом хозяев-фабрикантов, может и должен стать во главе освобождающегося народа, может и должен первый пойти на борьбу с хозяином Русской земли, со всем его подлым племенем, со всеми его чиновными приказчиками-министрами, губернаторами и прочей мундирной сволочью. Рабочий класс может и должен свергнуть самодержавный строй, может и должен стать сам своим собственным хозяином»¹.

Белорусские большевики вели большую работу по классовому воспитанию рабочих, привитию им марксистского мировоззрения, сплочению вокруг Российской социал-демократической рабочей партии. Публикуя в печати материалы о каторжных условиях труда дореволюционного белорусского рабочего, они вскрывали корни капиталистической эксплуатации. «Дело в том, — говорится в листовке Копысской организации РСДРП, — что теперь все машины, все фабрики и заводы, все земли принадлежат не всему народу, а только богачам-капиталистам. У нас же, кроме рабочей силы, ничего нету, и мы вынуждены продавать силу свою капиталистам. А они пользуются нашим тяжелым положением и заставляют нас работать через силу, а платят нам самую низкую плату — словом, за бесценок покупают нас как товар и выжимают из нас все до последней капли крови»².

Для борьбы с самодержавием большевики призывали рабочих «объединиться со всеми рабочими и ремесленниками всяких цехов и занятий без различия вероисповедания»³. Рабочие должны выступить как единый класс, и каждый должен осознать себя членом этого класса. «Каждый из вас, — писали они, — должен чувствовать, что он сын одной рабочей семьи, что все рабочие — такие же труженики, как и он, что каждый в отдельности не сделает ничего, а вместе — всё»⁴. Рассказывая рабочим о задачах и целях партии, большевики звали их в ряды РСДРП. «Рабочий класс, — объясняли они, — должен соорганизоваться в свою рабочую партию, должен иметь своих собственных вождей и свое знамя»⁵.

Большую работу провели большевики и по созданию союза пролетариата и крестьянства. В 1905 году, особенно после III съезда партии, члены Полесского комитета, Горецкой организации, Полоцкой группы РСДРП и другие начали выпускать специальные листовки для крестьян, в которых они разъясняли аграрные требования социал-демократии, убеждали крестьянина быть союзником рабочего класса в революционной борьбе, призывали создавать революционные крестьянские комитеты, рассказывали о социализме, демократической республике и т. д.

Активно поддерживая выступления крестьян против помещиков и царских чиновников, большевики старались придать им политический характер. «Темнота мужика, — учил В. И. Ленин, — выражается прежде всего в непонимании политической стороны движения — в непонимании, например, того, что без коренных демократических преобразований во всем политическом строе всего государства совершенно невозможны никакие прочные шаги по пути расширения землевладения»⁶. Именно поэтому в большевистской агитации среди крестьян большое внимание

уделялось развенчиванию образа царя. Авторы листовок стремились развить веками формировавшееся в крестьянском сознании представление о царе как «помазаннике божьем, народном спасителе и благодетеле» и показать, что царь — это «самый крупный помещик, самый крупный фабрикант и самый крупный чиновник во всей России» и он не хочет и никогда не согласится урезать права помещикам, уменьшить налоги или ввести другие законы, облегчающие жизнь трудового люда, потому что ему самому «пришлось бы от этого пострадать больше всех помещиков»⁷.

Большинство этих листовок заканчивается призывом к крестьянам «соединиться с рабочими под знаменем Российской социал-демократической рабочей партии».

После III съезда большевики Белоруссии усилили агитацию в войсках. Особенно она возросла к осени 1905 года. Большевики призывали солдат перейти на сторону народа, отказываться стрелять в рабочих и крестьян, предъявлять требования своим начальникам, рассказывали о героической борьбе восставших рабочих, о революционных выступлениях солдат и матросов, о борьбе крестьян. Большевистские листовки подчеркивали кровное родство солдат с простыми рабочими и крестьянами, показывали, как антагонизм классов проявляется в казармах. «Когда мы были вольными, — читаем в листовке Минской группы РСДРП, — с нас драли шкуру помещики и капиталисты-заводчики. От дворянских завидущих глаз, от купеческих загребущих рук не убереглись мы и попавши сюда, в казарму. Следом за нами пришли сюда проклятые. Одели в офицерские мундиры своих сынков и отдали им нас, терзать наше тело и выматывать душу. На воле мы были для них рабочим скотом. Здесь стали пушечным мясом»⁸. Знакомя солдат с требованиями социал-демократов, листовки призывали их присоединиться к борьбе рабочих. «К рабочим, солдат! Рука с рукой и мысль одна! Один генеральный бой, один последний напор — и нет оков, народ свободен»⁹.

В бурные годы первой русской революции большевики Белоруссии проводили большую агитационную работу среди учащейся молодежи. Листки к учащимся и от имени учащихся в 1905 году издавали члены Минской и Бобруйской групп, Гомельской организации РСДРП и многие другие. Интересным явлением было издание собственных листовок организацией учащихся при Минской группе РСДРП. Их авторы пропагандировали ленинское учение о гегемонии пролетариата в революции, о союзе рабочего класса и крестьянства. Главная цель, главная мысль этих листовок — вовлечь молодежь в революционную борьбу, убедить ее встать в ряды РСДРП.

Для практического осуществления идеи гегемонии пролетариата в революции нужно было разоблачить ограниченность оппозиционных требований либеральной буржуазии, раскрыть антиреволюционный характер ее выступлений. III съезд РСДРП принял специальную резолюцию «Об отношении к либералам». Перед партийными организациями была поставлена задача разъяснять массам антиреволюционный характер всех попыток либеральной буржуазии взять в свои руки рабочее движение и выступать от имени пролетариата.

Специальными листовками откликнулись большевики Минска и Витебска на торжественный прием, оказанный Николаем II депутатам помещиков и богатых горожан в июне 1905 года. Листовки напомнили, что десять лет назад тех же депутатов царь обозвал «дураками», охарактеризовал их речи, как «бессмысленное мечтание». Почему же на этот раз Николай II ласково принял их и даже обнадежил обещаниями, да и сами помещики и капиталисты были гораздо смелее? «За своей спиной, — разъясняют листовки, — они чувствовали грозную силу рабочего класса и буйный гнев доведенного до ярости и отчаяния крестьянства». Разоблачая предательство либералов, большевики писали: «Нам не нужно, для нас позорно «единение» между нами и царем, — убийцей наших братьев. Предоставим это единение господам капиталистам. Между нами и самодержавием трупы героев-рабочих, павших за свободу родного края»¹⁰.

В изданиях большевиков Белоруссии последовательно разоблачаются действия царского правительства, направленные на подавление революции. Местным рабочим разъясняются истинные цели Шидловской комиссии, Булыгинской думы, Манифеста 17 Октября. Выдвигая лозунг «Долой самодержавие!», большевики вскрывали классовую сущность проводимой царем политики, лживость царских «милостей». Они старались показать рабочим, крестьянам, солдатам нити, связывавшие царя

с помещиками, капиталистами, офицерами, разъясняли рабочим, что царь и его правительство «всегда держит сторону хозяев, всегда охраняет капиталистов-эксплуататоров».

III съезд партии указал массам единственный путь к свержению царизма и завоеванию республики — путь перехода от массовых политических стачек к вооруженному восстанию. Выполняя решение съезда, большевики Белоруссии в своих листовках отводили много места пропаганде стачек как важнейшего средства борьбы пролетариата. Они рекомендовали: «При малейшей попытке ухудшить наше положение, при малейшем посягательстве вырвать у нас кусок черного хлеба, который мы получаем в награду за то, что даем нашим благодетелям возможность наслаждаться всеми благами жизни, мы должны бастовать и до тех пор не братья за работу, пока волки не уступят и оставят в покое наших последних крох. Помните об этом, товарищи, и будьте наготове»¹¹.

Большевики указывали на огромное воспитательное, организующее значение стачки, поскольку в ней рабочие «действуют совместно и научаются вести свое дело сообща, соединенными силами». Они разъясняли, что забастовка будет успешной только в том случае, если фабриканты почувствуют, что «имеют дело с объединенной рабочей массой», и чем выше будет степень организованности и сплоченности рабочих, тем быстрее добьются они победы.

Призыв к вооруженному восстанию, вооружению зазвучал в листовках некоторых организаций РСДРП в Белоруссии уже в январские дни. После III съезда белорусские большевики значительно усилили пропаганду этого лозунга, причем к вооруженному выступлению они призывали уже не только рабочих, но и крестьян, солдат. Используя самые разные приемы, большевики убедительно доказывали своим читателям, что вести борьбу с царизмом можно и нужно только с оружием в руках, подчеркивали, что «самодержавная царская банда» не «способна даром уступить требованиям народа»¹².

Важное тактическое значение имел также рассмотренный съездом вопрос о временном революционном правительстве. Надо сказать, что в своей печати большевики Белоруссии недостаточно говорили о временном революционном правительстве, не раскрывая и не объясняя этого понятия, не указывая на его роль и задачи. Зато нет, пожалуй, ни одного листка, в котором не стоял бы лозунг «Да здравствует Учредительное собрание!» Этот лозунг в то время был, по определению В. И. Ленина, самый «ходячий, общепризнанный». Однако «сам по себе, отдельно взятый», он в тот момент был лозунгом монархической буржуазии, лозунгом «сделки между буржуазией и царским правительством». «Лозунгом революционной борьбы, — убеждает Владимир Ильич, — может быть лишь свержение царского правительства и замена его временным революционным правительством, которое должно создать всенародное учредительное собрание»¹³.

В листовках большевиков Белоруссии требование созыва Учредительного собрания неразрывно связано с требованием уничтожения самодержавия. В них подробно объясняется, что Учредительное собрание можно создать, только уничтожив самодержавие. Большевики вскрывают бессилие и призрачность тех государственных учреждений, дум, комиссий, которые создавались с благословения самодержца.

Таким образом, анализ листовки литературы большевиков Белоруссии 1905 года показывает, что им удалось развернуть широкую пропаганду важнейших решений III съезда РСДРП среди населения Северо-Западного края.

¹ ЦГАОР, колл. нелег. изд., инв. № 4723.

² Фонд архивного хранения библиотеки ИМЛ при ЦК КПСС. ЦЛ I/53, 1905.

³ ЦГАОР, колл. нелег. изд., инв. № 4134.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 357.

⁷ Фонд архивного хранения библиотеки ИМЛ при ЦК КПСС. Ц/20974.

⁸ ЦГАОР, колл. нелег. изд., инв. № 4724.

⁹ Там же, инв. № 11992.

¹⁰ Фонд архивного хранения библиотеки ИМЛ при ЦК КПСС. Ц/20979.

¹¹ Листовки большевистских организаций в первой русской революции.— М., 1956, с. 1, с. 836.

¹² ЦГАОР, колл. нелег. изд., инв. № 35241.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 276.

М. С. МЯЦЕЛЬСКИ

НАРОДНАЕ НАСТАЎНІЦТВА БЕЛАРУСІ У ПЕРЫЯД РЭВАЛЮЦЫІ 1905—1907 ГАДОЎ

Цесна звязаныя з народам сваім паходжаннем і сацыяльным становішчам перадавыя народныя настаўнікі Беларусі ўспрынялі рэвалюцыю 1905—1907 гадоў з энтузіязмам і самі сталі яе актыўнымі ўдзельнікамі. Як паведамлялі мясцовыя ўлады, настаўнікі распаўсюджвалі ў народзе нелегальную літаратуру, аказвалі «шкодны ўплыў на навакольнае цёмнае сялянскае насельніцтва». За «падбухторванне да хваляванняў», «супрацьуродавыя дзеянні» у Гродзенскай губерні было зняволена 13 настаўнікаў, у беларускіх паветах Віленскай і Ковенскай губерняў—27, у Мінскай губерні—4, у тым ліку і Я. Колас (Канстанцін Міцкевіч). Сотні настаўнікаў былі звольнены, пераведзены ў іншыя паветы¹.

Шмат настаўнікаў было звязана з сацыял-дэмакратычнымі арганізацыямі, дзейнічала пад іх кіраўніцтвам, выконвала іх заданні. Зразумела, яны былі прыхільнікамі ідэй партыі і ў галіне народнай асветы, звязвалі дэмакратызацыю школьнай справы з перамогай рэвалюцыі. Так, нелегальны з'езд народных настаўнікаў, які адбыўся 9 ліпеня 1906 года, заявіў: «Паколькі сапраўды дэмакратычную перабудову школьнай справы немагчыма ажыццявіць ва ўмовах сучаснага ладу, група (з'езд—М. М.) бліжэйшай сваёй мэтай паставіла актыўна імкнуцца да звяржэння яго шляхам непасрэднага ўплыву на сялян, арганізацыі іх»². Гэтага погляду прытрымлівалася і нелегальнае «Часовае бюро Мінскай групы настаўнікаў», якое было створана для правядзення падрыхтоўчай работы па скліканню ў канцы 1906 года з'езда настаўнікаў Мінскай губерні. У звароце «Да ўсіх настаўнікаў і настаўніц народных, царкоўнапрыходскіх і іншых вучылішч» бюро заклікала іх да згуртавання, бо толькі аб'яднанае настаўніцтва можа стаць тою сілаю, з якой «будуць лічыцца нашы ворагі і ворагі нашай справы»³.

Патрабаванні перадавой часткі народнага настаўніцтва па перабудове школьнай справы выказаны ў шэрагу дакументаў. Найбольш важнымі з іх з'яўляюцца матэрыялы аб нелегальных з'ездах народных настаўнікаў. У студзені 1906 года па ініцыятыве настаўніцы А. Палітаевай адбыўся з'езд настаўнікаў беларускіх валасцей Свяцянскага павету Віленскай губерні, які абмеркаваў «матэрыяльнае і прававое становішча народнага настаўніка, адносіны яго да вясковага насельніцтва, стан вучэбна-выхаваўчай справы ў настаўніцкай семінары і ў народнай школе». У сувязі з абмежаванасцю колькасці ўдзельнікаў сход не лічыў сябе выразнікам агульнай думкі настаўнікаў ніжэйшай школы, а таму не прыняў ніякіх рэзалюцый, акрамя агульных пажаданняў паляпшэння становішча школы і настаўніка.

Праведзены 25 мая 1907 года ў Вільні з'езд абвясціў аб стварэнні Беларускага настаўніцкага саюзу і прапанаваў у якасці яго задач «1) перабудову справы народнай асветы на шырокіх свабодных дэмакратычных асновах для карысці народа, каб узняць яго грамадзянскую самасвядомасць; 2) уводзіць у школе навучанне на роднай мове; 3) дабівацца незалежнасці школы і настаўніка ад рознага начальства, а для гэ-

тага выбіраць свае камітэты, якія і павінны сачыць за працай настаўніка ў школе»⁴.

Рабіліся спробы правесці з'езды народных настаўнікаў ва ўсіх губернях Беларусі. У Магілёўскай губерні ў кастрычніку 1905 года спрабавала склікаць з'езд праўленне таварыства ўзаемадапамогі настаўнікам. На з'езд выносіліся пытанні аб стварэнні саюзу настаўнікаў пачатковай школы, аб яго праграме і мэтах, а таксама «аб садзейнічання настаўнікаў свядомым адносім насельніцтва ў маючых адбыцца выбарах у Дзяржаўную думу». Дырэктар народных вучылішчаў губерні забараніў настаўнікам з'яўляцца і на гэты, і на іншыя з'езды, «калі яны склікаюцца без згоды кіраўнікоў народна-вучэбнай справы ў губерні для мэт, пабочных гэтай справе»⁵. Ён, відаць, баяўся, што з'езд можа ператварыцца ў трыбуну для выкрывца палітыкі самадзяржаўя ў справе народнай асветы і (што было асабліва небяспечна) у трыбуну прапаганды бальшавіцкага байкоту выбараў у думу.

У Гродзенскай губерні ў лістападзе 1905 года былі праведзены павятовыя сходы з мэтай падрыхтаваць і правесці ў снежні агульны губерньскі з'езд, на які выносіліся пытанні аб павелічэнні зарплаты народным настаўнікам, аб пенсіях, пераўтварэнні аднакласных школ у двухкласныя з чатырохгадовым навучаннем. Дырэктар народных вучылішчаў прасіў папячыцеля Вленскай вучэбнай акругі дазволіць з'езд, бо ў выпадку яго правядзення без удзелу начальства «кіруючую ролю... возьмуць на сябе прадстаўнікі крайніх палітычных партый»⁶. Але дазволу папячыцель не даў.

Мінскі дырэктар народных вучылішчаў 27 снежня 1905 года прасіў губернатара не дапусціць правядзення з'езда настаўнікаў пачатковых школ Мінскага павета, удзельнікам якога ўжо былі разасланы запрашэнні. Аб арганізатарам і парадку дня з'езда ў перапісцы паміж дырэктарам і губернатарам нічога не гаварыцца. Дырэктар толькі пісаў, што лічыць з'езд «вельмі непажаданым і шкодным па сваіх выніках». Паліцыя не дапусціла правядзення назначанага на 23 снежня 1905 з'езда настаўнікаў Мінскага павета, ініцыятарам якога «быў Сабалеўскі—адзін з паслядоўных прыхільнікаў сацыял-дэмакратыі».

Мікалаеўшчынскі з'езд, адным з арганізатараў якога быў Я. Колас, растлумачыў у звароце «Таварышы настаўнікі», што галоўнай мэтай народнага настаўніцтва з'яўляецца барацьба за звяржэнне самадзяржаўя, адклаў выпрацоўку праграмы канкрэтнай перабудовы школьнай справы да наступнага з'езду⁷.

Часовае бюро Мінскай групы настаўнікаў у сваім «Звароце» абвясціла аб далучэнні да статута Усерасійскага настаўніцкага саюзу і аб скліканні ў час паміж 25 снежня 1906 года—6 студзеня 1907 года з'езду настаўнікаў Мінскай губерні і прапанавала мясцовым групам абмеркаваць «усе пытанні, што ўзнікаюць у настаўнікаў і цікавяць іх, і патрэбы як усяго настаўніцтва, так і свае мясцовыя, а таксама шляхі паляпшэння становішча школы і настаўніка», прыбыць на з'езд з выпрацаванымі на месцах рэзалюцыямі па гэтых пытаннях⁸.

Удзельнікі праведзеных і арганізатары не дазволенах уладамі з'ездаў, як відаць з указаных дакументаў, змагаліся за вырашэнне дзвюх вострых праблем: паляпшэння становішча настаўнікаў і перабудовы школы. Адносіны ўсяго народнага настаўніцтва да стану пачатковай адукацыі выразна адлюстравала Часовае бюро Мінскай групы настаўнікаў: «Хто не ведае сумнага становішча нашай пачатковай школы?» На наш погляд, у паняцце «сумнае становішча» бюро ўключала ўсе вынікі ўрадавага «клопату» аб пачатковай школе: жахлівую беднасць яе матэрыяльнай базы, недапушчальную малалікасць школьнай сеткі, перакладванне расходаў на ўтрыманню школ на насельніцтва, адсутнасць сувязі са школамі вышэйшых разрадаў і г. д. Аднак з'езды не лічылі сябе дастаткова прадстаўнічымі, каб выступаць з праграмай пераўтварэнняў ад імя ўсяго настаўніцтва. Таму Мікалаеўшчынскі з'езд адклаў выпрацоўку канкрэтных праабаванняў да наступнага, больш прадстаўнічага. Часовае бюро планавала правесці на месцах па ўсіх пытаннях пачатковай адукацыі шырокія папярэднія абмеркаванні, якія дадуць магчымасць усяму настаўніцтву ўдзельнічаць у выпрацоўцы патрабаванняў на з'ездзе.

Аб поглядах народных настаўнікаў на пытанні перабудовы школы сведчаць і шматлікія іх выступленні ў друку ў большасці (па меркаваннях бяспекі) ананімныя. Так, газета «Витебские губернские ведомости» на працягу 1905—1907 гадоў на сваіх старонках змясціла шэраг пісем аб

«абураючай беднасці» настаўнікаў і самавольстве «мясцовых заправіл» у адносінах да іх, што выклікае ўцёкі апошніх са школ, «паралізуе справу пачатковай народнай адукацыі»; аб поўнай непрыгоднасці школьных будынкаў, нястачы падручнікаў, пісьмовых прылад і іншых вучэбных дапаможнікаў для работы з вучнямі, у выніку чаго ў навучанні немагчымы ніякія сучасныя дыдактычныя метады; аб вострай нястачы і такіх школ (адна царкоўнапрыходская школа на воласц); аб неадкладнай патрэбе павышэння «узроўню разумовага развіцця народа» шляхам ажыццяўлення ўсеагульнага навучання і фактычным процідзеянні ўрада яму. «На ўсё ў Расіі хапае сродкаў, — пісаў адзін з ананімных карэспандэнтаў-настаўнікаў, — але толькі не на народную асвету, не на падрыхтоўку настаўнікаў»⁹. Аб беднасці народных настаўнікаў, неабходнасці павелічэння ім зарплаты і вызвалення іх ад зняважлівых сялянскіх «ссыпак» публікавалі матэрыялы «Гродненские губернские ведомости», «Северо-Западный край», «Наша доля», «Наша ніва» і іншыя перыядычныя выданні. Характэрным у гэтых адносінах з'яўляецца артыкул у часопісе «Народное образование в Виленском учебном округе». Настаўнік пісаў: «Поўная занябанасць, паўжабрацкае, паўгалоднае існаванне. Спёртае паветра ў выніку цеснаты школьных памяшканняў, шматлікасць вучняў, халодныя і сырыя кватэры. Цяжкае грамадскае і прававое становішча, калі ўсякі можа насварыцца на настаўніка... узвесці на яго ўсялякія абвінавачанні. Умовы цяжкай, непасільнай працы, якая выціскае з яго ўсе сокі, усе сілы, расхітвае нервовую сістэму... Адсюль зразумела, чаму многія настаўнікі так часта хварэюць. Знясіленне, малакроўе, сухоты, нервовае парушэнне, вочныя і іншыя хваробы з'яўляюцца неадлучным спадарожнікам настаўніка»¹⁰.

Перадавая частка народнага настаўніцтва ўдзельнічала ў рэвалюцыйным руху, змагалася за перабудову школьнай справы і пасля рэвалюцыі 1905—1907 гадоў, нягледзячы на ўзмацненне ганенняў і рэпрэсій. Напрыклад, за рэвалюцыйную работу сярод сялян у кастрычніку 1908 года праследаваліся настаўнікі Бабыніцкага і Коханаўскага народных вучылішчаў А. Кістмач і Н. Гоман. На працягу 1908—1911 гадоў перадавыя настаўнікі спрабавалі арганізоўваць свае выданні з мэтай кансалідацыі настаўніцкіх сіл. Так, у сакавіку 1908 года выйшаў у свет зборнік групы настаўнікаў Віцебскай губерні «Голос учителя», у 1909—зборнік «Белорусский учитель», за 1910—1911 гады—некалькі нумароў часопіса народных настаўнікаў Магілёўшчыны «Белорусский учительский вестник».

Названыя выданні рэзка асуджалі афіцыйную палітыку ў народнай асвеце, у выніку якой 75% дзяцей школьнага ўзросту «застаецца непісьменнымі... З прынятых у школу дзяцей заканчвае яе толькі 10—15%. Але і гэтыя 10—15% не адукоўваюцца, а адурманьваюцца безсэнсавай зуброўкай, рэжымам муштры і прыгнёту. На ўроках імкнуцца выхоўваць у дзяцей пачуцці рэлігійнага і нацыянальнага антаганізму... Артыкулы (падручнікаў па чытанню—М. М.)... састаўлены вельмі тэндэнтска і так скажаюць сутнасць рэчаў, што карыстацца імі ў навучанні—гэта значыць несці народу пумы, каб аблытаць думкі і ўкараняць у розум дзяцей павагу да таго, што стагоддзямі прыгнятала іх продкаў і падтрымлівала цемнату»¹¹.

Часопісы абвінавачвалі ўрад за цяжкія ўмовы жыцця народнага настаўніка, за сістэму зняважлівага нагляду за ім, поўную яго безабаронасць перад самавольствам адміністрацыйных і вучэбных улад. У рэдакцыйных артыкулах выказваліся і пагляды іх арганізатараў на пытанні перабудовы школ. Галоўнай мэтай яны ставілі «увядзенне ўсеагульнага навучання і карэнную перабудову пачатковай школы». «Неабходна, — заклікаў часопіс «Голос учителя», — устанавіць адзіны тып школы, школы свабоднай, свецкай, падведамаснай органам грамадскага самакіравання»¹². «Белорусский учитель» і «Голос учителя» лічылі, што рашаючай сілай у барацьбе за свабодную школу з'яўляецца народ. І няма больш важнай задачы ў настаўніка, чым асветніцкая работа сярод народа, абуджэнне яго класовай свядомасці. Настаўнік «выканаў свой абавязак, растлумачваючы народу сапраўдны сэнс тагачасных падзей». Ва ўмовах, калі «набыткі народнага руху гэтых гадоў адно за другім аднімаюцца», настаўнік абавязаны дапамагчы народу аб'яднацца, усвядоміць сваю сілу, вызваліцца ад «векавечнай глухаты і слепаты»¹³. Усе гэтыя выданні былі закрыты ў сувязі з іх антыўрадавай пазіцыяй.

Разгледжаныя матэрыялы сведчаць, што перадавое настаўніцтва Бе-

ларусі ў гады першай рускай рэвалюцыі актыўна ўдзельнічала ў барацьбе за перабудову школьнай справы ў інтарэсах народных мас. Той факт, што яно абмяжоўвала сваю дзейнасць толькі праблемамі пачатковай школы, не зніжае важнасці яго ўкладу ў гэтую барацьбу. Пачатковая школа ў той час фактычна была адзінай даступнай працоўным школай, і вырашэнне яе праблем мела першараднае значэнне для пашырэння асветы ў народзе.

¹ ЦГДА Літ. ССР, ф. 567, воп. 12, спр. 7597, л. 4—6, 12, 58, 99—100, 151; ЦГДА БССР, ф. 458, воп. 1, спр. 235, л. 69—70.

² ЦГДА БССР, ф. 458, воп. 1, спр. 342, л. 40—68.

³ ЦГДА Літ. ССР, ф. 567, воп. 12, спр. 10361; л. 2.

⁴ Из истории школы Белоруссии и Литвы.— М., 1964, с. 148.

⁵ ЦГДА БССР, ф. 2254, воп. 2, спр. 406, л. 51—52.

⁶ ЦГДА Літ. ССР, ф. 567, воп. 29, спр. 161, л. 1—2.

⁷ ЦГДА БССР, ф. 458, воп. 1, л. 48—60.

⁸ ЦГДА Літ. ССР, ф. 567, воп. 12, спр. 10361, л. 2.

⁹ ЦГДА БССР, ф. 1416, воп. 6, спр. 759, л. 426—429; спр. 775, л. 304—308; спр. 849, л. 143—146; спр. 882, л. 886—889.

¹⁰ Народное образование в Виленском учебном округе.— Вильно, 1907, № 7—8, с. 277.

¹¹ Белорусский учительский вестник.— Могилев, 1910, № 4, с. 6; Голос учителя.— Витебск, 1908, сб. 1, с. 18—19.

¹² Голос учителя, с. 3—5.

¹³ Белорусский учитель.— СПб., 1909, с. 6; Голос учителя, с. 4, 8, 10—13.

ГАЛЕВ АЛЬ-ТАМИМИ

МЕСТО ТЕРМИНОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ АРАБОВ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Неуклонно ускоряющийся научно-технический прогресс влечет за собой рост потока информации. Усиление международных контактов и непрерывно расширяющийся обмен информацией приводит к лексическому взаимодействию языков, поэтому увеличение количества терминов в одном из них не может проходить изолированно от других. В последнее время заметно активизировалось воздействие русской научно-технической терминологии на терминологию других языков. Знание русской терминологии и языка «открывает доступ к 75—80% информации, существующей в мире»¹.

Возрастающий интерес к русской художественной и научной литературе, интерес к Советской стране в целом, большой авторитет ее на международной арене вызывает желание у миллионов людей разных стран овладеть русским языком. Так, в Багдадском университете (Ирак) широко развернута работа по совершенствованию методики преподавания русского языка и усвоения его терминологии. Данная статья содержит некоторые рекомендации, касающиеся усвоения русской терминологии арабской аудиторией.

Русский язык, как правило, с трудом усваивается арабами. Поэтому, чтобы иметь положительный эффект в преподавании его, необходимо прежде всего объединить учащихся в соответствии с избранной ими профессией, а затем каждое из таких объединений разделить на небольшие группы, примерно по 10—15 человек. Это позволит провести четкий и обоснованный отбор терминов, являющихся наиболее ценными и обязательными для усвоения обучающимися той или иной группы.

Для более эффективного обучения русскому языку предлагается использовать отрывки художественного текста, содержащего необходимые термины. Это будет способствовать более быстрому усвоению учащимися не только общепотребительной лексики, но и терминов. Вместе с тем это повысит уровень языковой подготовки учащихся, познакомит их с современной художественной литературой, а через нее с жизнью, работой, с лучшими чертами советских людей: целеустремленностью, трудолюбием, внутренним благородством и т. д. Одновременно эти отрывки могут использоваться и на занятиях по грамматике. Использование их даст преподавателю возможность активизировать в речи учащихся рус-

ские грамматические формы, изучать строение предложения в русском языке. Это поможет осуществить важнейший принцип в обучении русскому языку студентов-иностранцев, заключающийся в теснейшей связи грамматики с развитием речи.

Художественной литературе принадлежит немаловажная роль в популяризации терминологии. Примером может служить творчество Д. Гранина. Отрывки из его произведений, насыщенные терминами, можно использовать в обучении студентов различных групп. Важно лишь умело подобрать и рационально определить число необходимых терминов в общем объеме предлагаемого лексического материала. Например, следующий отрывок целесообразно дать в группе будущих физиков: Агатов работал у своего *аппарата*.— Все *капае*,— приветствовал его Тулин.— Помнишь, Сережа, мы еще студентами *капали* на этом же *приборе*. Господи, сколько уже диссертаций тут *накапано*! — Не переставая говорить, он легонько отстранил Агатова, наклонился к *объективу*, повертел *регулировочный винт*.— *Пластины-то* выгоднее поставить круглые. Легче *скомпенсировать*. А еще лучше *эллиптические*, тогда наверняка можно присобачить *регистратор*.— Он и понятия не имел, что мимоходом выдал Агатову идею, над которой тот бился больше месяца².

В группе будущих стажеров советских заводов желательно проанализировать текст иного характера: Шли последние дни *квартиры*, *сборщики* гнали *аппаратуру* на *сдачу*, и вдруг Крылов *зabraковал* всю *серию штанг*. Ни на какие уговоры он не поддавался. Пришлось на ночь вызвать *слесарей*; и Крылову предложили тоже остаться на ночь принимать *штанги* по мере их доводки. Он отказался. *Мастер* устроил ему разнос перед лицом *бригады слесарей*, пришел *начальник ОТК* и тоже принялся стыдить его — борьба за *план*, героические усилия *коллектива*, честь завода, подвиги комсомольцев... Завод переживал неприятности с *приводами* новой *серии* специальных *контакторов*. При *испытании чужунные каретки* разбивались. *Каретка* *скользила* по *дуговым направляющим*, и поломка происходила, когда *скорость* достигала *рабочей*. Проходя по *цеху*, Крылов *наскочил* на *главного конструктора* Гатеняна, чуть не проткнув его большим *разметочным циркулем*... (с. 105—107).

Тем, кто выбрал своей профессией энергетику, большую пользу принесет такой кусок текста: *Лаборатория* — две комнаты, двое научных работников, третий сам Аникеев. Крылов работает у него. *Лаборатория* исследует *процессы электризации*. За целый день произносится несколько фраз. *Замеры, подсчеты, снова замеры*... Так изо дня в день, недели, месяцы. Хорошо! Никто не мешает думать. *Приборы, мерцающие экраны осциллографов*, мерное постукивание *вакуумного насоса*. Чуть поглубже *вакуум*, теперь добавим *газа*. *Разряд. Замерим*. Введем в *схему детектор*. Не подходит. Надо его приспособить. *Замеры, подсчеты*. Сережа, выясните погрешности. *Замеры, подсчеты*. Откуда *скачок*? Повторите. *Замеры*. Снова *скачок*. Странно. Вероятно, где-то *наводка*. Все проверить, *закранировать, компенсировать*. Опять *скачок*. Откуда он берется? Почему такой *скачок* именно при этой *концентрации*? (с. 122).

Объяснение значений терминов в приведенных выше отрывках, комментирование их преподавателем подготовит учащихся к серьезной и вдумчивой работе над научными текстами. Обучающимся предлагается вначале усвоить лишь терминологический минимум, который облегчит восприятие материала учебных пособий и послужит основой для дальнейшего накопления знаний в области терминологии.

Для эффективного обучения русской терминологии необходимо не только совершенствование методического мастерства, но и всестороннее знание самим преподавателем своеобразия русской научной речи.

¹ Филин Ф. П. Насущная потребность нашего времени.— Русская речь, 1979, № 4, с. 5.

² Гранин Д. Иду на грозу.— Л., 1976, с. 36—37. Далее ссылки на это издание даются в тексте.

КУРАТОР АКАДЕМИЧЕСКОЙ ГРУППЫ КАК ВОСПИТАТЕЛЬ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

В Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем развитии высшей школы и повышении качества подготовки специалистов» (июль 1979) ¹ наряду с развернутой программой мер по улучшению работы высшей школы особое внимание уделяется воспитанию у студенческой молодежи идейной убежденности, высоких моральных качеств, патриотизма, готовности к беззаветному служению Родине, народу.

Выполнение этих важных задач коммунистического воспитания во многом зависит и от деятельности куратора группы. Его роль как воспитателя и организатора, руководителя и вдохновителя студенческой молодежи зависит и от глубины теоретической, научной профессиональной подготовки, и от того, как он владеет научными методами ведения партийной пропаганды, искусством политического просвещения и убеждения. Ленинские указания — «Уметь безошибочно определить по любому вопросу, в любой момент настроение массы, ее действительные потребности, стремления, мысли, уметь определить без тени фальшивой идеализации и степень ее сознательности, и силу влияния тех или иных предрассудков и пережитков старины» ² — являются основой идеологической работы куратора, в которой он должен руководствоваться научными принципами классовости и партийности, строго соблюдать конкретно-исторический подход к общественным явлениям и процессам, крепить связь воспитания с практикой коммунистического строительства. Все это позволит формировать у студентов коммунистическое мировоззрение, высокие моральные качества, способность вскрывать подлинную сущность антинаучных буржуазных, оппортунистических и иных враждебных теорий. Научный подход к подготовке и проведению различных видов воспитательной деятельности позволяет куратору определять цели и задачи воспитания, находить оптимальные методы и формы проведения, объединять студентов в дружный и целеустремленный коллектив.

Сложность и многоплановость этих задач состоит в том, что коммунистическое воспитание студентов в вузе осуществляется в учебном процессе и в комплексе внеучебных мероприятий. Кроме того, студенты в воспитательном процессе выступают не только объектами, пассивно воспринимающими воспитательные воздействия, но и субъектами, творчески активными, самостоятельными его участниками. Именно поэтому создание в студенческом коллективе отношений деловой взаимосвязи, ответственности, контроля, взаимопомощи, руководства, подчинения и требовательности являются основными условиями эффективного осуществления процесса коммунистического воспитания.

Как показало исследование, типичная ошибка многих кураторов заключается в том, что их заботы ограничиваются лишь работой с активом группы. В итоге это приводит к подмене воспитательных задач задачами чисто просветительными. Успех же работы куратора во многом зависит от умения устанавливать контакты со всеми студентами. В основе психологически правильных контактов лежат взаимная доброжелательность, доверие, спокойные отношения, допускающие дружеский спор, полемику, но исключающие навязчивость и фамильярность.

Важнейшими условиями повышения уровня взаимной контактности куратора и студентов являются способность куратора понимать личность студента, его психическое состояние, умение определять тактику и стратегию общения как с группой в целом, так и с отдельными студентами. Следует при этом отметить, что тот или иной уровень совместимости влияет на взаимоотношения внутри студенческого коллектива. Студенты считают, что человек, назначенный куратором, не должен превращать встречи со студентами в пустую говорильню, вызывать раздражение своим присутствием на собраниях, проявлять интерес только к успеваемости и учебным занятиям. Опыт работы показывает и то, что коллектив становится инструментом воспитания личности только тогда, когда в нем создаются условия для подлинной самостоятельности и самоуправления, а процесс воспитания приобретает характер коллективного самовоспитания.

Исследование подтвердило, что студенты понимают сложность и многообразие воспитательной деятельности куратора группы и с глубоким уважением характеризуют лучших из них. Вот некоторые отзывы: «С ку-

ратором мне повезло, — пишет один из студентов, — нашего куратора отличает отзывчивость (поразительная), доброта, способность быть другом студентов. Он всегда готов помочь, объяснить, обратиться к нему можно в любое время и с любым вопросом — и никогда не получишь отказа». Или: «Куратор знает свой предмет и, по-моему, знает все. По какому бы вопросу к нему ни обратился, он всегда даст ответ. Прост по отношению к студентам, доброжелателен». «Нашего куратора отличает принципиальность, твердость характера, творческое отношение к своим обязанностям, увлеченность всем, чем занимается». Следует сказать, что наиболее высоко оцениваются студентами такие качества, как деловитость, широкий кругозор, человечность, отзывчивость, готовность оказать помощь. Не менее важны и требовательность, доброжелательность, внимательное отношение к студентам, сердечность. Для студентов настоящий куратор — это человек, который с радостью (а не только по обязанности) делится своими знаниями, искренен в отношении со студентами и заинтересован в их судьбе, умеет увлечь общественно-полезной деятельностью. Именно такой куратор становится старшим другом студентов и оказывает активное воспитательное воздействие собственной личностью.

Рассматривая вопрос влияния куратора на формирование ответственного отношения студентов к учебе, следует сказать, что эта работа более успешно осуществляется, если основывается на чувстве взрослой ответственности и внутренней убежденности студента, на его самосознании, самовоспитании и воле. На вопрос «Оказывает ли куратор содействие в формировании ответственного отношения к учебе?» из 485 студентов 5 курса математического, биологического, географического, химического, исторического и физического факультетов БГУ имени В. И. Ленина положительный ответ дали только 35%, частично положительный — 45, отрицательный — 20%. Такая информация настораживает и свидетельствует о серьезных недостатках в работе некоторых кураторов. Кроме того, наблюдения за деятельностью кураторов позволили выявить следующую закономерность: чем активнее сами студенты вырабатывают предложения по улучшению отношения к учебе, тем больше они стремятся к сотрудничеству со своим куратором.

Нам представляется важным при воспитании будущих специалистов учитывать огромные возможности, таящиеся в раскрытии поведения студентов в учебном процессе. Умелое использование этих явлений, закономерностей, механизмов и факторов формирования личности студента, дает куратору возможность принимать более объективные педагогические решения сложных проблем воспитания будущих специалистов. Важной стороной в воспитательной работе куратора является подготовка студентов к преодолению профессиональных трудностей, привитие умения самостоятельно пополнять знания, ориентироваться в научно-технической информации. Поэтому куратор должен уметь ставить перед студентами теоретические и практические исследовательские задачи, обогащая их фонд знаний новыми фактами. Следует обратить внимание и на условия, стимулирующие систематическую самостоятельную работу: организация установочной информации для студентов по содержанию работы, разработка и доведение до каждого студента системы вопросов, фронтальных заданий, тематика докладов, рефератов и т. д. Здесь важно индивидуализировать самостоятельную деятельность с учетом интересов студента. Наиболее распространенными формами работы куратора по формированию у студентов ответственного отношения к учебе являются: совместный с преподавателем (куратором) научный труд; участие студентов в научной работе кафедр; участие в обсуждении научных идей, будущего науки, ее общественного значения и последствий открытий того или иного ученого; встречи со знатными людьми, передовиками производства.

В процессе работы куратору необходимо учитывать и то, что студент воспитывается не только под воздействием непосредственного влияния идеальных целей педагога, но и тех обнаруживающихся в ходе учебной, трудовой и общественной деятельности реальных взаимодействий между преподавателем и студентом, которые в своей совокупности образуют поток целостных педагогических средств, значение и эффективность которых непрерывно изменяются.

Активная самостоятельная деятельность студентов соответствует высоким требованиям педагогического руководства. На вопрос «Необходима ли деятельность куратора на старших курсах вуза?» 65% студентов пятых курсов дали утвердительный ответ. Однако некоторая часть студентов

(25%) утверждала, что на старших курсах педагогическое руководство якобы ослабляется, так как уже выработались навыки самовоспитания. Такие взгляды требуют критической оценки, ибо они могут способствовать самотеку в воспитании студентов.

На основе изложенного мы можем утверждать, что успехи творческого сотрудничества куратора со студентами находятся в прямой зависимости от его умения правильно устанавливать контакты с ними. Педагогическое руководство необходимо как на младших курсах, когда студенты адаптируются в коллективе, привыкают к особенностям университетской жизни, требованиям к учебе, так и на старших курсах, когда воспитательная работа куратора связана с такими процессами, как быстрое накопление конкретных знаний, специализация, углубление профессиональных интересов, включение в научно-исследовательскую работу, совершенствование идейно-политического, нравственного, трудового, научно-атеистического, эстетического и физического воспитания. В связи с этим в процессе работы куратора с группой создается обстановка высокой требовательности, сознательной дисциплины и ответственности за порученное дело. Своим бескорыстным, кропотливым творческим трудом куратор содействует воспитанию специалиста, способного активно участвовать в решении задач научно-технического, социального и культурного прогресса периода строительства коммунизма.

¹ См.: Коммунист, 1979, № 11.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 348.

Л. Н. ДИЧКОВСКАЯ, В. И. ОВЧАРЕНКО

К ВОПРОСУ О ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ СТРУКТУРЫ ЛИЧНОСТИ

Одной из важнейших в современном человековедении является проблема личности. Многообразные и разноуровневые исследования данной проблемы являются полем острейшей идеологической борьбы.

В советской психологии, философии и социологии получила всестороннюю разработку диалектико-материалистическая теория личности. К актуальным проблемам теории относится создание моделей структуры личности и изучение возможностей использования этих моделей в общественной жизнедеятельности.

В силу этого обстоятельства значительный интерес приобретает критический анализ концепций структуры личности, получивших распространение в системе современного социального знания. В западной психологии к наиболее влиятельным относится психоаналитическая концепция З. Фрейда, которая зачастую используется в качестве своеобразной альтернативы диалектико-материалистической интерпретации личности и ее структуры.

Господствующее положение психоаналитической концепции структуры личности среди немарксистских и антимарксистских теорий в значительной мере определяется сложностью личностной проблематики и наличием в данной концепции отдельных позитивных элементов, спекулируя которыми буржуазные идеологи приписывают несвойственную этой доктрине научную значимость. Представляется целесообразным подвергнуть критическому анализу концепцию структуры личности З. Фрейда и новейших постфрейдистских теорий на основе сложившейся в советской психологии традиции оценки различных сторон психоаналитического учения.

По концепции З. Фрейда, личность человека может быть представлена в виде трех взаимодействующих пространственно соотнесенных подструктур: верхняя подструктура — «Сверх-Я», ниже — более существенная подструктура «Я» и еще ниже наиболее существенная подструктура — «Оно».

Главенствующая сфера личности («Оно») представляется Фрейдом местом бессознательных, иррациональных реакций и импульсов, биологических по природе и психобиологических по проявлению. «Оно» — это неорганизованная сама в себе подструктура личности, которая по отношению к другим ее частям все же выступает в качестве единой психологической силы, поскольку все ее внешние проявления регулируются и контролируются единым принципом — принципом удовольствия. «Оно» яв-

ляется источником психической энергии (которая проявляется в желаниях и влечениях) и поставщиком ее для других сфер личности. Фрейд утверждал, что именно в «Оно» происходит борьба безличных, сексуально окрашенных сил жизни (Эрос) с влечением к смерти (Танатос), в решающей мере обуславливающая сущность личности и поведение человека¹. Таким образом, «Оно» предстает как комплекс неосознаваемых инстинктивных побуждений, влечений и желаний, который образует движущие силы личности и является вмещителем почти всех процессов биопсихической деятельности человека.

Вторая сфера личности («Я») рассматривается Фрейдом то как особая дифференцированная часть «Оно», то как представитель организованной части «Оно» и олицетворяется им с разумом и рассудочностью. Но, подчеркивая связь «Я» с сознанием, Фрейд тут же утверждает, что часть этой сферы личности «без всякого сомнения бессознательна»². «Я» предстает как организованное начало личности, руководствующееся принципом реальности. Эта сфера, по мнению Фрейда, в какой-то мере контролирует слепые силы «Оно» и приводит их в известное соответствие с требованиями природы и общества. В этом контексте «Я» может быть понято как представитель внешнего мира в личности.

Третьей сферой личности, как полагал Фрейд, является «Сверх-Я» («Идеал-Я»; «Я-Идеал»), которая выражает самое мощное движение «Оно». Образование и эволюция этой подструктуры, по его мнению, были обусловлены возникновением страха, раскаяния и чувства вины. Фрейд отмечает, что «Сверх-Я» возникает на основе «Я» и может быть понято как продукт культуры, продукт социально-бытовых традиций, складывающихся из комплекса совести, моральных черт и норм поведения, которые контролируют действия «Я» и предписывают ему образцы подражания и деятельности³. В этой связи «Сверх-Я» может быть понято как своеобразная моральная цензура, ставшая неотъемлемым компонентом структуры личности. Фрейд считает, что «Сверх-Я» соответствует требованиям, предъявляемым к высшему началу человека, и указывает, что одной из важнейших особенностей данной сферы является то, что она представляет собой основу социальных чувств⁴.

Таким образом, психоаналитическая концепция структуры личности утверждает ее трехкомпонентность, складывающуюся из основных подструктур «Оно» — «Я» — «Сверх-Я», или иными словами, из трех начал: безличного, личного и сверхличного, которые находятся в постоянном функциональном взаимовлиянии и взаимодействии⁵. Считая, что все, что биологически и исторически закрепилось в «Оно», неизбежно отражается в «Я», Фрейд полагает, что «Оно» не в состоянии пережить или испытать внешнюю судьбу иначе как посредством «Я», которое замещает для него внешний мир. В этой связи «Я» рассматривается им одновременно и как господин и как агент «Оно», поскольку их взаимоотношения характеризуются стремлением «Я» путем подавления влечений господствовать над «Оно» и, в то же время, снимать конфликт с ним, назревающий в процессе подавления данных влечений.

Стремления «Оно» и «Я» изначально противоречивы. В то время как «Оно» стремится достичь удовольствия и избежать неудовольствия, «Я» стремится к самосохранению и пользе. Но даже пытаясь избежать конфликта с «Оно», «Я», будучи для него эрзацем внешней реальности, вынуждено навязывать «Оно» принцип реальности, вопреки принципу удовольствия. Однако, как считает Фрейд, частичная замена принципа удовольствия принципом реальности при взаимодействии «Оно» и «Я» не уничтожает принцип удовольствия, а только скрывает его⁶. Наметившись в «Оно» возбуждение под воздействием «Я» удастся «приостановить или отклонить»⁷. Неудовлетворенность возбужденного в «Оно» влечения, как результат противодействия «Я» (а иногда «Сверх-Я»), зачастую является основой происхождения симптоматических расстройств деятельности личности⁸. В этой связи в психоанализе как психотерапевтическом методе Фрейд видит орудие, которое дает «Я» возможность постепенно овладеть «Оно», ибо считает полный, а не частичный, контроль «Я» над «Оно» внутренней нормой оптимального соотношения данных сфер личности⁹.

В общих чертах взаимоотношения «Оно» и «Я» описываются Фрейдом следующим образом: «Большое функциональное значение «Я» выражается в том, что при нормальных условиях ему предоставлена власть над побуждением к движению. По отношению к «Оно» «Я» подобно всаднику,

который должен обуздать превосходящую силу лошади, с той только разницей, что всадник пытается совершить это собственными силами, «Я» же силами заимствованными. Это сравнение может быть продолжено. Как всаднику, если он не хочет расстаться с лошастью, часто остается только вести ее туда, куда ей хочется, так и «Я» превращает обыкновенно волю «Оно» в действие, как будто бы это было его собственной волей»¹⁰.

Становление личности в филогенезе и онтогенезе характеризуется Фрейдом как выделение «Я» из «не Я» («Оно»). Развитие самого же «Я» совершается от восприятия влечений к господству над влечениями, от послушания влечениям к обузданию их»¹¹. В этом процессе важную роль играет внешний жизненный опыт, который обогащает «Я».

Таким образом, «Я» выступает как организованное начало личности, основной функцией которого является приведение поведения личности в соответствие с условиями внешнего мира. Но хотя «Я» и господствует над побуждениями к движению, его власть над ними скорее формальная, нежели реальная. Фрейд считает, что «по отношению к поступкам «Я» как бы занимает положение конституционного монарха, без санкции которого не может быть введен ни один закон, но который должен весьма основательно взвесить обстоятельства, прежде чем наложить свое вето на тот или иной законопроект парламента»¹². Подобное положение Фрейд объясняет, тем, что находящееся в усложнении у «трех господ» (т. е. у внешнего мира, «Оно» и «Сверх-Я») «Я» вынуждено учитывать требования внутренних и внешних раздражителей, имеющих преимущественно сексуальную окраску. В борьбе с противоречивыми требованиями своих господ «Я» выработало своеобразные защитные механизмы, обеспечивающие его существование, место и роль в структуре личности¹³.

Указывая, что «Сверх-Я» представляет в личности мораль, совесть и образцы поведения, Фрейд подчеркивал, что эта подструктура представляет собой критическую инстанцию, которая в нормальном состоянии противопоставляет себе «Я» и находится с ним в постоянном конфликте, острота проявления которого может увеличиваться или уменьшаться¹⁴. При совпадении «чего-нибудь» между «Я» и «Сверх-Я» личность испытывает ощущение триумфа, при разногласии — чувство вины, малоценности, угрызения совести. Конфликт между «Я» и «Сверх-Я» в конечном счете отражает противоречие реального и психического, внутреннего и внешнего миров, поскольку «Я» выступает в личности как представитель реальности. Именно в этой связи Фрейд и утверждает, что чем больше «Я» усваивает агрессивность «Оно», тем более повышается агрессивность «Сверх-Я» против «Я». Следовательно, в функциональном плане «Сверх-Я», помимо всего прочего, осуществляет заинтересованное посредничество между «Я» и «Оно».

Таково, в общих чертах, содержание психоаналитической концепции структуры личности. Естественно, что корректный критический анализ предполагает выявление ее сильных и слабых сторон. К отдельным позитивным идеям концепции можно отнести мысли о структурированности и динамичности личности, о внутриличностном конфликте и существовании «защитных механизмов», указание на связь личностных подструктур с системами психики и признание влияния культуры на развитие личности. Правда, в работах самого Фрейда эти идеи не получили должного теоретического и экспериментального обоснования. Но с точки зрения современной диалектико-материалистической интерпретации проблем личности, несмотря на отдельные интересные идеи, психоаналитическое учение в целом базируется на спекулятивных основаниях, часть которых отвергается даже его последователями (напр., «комплекс Эдипа», «комплекс кастрации» и т. д.). Создание и развитие учения осуществлялось на основе ряда эмпирических и теоретических предпосылок, которые далеко не всегда адекватно отражали реальную действительность. Частичное осознание этого обстоятельства и стремление избежать противоречий с результатами наблюдений и общетеоретическими построениями вынуждали Фрейда постоянно вводить различные дополнительные гипотезы, часть которых оказалась столь же недоказуема, сколь и неопровержима.

Фрейд создал целостную концепцию личностной структуры, используя избыточное количество произвольных допущений, которые без должных процедур обоснования и доказательства принимались в качестве истинных положений. Поэтому психоаналитическая концепция структуры личности оказалась насыщенной различного рода ненаучными и мифологическими построениями, наиболее ярким образцом которых, пожалуй, является ги-

гипотеза о возникновении и дифференциации личности человека под воздействием первобытного катаклизма, связанного с конфликтом, инцестом, убийством, каннибализмом, чувствами вины и страха, которые принимались также в качестве пусковых механизмов культуры и цивилизации. Симптоматично, что гипотеза происхождения личности, культуры и цивилизации была создана на столь шатких основаниях, что сам Фрейд был вынужден квалифицировать ее как «научный миф». В действительности же она является просто мифологической трактовкой фантастической ситуации.

Ныне даже сторонники психоаналитической концепции структуры личности не принимают безоговорочно значительную часть ее предпосылок и выводов. Они справедливо критикуют данную концепцию за переоценку места и роли инстинктов, комплексов и сексуальности в формировании личности и ее поведения. Анализ содержания фрейдовской интерпретации личности показывает, что эта модель не обладает отчетливо выраженным личностным началом, которое должно быть ее ядром, а представляет собой скорее некую гипотетическую схему абстрактного человека, чем структурированную модель личности. Серьезным недостатком анализируемой концепции является деформация соотношений биологического и психического, психического и социального, выразившаяся в необоснованной биологизации психического и психологизации социального.

Итак, психоаналитическая концепция структуры личности представляет собой скорее определенную совокупность вопросов, нежели ответов на них. В силу этого необходимость диалектико-материалистической разработки этих проблем особенно актуальна.

¹ См.: Фрейд З. Я и Оно.— Л., 1924, с. 47, 62.

² Там же, с. 12—13, 19—20, 22—23.

³ См.: Быховский Б. Э. Метапсихология Фрейда.— Минск, 1926, с. 95.

⁴ См.: Фрейд З. Указ. соч., с. 35—36.

⁵ См.: Хюбшер А. Мыслители нашего времени (62 портрета).— М., 1962, с. 153.

⁶ См.: Фрейд З. Формулировка двух принципов психического процесса.— Психотерапия, 1912, № 3, с. 159.

⁷ Фрейд З. Страх.— М., 1927, с. 9.

⁸ Там же, с. 8.

⁹ Фрейд З. Я и Оно, с. 58.

¹⁰ Там же, с. 22.

¹¹ Там же, с. 58.

¹² Фрейд З. Страх, с. 70.

¹³ См.: Овчаренко В. И. О некоторых возможностях развития концепции «защитных механизмов» личности.— В сб.: Педагогические аспекты социальной психологии.— Минск, 1978, с. 37—39.

¹⁴ См.: Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я».— М., 1925, с. 53—54.

Рэцэнзіі

М. Г. Булахов. **Евфимий Федорович Карский: Жизнь, научная и общественная деятельность.** / Под ред. акад. АН СССР В. И. Борковского.—Минск: Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1981.—272 с.

Огромное творческое наследие и сама подвижническая жизнь славного сына белорусского народа Е. Ф. Карского еще нуждаются в дальнейшем изучении и описании. Значительным достижением в этом направлении следует считать недавно изданную книгу М. Г. Булахова. Она является первым посвященным Е. Ф. Карскому монографическим исследованием, в котором подробно, с учетом новейших данных, прослежен жизненный и творческий путь ученого, на широком историческом фоне проанализированы все его лингвистические работы, правильно определен внесенный им вклад в науку о славянских языках.

Е. Ф. Карский активно работал в различных областях филологической науки. И каждую из этих областей он обогатил работами непреходящей значимости. Рассмотрение их в монографии ведется по таким направлениям, как славистика, палеография, русистика, украинистика и белорусистика, которым посвящены специальные разделы.

«Славянистической деятельности Е. Ф. Карского,—отмечает М. Г. Булахов в разделе «Е. Ф. Карский как языковед-славист»,—присуща очень важная черта, которая характеризует вообще все научное творчество ученого,—это стремление к объективной оценке достижений других славистов и поиск новых решений, способствующих дальнейшему развитию науки о древних и современных славянских языках» (с. 34). Правильность этого тезиса убедительно подтверждается анализом многих работ Е. Ф. Карского по славистике: «Особенности письма и языка Мстислава евангелия» (1895), «Надпись Самуила 993 г.» (1899), «Листки Ундольского, отрывок кирилловского евангелия XI века. Фототипическое воспроизведение текста и исследование письма и языка» (1904), «Грамматика древнего церковнославянского языка сравнительно с русским (Курс средних учебных заведений)» (1888; 19 изд.,

1917), «Лекции по грамматике древнего церковнославянского языка, читанные студентам-славистам 1—2 курсов имп. Варшавского университета в 1915—16 акад. году» (1916), статьи о жизни и деятельности известных славистов, многочисленные отзывы о их работах.

Фактическим продолжением этого раздела в монографии является раздел «Е. Ф. Карский как славист-палеограф». Палеографией ученый занимался на протяжении всего своего творческого пути, причем, как подчеркивает М. Г. Булахов, «не только в связи с необходимостью решения частных вопросов этой науки, но и в связи с общими проблемами развития славянской письменности, истории славянских языков и литератур» (с. 71). Наблюдения над происхождением, видоизменением и распространением славянской письменности Е. Ф. Карский изложил в книгах «Из лекций по славяно-русской палеографии» (1897), «Образцы славянского кирилловского письма с X по XVIII в.» (1901; изд. 3, 1912), «Очерк славянской кирилловской палеографии» (1901), который в переработанном виде был переиздан в 1928 и 1979 годах под названием «Славянская кирилловская палеография», а также в статьях и рецензиях. Все эти работы проанализированы очень глубоко.

В своей исследовательской деятельности Е. Ф. Карский уделял большое внимание русскому языку, занимаясь изучением прошлого и современного его состояния, письменной и устной его разновидностей. Так, историческому анализу явлений морфологии и словообразования ученый посвятил работы «О суффиксах в русских словах типа *теленки, Васенька, рученька, беленький*» (1887), «Русские наречия *домой, долуй*» (1895), исторической морфологии и фонетике — «История русского языка. Лекции, читанные в 1912/13 акад. году студентам имп. Варшавского университета...» (1913), языку письменных памятников — «Из синтаксических наблюдений над языком Лаврентьевского списка летописи» (1928), «Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи» (1929), «Русская Правда по древнейшему списку. Введение, текст, снимки, объяснения,

указатели авторов и словарного состава» (1930), истории русского литературного языка — «Главнейшие течения в русском литературном языке» (1893), «О влиянии поэтической деятельности А. С. Пушкина на развитие русского литературного языка» (1899), «Значение Н. В. Гоголя в истории русского литературного языка» (1909), «Значение М. В. Ломоносова в развитии русского литературного языка» (1911), русской диалектологии — «К вопросу о разграничении русских наречий» (1905), «К вопросу о народном говоре Брянского уезда Орловской губернии» (1905), «Русская диалектология. Очерк литературного русского произношения и народной речи великорусской (южновеликорусских и северновеликорусских говоров), белорусской и малорусской (украинского языка)» (1924), истории науки о русском языке — «Очерк научной разработки русского языка в пределах СССР» (1926). Эти и другие работы рассмотрены в разделе «Исследования Е. Ф. Карского по русскому языку».

Объектом научных интересов Е. Ф. Карского был также украинский язык. Факты этого языка, указывает М. Г. Булахов, ученый использовал «в самых различных целях: для характеристики звуковых, грамматических и лексических различий между тремя восточнославянскими языками, для освещения языковой общности русского, украинского и белорусского народов, для составления лингвистических и этнографических карт, для определения принадлежности украинцам или белорусам письменных памятников, для ознакомления филологов с содержанием работ по украинистике и т. д.» (с. 168). Рассмотрению исследований этого цикла в монографии посвящен раздел «Вопросы украинского языкознания в трудах Е. Ф. Карского».

Самым большим в монографии является раздел, посвященный работам Е. Ф. Карского по белорусскому языку. И это вполне закономерно. Ведь Е. Ф. Карский по праву считается основателем белорусской филологии вообще и всех отраслей белорусского языкознания нового времени, в частности. Даже сегодня поражает творческий размах ученого. Он сумел дать всестороннее описание словарного состава, звукового строя и грамматической системы белорусского языка в историческом развитии. Это стало возможным только благодаря кропотливому изучению многочисленных письменных памятников и живых народных говоров во всем их разнообразии, что потребовало титанических усилий. В монографии подробно анализируются разнообразные исследования Е. Ф. Карского как по истории белорусского языка, так и по современному белорусскому языку: «Обзор звуков и форм белорусской речи» (1886), «Два памятника старого западнорусского наречия: Лютеранский катехизис 1562 г. и Католический катехизис 1585 г.» (1893), «К истории звуков и форм белорусской речи» (1893), «Западнорусские переводы псалтири в XV—XVII веках» (1896), «Заметки по белорусским говорам» (1901), «О некоторых

особенностях белорусского языка» (1905) и другие. Особенно большое внимание уделено рассмотрению лингвистических выпусков главного труда Е. Ф. Карского — «Белорусы», в котором ученый, обобщив результаты всех своих предыдущих наблюдений над белорусским языком, создал целостную и убедительную панораму состояния и функционирования его письменной и устной разновидностей с XIV по XX столетия.

Логическим завершением монографии являются два библиографических приложения: список литературы о Е. Ф. Карском, насчитывающий 86 названий, и список его главных языковедческих работ. Познавательную ценность имеют помещенные в книге портреты учителей Е. Ф. Карского по Нежинскому историко-филологическому институту (профессоров Р. Ф. Брандта и М. И. Соколова), снимки тех учебных заведений, где Е. Ф. Карский учился и работал, а также фотокопии обложек наиболее значительных его научных изданий.

Монография М. Г. Булахова, как отмечает в предисловии ее редактор академик АН СССР В. И. Борковский, «написана с любовью и с прекрасным знанием огромного научного наследия знаменитого филолога-слависта академика Евфимия Федоровича Карского и представляет несомненный интерес для широкого круга читателей» (с. 5). С этой высокой оценкой монографии согласится каждый, кто с нею познакомится.

И. К. Германович.

Е. И. Янович. **Наречие в истории русского языка: Генезис и функционирование основных морфологических типов производных наречий.** — Минск: Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1978. — 144 с.

Динамическое переплетение диахронического и статического в морфологической структуре наречий выдвигает на первый план исследование генезиса наречий на функциональной основе. Именно таким актуальным исследованием является монография Е. И. Янович «Наречие в истории русского языка. Генезис и функционирование основных морфологических типов производных наречий».

Понимая неточность традиционной универсальной трактовки происхождения наречий и односторонность некоторых новых интерпретаций данной проблемы, Е. И. Янович поставила задачу комплексного изучения морфологических, лексических и синтаксических условий возникновения наречных слов в истории русского языка. Одновременно в работе обнаруживается и индивидуальный подход к истории каждого наречия. Фиксация морфологических вариантов наречия, его синонимов и синонимических замещений не является самоцелью. Все это подчинено задаче определения истоков первообразных наречий и их отграничения от вторичных образований.

В результате автор пришел к закономерному выводу о генетической неоднородности данной части речи. Е. И. Янович указывает три фактора, определяющие формирование морфологических типов наречий.

Во-первых, это процесс морфолого-синтаксической переориентации и последующего лексического обособления именных словоформ, а также в определенных случаях предшествующий этому процесс лексико-семантической конденсации атрибутивно-именных словосочетаний. Е. И. Янович пишет: «...чтобы говорить о возникновении наречий по той или иной модели, необходимо объяснить возникновение самих моделей. Сделать это невозможно, если отказаться от развития традиционной концепции становления наречий на базе словоформ и от сопоставления их структуры с грамматическими конструкциями» (с. 7). Автор находит в памятниках примеры, убедительно доказывающие возможность морфолого-синтаксической и лексико-синтаксической мотивированности первичной семантики производных наречий, которые составят в дальнейшем «ядро» складывающегося морфологического типа наречий. Кроме текстуальных подтверждений фактов адвербиализации Е. И. Янович использует, на наш взгляд, вполне доказательный прием морфолого-синтаксической реконструкции исходной словоформы.

Во-вторых, автор указывает на действие сложившейся словообразовательной модели — образование новых, «периферийных», по терминологии автора, наречий по образцу «ядерных» наречий. Данные наречные слова не имеют морфолого-синтаксической или лексико-синтаксической мотивированности, и их возникновение может быть объяснено только действующим сложившейся словообразовательной модели.

В-третьих, появление некоторых наречий объясняется проявлением лексико-семантической аналогии, которая приводит к взаимодействию различных морфологических типов наречий, относящихся к одной лексико-семантической группе. Таким образом, исследователь прослеживает формирование трех рядов явлений: 1) появление отдельных лексем (ядра наречий); 2) становление морфологического способа образования наречий и их морфологических моделей; 3) объединение наречий в ряды по функционально-семантическому принципу. Изучение генезиса наречий в таком плане еще не было предметом специального исследования и осуществлено Е. И. Янович впервые. Плодотворность такого подхода заключается не только в том, что он поднял методичку изучения данной проблемы на современный теоретический уровень, но и, главное, в том, что он непредвзято отразил реальную языковую ситуацию и ее эволюцию в истории морфологии. Указанная выше программа, выражающая новый подход к проблеме формирования наречий как части речи, в работе последовательно

реализуется. Все это позволяет сказать нам, что большой интерес для грамматики русского языка представляет не только фактический материал, который содержится в книге Е. И. Янович, но и то, с каких позиций этот материал был подобран и исследован.

Результаты исследования, проведенного Е. И. Янович, представляют большой интерес для общей теории частей речи. Мы имеем в виду вопрос о месте наречий в номинативной системе частей речи, вопрос о специфической функции наречий в семантической структуре высказывания. Постоянное наблюдение над условиями формирования семантики первичных наречий позволили автору выявить первообразную специфику роли наречий в номинативной структуре предложения. Рассматривая в I главе образование первичных наречий на -о, автор критически пересматривает существующие в науке трактовки этого явления и предлагает свою интерпретацию исходных именных словоформ. По мнению Е. И. Янович, исходными для этого древнейшего типа наречий были речевые, синкретические по своей грамматической сути, образования: И оттуда писаше къ Иерусалимьскимъ влстителямъ, яко *тяжьско* муку прииметь от него (Ист. нуд., л. 608 об); воевали много, а сами вышли *здорово* (ПЛ-3, 1564 л. 233 об). По мнению Е. И. Янович, «синтаксические функции этих слов позволяют говорить об их особой категориальной природе. От прилагательных их отличает утрата согласовательных связей по роду и числу, а от наречий — отсутствие связи с действием... Именно эта несогласованность грамматической формы в роде и числе приводила к синтаксической переориентации таких определений, которые обнаруживали тяготение к глаголу в семантическом плане» (с. 19).

Мы, со своей стороны, хотели бы обратить внимание на то, что теоретическое подтверждение правильности данного подхода можно найти не только в работе А. П. Рифтина, на что указывает Е. И. Янович, но также и в работах А. А. Потехина (хотя процесс возникновения первообразных наречий он реконструирует иначе). Рассуждая о специфическом явлении древнего синтаксиса — вторых падежах и их судьбе в истории русской грамматики, он пишет о первоначальном «господстве в предложении начал согласования, при котором члены предложения, сравнительно с позднейшим языком, слишком однородны», и затем указывает на последующие процессы, связанные со «стремлением к дифференциации членов предложения», в частности, на «замену вторых сказуемых падежей... несклоняемыми словами сравнительно позднего образования (наречием — прилагательного, деепричастием — причастием)» (Потехина А. А. Из записок по русской грамматике. — М., 1958, т. I—II, с. 131—132). Существенно указание А. А. Потехина на противоречие между смысловой дифференциацией компонентов составных чле-

нов предложений и их морфологической однородностью. Вторые падежи отличались от обычных определений двойственностью атрибутивной ориентации. Используя современную синтаксическую терминологию, можно сказать, что противоречие между присловным характером согласовательной связи и предложеческим уровнем семантики таких словформ устранилось в дальнейшем различными средствами, в том числе и путем морфолого-синтаксического обобщения в предложении данной функциональной разновидности слов, т. е. путем появления несогласованных применных определений, на основе которых и возникли наречия как особая часть речи.

Описывая образование приставочно-суффиксальных отагдъективных наречий, Е. И. Янович следует за теми исследователями, которые считали, что данный тип наречий возник на основе субстантивации предложно-падежных форм прилагательных — процесса, предшествующего их адвербиализации. Но вопрос о том, как он происходил, ранее не рассматривался. Е. И. Янович впервые на большом фактическом материале исследует данное явление. Автор считает, что субстантивация указанных словоформ связана с лексико-семантической конденсацией обстоятельственных словосочетаний (въ мале време, на дълзе часе, во мнозе време, на дълзе време и др.). По мнению автора, субстантивации способствовала обобщенность лексического значения определяемого существительного и соответствие этого обобщенного, категориального значения синтаксической функции предложно-падежной формы в предложении. По нашим наблюдениям, субстантивное употребление прилагательных и причастий в речи является продуктивным структурным средством атрибутивного обозначения субстанции категориального ранга. Поэтому мотивировка процесса формирования первичных обстоятельственных префиксально-суффиксальных наречий, предложенная в книге Е. И. Янович, нам представляется вполне убедительной.

Подводя итог сказанному, можно отметить, что в целом подход к исследованию происхождения наречий в работе Е. И. Янович связан с определенными традициями функционально-семантического направления исторической грамматики. В соответствии с этими традициями, следуя известным принципам перевода исторических текстов, Е. И. Янович старается передать функциональный синкретизм словоформы на -о при помощи смыслового перевода.

Л. Г. Яцкевич.

В. И. Кодухов. Введение в языкознание.— М.: Просвещение, 1979.— 352 с.+2 карты.

Введение в языкознание занимает особое положение среди языковедческих

дисциплин, преподаваемых на филологических факультетах наших вузов. Этот курс не только знакомит начинающих филологов с основными понятиями и терминами науки о языке, вооружает их знанием основ языкознания, но и служит базой изучения остальных предметов лингвистического цикла. Отсюда возникают большие трудности в создании учебника по введению в языкознание, который содержал бы необходимый программный материал, характеризовался бы общедоступностью изложения и в то же время отражал современный уровень науки о языке.

Сразу же отметим, что рецензируемый учебник В. И. Кодухова отвечает всем этим требованиям. Он состоит из вводной части, трех разделов и приложений. Во введении определяется место лингвистики в системе наук, четко выделяются аспекты общего языкознания, которое, согласно концепции В. И. Кодухова, включает в себя экстралингвистику (социолингвистику, металингвистику), интралингвистику (фонологию, лексикологию, грамматику), компаративистику (сравнительно-историческое языкознание, ареальную лингвистику, типологию). Ценным и нужным во введении является исторический очерк возникновения и развития языкознания от Аристотеля до наших дней.

В первом разделе учебника «Общественная природа языка и закономерности его развития» подробно и всесторонне анализируются особенности языка как важнейшего и универсального средства общения людей. Специфические особенности языка рассматриваются на фоне других, вспомогательных средств общения (ручная азбука глухонемых, шрифт Брайля, азбука Морзе, дорожная сигнализация, научная символика и др.), что методологически и методически вполне оправдано. Значительное место в этом разделе отведено вопросам происхождения и развития языков. Подробно изложено марксистское учение о происхождении языка, убедительно аргументируется научная несостоятельность немарксистских социальных теорий. Важное место занимает изложение проблем формирования и функционирования литературных языков, языков межнационального и международного общения, искусственных международных языков. Прогнозируются и условия возникновения будущего единого языка человечества. Особое внимание В. И. Кодухов уделяет вопросам языкового строительства при социализме, показывая на конкретных и убедительных примерах процесс всестороннего развития языков народов СССР, равноправный характер их функционирования в социалистическом обществе, возрастание роли русского языка как языка межнационального общения в условиях сложившейся общности народов СССР. Все это делает учебник В. И. Кодухова современным и по свежести приводимых фактов и по методологической направленности.

Во втором разделе «Языковая систе-

ма» излагается учение о системе и структуре, устанавливаются единицы, категории и ярусы языка. В соответствии с установленными ярусами языка выделяются основные отрасли интралингвистики — наука о письме, фонетика, грамматика и лексикология, каждая из которых делится на более мелкие разделы.

В главе «Фонетика и фонология» продуманно и четко излагается учение о звуках речи как природной материи языка, рассматриваются речевой аппарат, классификация звуков, слоговое деление, ударение и интонация, взаимодействие звуков в речевом потоке. Особое внимание уделено учению о фонеме, характеристике фонологических школ. Отметим, что здесь встречаются противоречивые толкования отдельных явлений. На с. 117 утверждается, что звук (т) русского языка «зубной переднеязычный, так как кончик языка смыкается с верхними зубами...», а на с. 119 уже читаем «в русском языке все переднеязычные согласные произносятся с опущенным кончиком языка».

Отдельная глава посвящена истории возникновения и развития письма, характеристике основных его типов и разновидностей. В этой же главе рассматриваются орфография и ее принципы, транскрипция и транслитерация. Излагаемый материал интересен и вполне доступен первокурснику. Надо указать на двусмысленность в толковании характера арабского письма, которое признается одновременно и консонантно-звуковым и слоговым (с. 163—165). Все же, если исходить не из названий букв, а из того, какую единицу языка обозначает в данном письме графический знак, арабское письмо следует считать буквенно-звуковым (консонантным), но не слоговым.

Глава «Лексикология и лексикография» знакомит с основными понятиями лексикологии и фразеологии. Здесь же рассматриваются основные типы словарей. Правда, подробно характеризуются только структурные особенности толковых словарей. По нашему мнению, остальные типы словарей также нуждаются в краткой характеристике. Допу-

щена неточность в употреблении термина *варваризмы*, который отождествляется с названием *иноязычные слова* (с. 209).

Последняя глава второго раздела «Словообразование, морфология, синтаксис» посвящена изложению целого комплекса словообразовательных и грамматических тем, предусмотренных программой по введению в языкознание. Она написана также на высоком научно-методическом уровне с привлечением свежего иллюстративного материала из многих языков мира. Дефиниции, как правило, четки. Здесь обращает на себя внимание излишняя детализация в толковании отдельных явлений (с. 259—265, 271—278), а порой и тяжеловесность стиля (с. 251—252, 276—277). Вряд ли правомерно без оговорок включать в состав морфем основы (с. 237). Только основа, равная корню, будет морфемой. Иначе это противоречит приводимому в учебнике определению морфемы как мельчайшей значимой единицы языка (с. 235). Историческое чередование (o), (e) и нуля звука в словах типа *сон — сна, день — дня* (с. 246) не связано с выражением грамматического значения. Грамматические значения в этих случаях выражаются присоединением флексии.

В третьем, заключительном разделе учебника «Классификация языков» излагаются принципы систематизации и детально рассматриваются типологическая и генеалогическая классификации, характерные особенности отдельных типов и семей языков, приводятся важные сведения о родстве языков. Предметный указатель, указатель языков, карта языков мира и карта политико-административного деления СССР значительно облегчают пользование книгой.

Учебник В. И. Кодухова предназначен для студентов-русистов, но он с успехом может быть использован и на филологических факультетах национальных вузов. Его появление будет способствовать улучшению лингвистической подготовки советских студентов.

Н. А. Павленко.

Нашы юбіляры

РЫГОР ВАСІЛЬЕВІЧ БУЛАЦКІ (Да 60-годдзя з дня нараджэння)

Рыгор Васільевіч Булацкі — чалавек зайздроснага жыццёвага лёсу. Ён нарадзіўся пасля Вялікай Кастрычніцкай рэвалюцыі — і гэта шчасліва вызначыла ўсю далейшую дарогу выхадца з беднай многадзетнай сялянскай сям'і, што жыла ў вёсцы Мачулкі пад Бабруйскам. Пасля школы ён паступае ў Беларускае дзяржаўнае ўніверсітэт імя У. І. Леніна, але вайна перарывае яго вучобу. Пасля заканчэння лётнага вучылішча Р. В. Булацкі служыць штурманам у авіяцыйным палку на Далёкім Усходзе, за тысячы кіламетраў ад фронта, дзе разгарнулася смяротная бітва паміж краінай Саветаў і цёмнымі сіламі фашызму. Гэта не дае спакою маладому воіну і яго сябрам, яны пшучь рапарт з просьбай накіраваць іх у дзеючую армію. І атрымліваюць адмову за адмовай. Тады яны па прыкладу многіх савецкіх патрыётаў збіраюць сродкі на будаўніцтва самалёта і выказваюць жаданне ваяваць на гэтым самалёце. Вярхоўны Галоўнакамандуючы шле лётчыкам-сябрам В. Л. Ульянаву, А. Д. Пятрову і Р. В. Булацкаму

віншавальную тэлеграму і дазвол ваяваць на «сваім» бамбардзіроўшчыку.

У гарах, смяротна небяспечным небе Украіны, Венгрыі, Чэхаславакіі, Югаславіі, Аўстрыі пракладваў баявыя трасы штурман Р. В. Булацкі. Экіпаж грознай машыны наносіў бомбавыя ўдары па скапленнях жывой сілы і тэхнікі фашыстаў. Але аднойчы самалёт быў збіты снарадам ворага. Цяжкае раненне, шпіталь — і зноў лейтэнант Р. В. Булацкі рвецца ў бой. Дзень Перамогі ён адзначыў баявым вылетам на бамбардзіроўку фашысцкіх войск, якія імкнуліся задушыць Прагу.

Усё наступнае жыццё Р. В. Булацкага звязана з ўніверсітэтам. Пасля заканчэння журфака ён некалькі гадоў рэдагуе шматтыражную газету «Беларускі ўніверсітэт», вучыцца ў аспірантуры, затым пераходзіць на выкладчыцкую работу. Вялікая працаздольнасць, настойлівасць у дасягненні мэты, умённе бачыць галоўныя праблемы і на іх скіраваць свае намаганні — вось чым адметныя рабочыя пачырк Р. В. Булацкага. Ён абараняе кандыдацкую дысертацыю, першым у рэспубліцы праводзіць шырокія даследаванні па гісторыі партыйна-савецкага друку Беларусі. Адна за адной выходзяць кнігі, якія становяцца значнай з'явай у навуковым жыцці: «З гісторыі партыйна-савецкага друку Беларусі», «Оружием слова», «Первые рабселькоры Белоруссии», «Ленінскай гвардыі салдат» і іншыя.

У 1970 годзе Р. В. Булацкі паспяхова абараняе доктарскую дысертацыю на тэму «У. І. Ленін і публіцысты ленінскай школы», каторай ён унёс шмат новага ў распрацоўку гісторыка-гнэсеалагічнага напрамку савецкай навуцы аб журналістыцы. У сваіх кнігах ён даследуе публіцыстычную дзейнасць А. В. Луначарскага, П. М. Лесяшынскага, Кузьмы Чорнага, Платона Галавача, Веры Харужай, К. С. Ерамеева... Вядзе вялікую навукова-педагагічную работу: пад яго кіраўніцтвам ці з яго дапамогай абаронена каля трыццаці кандыдацкіх і некалькі доктарскіх дысертацый, у творчай садружнасці са сваімі былымі вучнямі, а цяпер калегамі І. І. Сачанкам і С. В. Говніным Р. В. Булацкі выпускаў фундаментальную «Гісторыю беларускай журналістыкі».

Аднак паўней за ўсё энергія Р. В. Булацкага, яго дзелавія і маральныя

якасці, прынцыповасць камуніста і чуласць праявіліся на пасту дэкана факультэта журналістыкі. Яго рабочы кабінет заўжды поўны студэнтамі, выкладчыкамі, рознымі людзьмі, што прыходзяць за парадамі, дапамогай, проста за добрым словам. Разам з тым гэта вельмі патрабавальны чалавек. Гэтыя якасці Р. В. Булацкага добра вядомы не толькі тым, хто працуе і вучыцца на журфаку; менавіта таму ў свой час камуністы ўніверсітэта аказалі яму высокае давер'е, абраўшы сакратаром парткома.

5 мая, у Дзень друку, Р. В. Булацкаму споўняецца 60 год. Многія здзіўляюцца, даведаўшыся пра гэта. Заўжды рухавы, энергічны, ён робіць уражанне маладога чалавека. Ён і застаецца малады душой. Напярэдадні юбілею жадаем яму моцнага здароўя, бадзёрасці і нястомнасці ў шматграннай працы.

**Калектыў супрацоўнікаў
факультэта журналістыкі**

ВАСІЛЬ АНДРЭЕВІЧ ПЫЖКОУ

(Да 60-годдзя з дня нараджэння)

Споўнілася 60 гадоў Васілю Андрэевічу Пыжкову—вядомаму беларускаму журналісту і вучонаму, прафесару нашага ўніверсітэта.

Яго працоўны шлях пачаўся з маленькіх заматак, што рэгулярна з'яўляліся за подпісам «Селькор В. Пыжкоў» у раённай газеце «Большавік Мсціслаўшчыны». Яны, тыя першыя публікацыі, падказалі яму думку: каб быць сапраўдным газетчыкам, трэба многа ведаць. 15-гадовы хлопец з вёскі Валымер Мсціслаўскага павета Смаленскай губерні паступае ў Магілёўскую газетна-партыйную школу. Пасля заканчэння яе прафесіянал-газетчык В. А. Пыжкоў на працягу 30 гадоў (1938—1968) самааддана служыць беларускай журналістыцы. Вось важнейшыя этапы гэтага перыяду: загадчык аддзела, адказны сакратар мсціслаўскай раёнкі «Калгасная газета»; літсупрацоўнік, уласны карэспандэнт газеты «Камунар Магілёўшчыны»; загадчык аддзела, намеснік рэдактара, першы намеснік рэдактара газеты «Советская Белоруссия»; рэдактар газеты «Звязда». Па-асабліваму творча насычанымі аказаліся гады работы ў «Звяздзе» (1954—

1968). У гэты час ён заканчвае факультэт журналістыкі БДУ, уступае ў Саюз савецкіх журналістаў, становіцца адным з заснавальнікаў і кіраўнікоў Саюза журналістаў БССР. Іменна ў гэтыя гады ён абараняе кандыдацкую і доктарскую дысертацыі, прысвечаныя пытанням тэорыі і практыкі прэсы. Іменна ў гэтыя гады ён выдае свае першыя кнігі па журналістыцы «Друк Беларусі ў барацьбе за выкананне гістарычных рашэнняў XXI з'езда КПСС» і «Газета і сучаснасць», якія разам з яго даследаваннямі, выпушчанымі пазней, і цяпер служаць добрай падмогай для нашых студэнтаў і газетных работнікаў. У гэтыя гады В. А. Пыжкоў прымаў актыўны ўдзел у грамадска-палітычнай дзейнасці: на пяці з'ездах Кампартыі Беларусі выбіраўся членам ЦК КПБ, быў дэпутатам Вярхоўнага Савета трох скліканняў, дэпутатам Мінскага гарсавета. Двойчы ў саставе дэлегацыі Урада БССР ён прадстаўляў нашу рэспубліку на сесіях Генеральнай Асамблеі ААН.

З 1968 года В. А. Пыжкоў — прафесар кафедры тэорыі і практыкі савецкай журналістыкі БДУ імя У. І. Леніна. Прызнаны тэарэтык і практык друку, ён перадае свой вопыт маладым калегам, працягвае дослед беларускай перыёдыкі. Ён вядзе курс «Праблематыка газетных выступленняў» і спецсеминар «Актуальныя праблемы публіцыстыкі». За час работы ва ўніверсітэце ім напісана дзве манаграфіі — «Журналіст у эканамічным пошуку» і «Ад партрэта сучасніка да гісторыі сучаснасці», некалькі навуковых артыкулаў, ён выступае на старонках газет. Свой уклад уносіць і ў падрыхтоўку навуковых кадраў: сярод яго вучняў — адзін доктар і чатыры кандыдаты навук.

Камуніст В. А. Пыжкоў актыўна выконвае партыйныя і грамадскія даручэнні: ён — намеснік сакратара партбюро факультэта, старшыня метадычнай камісіі, сакратар агульнаўніверсітэцкай арганізацыі Саюза журналістаў БССР.

Заслугі Н. А. Пыжкова высока ацэнены КПСС і Савецкім урадам. Ён узнагароджаны ордэнамі Леніна і «Знак Пашаны», медалямі і ганаровымі Граматамі Вярхоўнага Савета БССР. Яму прысвоена ганаровае званне «Заслужаны дзеяч культуры Беларускай ССР».

У росквіце творчых сіл сустракае юбіляр сваё шасцідзесяцігоддзе. Жадаем Вам, Васіль Андрэевіч, як мага больш творчых радасцей, здароўя, шчасця.

В. І. Дубовік.

АЛЕГ АНТОНАВІЧ ЛОЙКА
(Да 50-годдзя з дня нараджэння)

Некалькі гадоў назад мне давялося пісаць пра Алега Антонавіча Лойку біяграфічную даведку для аднаго з тамоў Беларускай Савецкай Энцыклапедыі. Што магла змясціць пра гэтага чалавека па-энцыклапедычнаму скупая, лаканічная нататка? Хіба толькі тое, што нарадзіўся ён 1 мая 1931 года ў Слоніме ў сям'і фельчара. Скончыў філалагічны факультэт БДУ імя Леніна. З 1956 года выкладае ва ўніверсітэце беларускую літаратуру. Доктар філалагічных навук (1969), прафесар (1970). Друкуецца з 1951 года. Першыя кнігі, якія выйшлі ў адным і тым жа 1959 годзе, — манаграфія «Адам Міцкевіч і беларуская літаратура» і зборнік вершаў «На юначым шляху». Паэтычным творам А. Лойкі (зборнікі вершаў «Дарог бясконцае суседства», «Такі ўжо час», «Багі», «Запавет», «Догмы», паэмы «Лясная песня», «Лясун» і інш.) уласцівыя паглыблены роздум над праблемамі сучаснасці, філасофская развага, лірызм і мяккая ўсмешка, моцная сувязь з нацыянальным фальклорам. Піша для дзяцей (зборнікі «Як Тоня рэха шукала», «Карагод дзівосных прыгод», «Дзе хто начуе?» і інш.).

Складальнік паэтычных зборнікаў і анталогій «Узлёт» (1965), «Натхненне» (1967), «Мары юнацкія» (1969), «Універсітэт паэтычны» (1971), «Вясны» (1977). Як даследчыка А. Лойку цікавяць праблемы народнасці, рэалізму і рамантызму, заканамернасці развіцця нацыянальнай лірыкі і паэмы, станаўленне мастацкай індывідуальнасці паэта, фалькларызм паэзіі, літаратурныя ўзаема сувязі і інш. Аўтар манаграфій «Максім Багдановіч» (1966), «Сустрэчы з днём сённяшнім» «Новая зямля» Якуба Коласа. Вытокі, веліч, характэрна» (1961), «Беларуская паэзія пачатку XX стагоддзя» (1972), вучэбнага дапаможніка ў двух частках «Гісторыя беларускай літаратуры. Дакастрычніцкі перыяд» (1977) і інш. Пераклаў на беларускую мову творы П. Верлена, І. В. Гётэ, М. Някрасава, Р. Гамзатава, Зульфій, польскіх і іншых паэтаў. Творы А. Лойкі перакладаліся на рускую, украінскую, літоўскую, латышскую, узбекскую, туркменскую, малдаўскую, англійскую, польскую, балгарскую і некаторыя іншыя мовы.

Каб падрахункаваць усё зробленае А. А. Лойкам ва ўсіх галінах навукі і паэтычнай, а таксама літаратурна-крытычнай творчасці, патрэбен, бадай, спецыяльны падліковец. Каля дзесяці літаратуразнаўчых кніг, больш дваццаці паэтычных зборнікаў, у тым ліку тры («Расколдованное Полесье», «Моя планета» і «Немига») — у перакладзе на рускую мову, адзін («Дзе хто начуе?») — на польскай мове, звыш трохсот артыкулаў, рэцэнзій, эсэ, нататак... А яшчэ — дзесяткі перакладаў з розных моў, сярод якіх узвышаюцца вяшчынямі дзве кнігі — выбраныя творы Поля Верлена «У месяцавым ззянні» і «Сустрэча і ростань» Гётэ. А яшчэ — складанне, навуковае рэдагаванне і рэцэнзаванне асобных зборнікаў, манаграфій іншых вучоных.

Трэба папрысутнічаць на лекцыях прафесара А. А. Лойкі, трэба пабыць на пасяджэннях універсітэцкага літаратурнага аб'яднання «Узлёт», якім вось ужо больш пятнаццаці гадоў кіруе паэт Алег Лойка, трэба, урэшце, наведаць хаця б адзін партыйны сход ці пасяджэнне партыйнага бюро факультэта, дзе камуніст Лойка зацікаўлена абмяркоўвае важныя для вучэбнага працэсу пытанні, каб склаўся ў нашым уяўленні цэласны вобраз гэтага чалавека. Чалавека, увогуле, тыповага для нашага грамадства, для навуковага асяроддзя. І разам з тым незвычайнага, асаблівага, самабытнага.

У жыцці А. А. Лойкі яшчэ толькі сярэдзіна лета, нават не пачатак восені, а ўжо такі багаты плён! Чым гэта вытлумачыць? Галоўная прычына, думаецца, у тым, што з юначых гадоў у яго была і ёсць свая гуцяводная зорка, свая вядучая ідэя, якой ён служыў і служыць. Гэта — усвядомленая неабходнасць самаадданага служэння роднаму народу, бацькаўшчыне, жаданне ўзвялічыць родны край і народ, уславіць яго гераічнае мінулае і светлае сёння. Другое, на што хацелася б звярнуць увагу, — гэта надзвычайная працавітасць А. А. Лойкі. Ён адкрыта прызнаецца: «На работу праменьваю ўсё...» («Трыялет»). Шчасце для яго — занятак любімай працай, працай агульнапатрэбнай і агульнакарыснай.

В. П. Рагойша.